

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Крупенкин Евгений Николаевич

ТУРКЕСТАН В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1865–1917 гг.):
ОТ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
К ГРАЖДАНСКО-АДМИНИСТРАТИВНОМУ

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент
Шевцов Вячеслав Вениаминович

Томск – 2018

Оглавление

Введение	3
1 Политика Российской империи в Центральной Азии во второй половине XIX в.....	31
1.1 Центральная Азия как объект историко-геополитического анализа.....	31
1.2 Россия в геополитической ситуации в Центральной Азии второй половины XIX в.	46
1.3 Туркестан в условиях расширения российской цивилизации	83
1.4 Военно-политические факторы присоединения Западного Туркестана к Российской империи	91
2 Туркестан в составе Российской империи	106
2.1 Туркестанское генерал губернаторство: административно- территориальное деление и структуры управления	106
2.2 Нормативно-правовая основа управления по Положению об управлении Туркестанским краем 1867 г. и её развитие в проектах 1871 и 1873 гг..	121
2.3 Эволюция и особенности системы управления Туркестанским краем по Положению 1886 г.....	132
2.4 Проекты реформирования системы управления Туркестанским краем в начале XX в.	140
Заключение	157
Список использованных источников и литературы	163

Введение

Актуальность исследования. Парад суверенитетов и распад СССР стимулировал научные и общественные дискуссии о путях формирования российского государства, оценке его территориального роста с позиций как добровольного присоединения, так и колониального захвата, что затронуло, в свою очередь, и проблематику российского присутствия в Средней Азии.

Освободившись от идеологического контроля, современные историки среднеазиатских республик, делая акцент на политическую самостоятельность и значимость в системе международных отношений, вступили на путь создания новых историй своих народов и государств. Этот процесс происходил на фоне обострившихся, в условиях кризиса 1990-х гг., межнациональных отношений. В результате Россию обвиняли в причинах этого кризиса, которые, по мнению многих национальных историков коренились в колониальных захватах, аннексии и эксплуатации народов бывшей советской Средней Азии. Таким образом, основным обсуждаемым вопросом стал вопрос о добровольном или принудительном характере включения центрально-азиатских территорий и государств в состав России. На этом фоне на второстепенный план были оттеснены вопросы эволюции системы регионального управления, которая имело сложную динамику развития и особенности, отличные от эволюции системы управления внутренних губерний империи.

Историками центральноазиатских стран СНГ сформирована обширная историография, в основном по вопросам присоединения к России, этноконфессиональных отношений, различного рода притеснений русскими местного населения, русификаторской политики, неоправданного развития капитализма в противовес местным укладам и т.п. Такого рода исследования, реализуя задачи, поставленные политической элитой, переосмысливают прошлое путем культивирования национально-патриотических взглядов в вопросах исторической оценки взаимоотношений русского народа и российского государства с народами Центральной Азии во второй половине XIX в.

В современной российской науке, с одной стороны, обозначилась насущная потребность в адекватном реагировании на указанную тенденцию национальных историографий Центральной Азии, а с другой стороны – в формулировании оценки региональной политики и регионального управления в Российской империи, актуальной для разработки современных подходов к этим вопросам. В этом смысле важно не писать историю по новому, отрицая опыт предшествующих поколений, а проследить преемственность развития, как системы управления, так и исторической мысли её изучающей.

Анализ геополитической ситуации в Центральной Азии, применительно к практическим вопросам выработки и реализации внешней политики России в регионе, востребован вот уже несколько столетий. В отечественных исследованиях традиционно принято констатировать конкурентный характер международно-политической среды в регионе, который для России всегда оставался естественной сферой влияния. Эти территории входили в состав Российской империи, а пять современных суверенных республик Центральной Азии были частью СССР. Именно поэтому попытки стран Запада закрепиться в Центральной Азии всегда воспринимались исключительно как прямая угроза российским интересам¹.

После небольшого перерыва, обусловленного периодом кризисного развития в 1990-е гг., с наступлением политической и социально-экономической стабилизации в начале 2000-х гг., Россию вновь стали привлекать «впечатляющие» геоэкономические перспективы на центральноазиатском направлении. По оценке экспертов, здесь у России «практически нет конкурентов», так как в силу географических факторов именно Россия способна предложить государствам региона наиболее выгодные условия. То же касается и гарантий безопасности в рамках ОДКБ². В то же время, Россия, Китай и США

¹ Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Вып. 13. № 3. С. 76.

² Слуцкий Л. Россия возвращается в Центральную Азию // Россия и мусульманский мир. 2003. № 4. С. 55–57.

признаются «ключевыми игроками» в борьбе за влияние в регионе, равно как и «глобальным и региональным центрами силы»³.

Центральный вопрос, который сегодня ставят исследователи центрально-азиатских стран состоит в выяснении того, а «в чем, собственно, заключаются реальные выгоды расширения господства Запада [куда авторы относят и Россию] над азиатскими странами?»⁴. Такая постановка свидетельствует о том, что затронутая в диссертации проблема актуальна.

В отличие от быстроразвивающихся «тигров» – государств Юго-Восточной Азии, страны Центральной Азии, имеют менее динамичные экономики, формируя ВВП в сырьевых отраслях или экспорте рабочей силы. Проблемы бедности и безработицы провоцируют внутривластическую нестабильность. С учетом территориальной близости стран Центральной Азии, их членства в СНГ и возможной дальнейшей интеграции в ЕАЭС, этот аспект приобретает особую актуальность. Перед странами макрорегиона стоят задачи расширения интеграции, обеспечения стабильности развития, формировании общего экономического и научного пространства.

В этой связи, представляется значимым исследование эволюции системы управления Туркестаном в указанный период, с выявлением исторического опыта регулирования социальных отношений в регионе, его экономического развития и хозяйственной специфики, в контексте процесса перехода от военных к гражданским методам управления, ориентированным не столько на удержание и охрану края, сколько на его развитие в составе Российской империи. Обращение к имперскому опыту может быть полезным при совершенствовании системы управления современной России.

Степень изученности проблемы. Вопросы вхождения Туркестана в состав Российской империи, формирования и развития структур государственного управления и местного самоуправления всегда находились в фокусе научного

³ Фоминых А. Указ. соч. С. 76.

⁴ Мамадалиев И. А., Махмудова Н. С. «Русский Туркестан» цена окраин для имперского бюджета // Учен. зап. Куджандского гос. ун-та им. академика Б. Гафурова. Сер. гуманитарно-общественных наук. 2013. № 4 (37). С. 180–191.

внимания историков, политологов, юристов и социологов. Изучение процессов присоединения и управления Туркестанским краем хронологически прошло три исследовательских этапа: вторая половина XIX – начало XX в., традиционно именуемый «дореволюционным», 1920–1980-е гг. – «советский» период с доминирующей марксистской научной парадигмой, 1990-е–2010-е – современный, когда историческая наука получила возможность развития в условиях идеологического плюрализма и знакомства с зарубежной историографией.

Научная литература по Туркестану дореволюционного периода представлена работами географов, геологов, этнографов, военных востоковедов: В.В. Радлова⁵, П.П. Семенова-Тянь-Шанского⁶, Н.А. Северцова⁷, Ч.Ч. Валиханова⁸, А.П. Федченко⁹, М.И. Венюкова¹⁰, И.П. Минаева¹¹, В.Ф. Ошанина¹², Г.Е. Грум-Гржимайло¹³, И.В. Мушкетова¹⁴. Здесь даны подробные описания ландшафта, природно-климатических условий и потенциала экономического освоения. Однако вопросы управления не рассматривались, а лишь упоминались в связи со спецификой исследовательского подхода. Исключение составляет фундаментальный труд Л.Ф. Костенко¹⁵, обладавшего уникальными знаниями и опытом работы в Центральной Азии¹⁶. Н.М. Коркуновым и Н.Ц. Лазаревским,

⁵ Радлов В. В. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1868 г. // Изв. Рос. географ. об-ва. СПб., 1870. Т. 6. С. 96–100.

⁶ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1946. Т. 2, Семенов-Тянь-Шанский П. П. Поездка из укрепления Верного через горный перевал к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г. // Зап. Рус. географ. об-ва по отд-нии. географии. 1867. Т. 1. С. 180–254.; Семенов-Тянь-Шанский П. П. Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет, до верховьев р. Яксарта, или Сыр-Дарьи, в 1857 г. // Вестн. РГО. СПб., 1858. Ч. 23. С. 1–23

⁷ Северцов Н. А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. СПб., 1873. Т. 6.

⁸ Валиханов Ч. Ч.. Сочинения // Зап. Рус. географ. об-ва по отд-нию этнографии. СПб., 1904. Т. 29. 533 с.

⁹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950.

¹⁰ Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны // Зап. Рос. географ. об-ва. 1861, Кн. 4. С. 79–130.

¹¹ Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879. Т. 8.

¹² Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз. СПб., 1881.

¹³ Грум-Гржимайло Г. Е. Краткий отчет о результатах экспедиции в Приалайские страны // Изв. Рос. географ. об-ва. 1884. Т. 20. С. 660–679; Грум-Гржимайло Г. Е. Очерк Припамирских стран // Там же. СПб., 1886. Т. 22. С. 82–108.

¹⁴ Мушкетов И. В. Памир и Алай // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., 1885. Т. 10: Русская Средняя Азия. С. 299–332.

¹⁵ Костенко Л. Ф. Туркестанский край : в 3 т. СПб., 1880.

¹⁶ Л.Ф. Костенко, в 1867 г., находился в должности помощника старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа. С начала 1868 г. – член Статистического комитета, где собирал и систематизировал экспонаты

была подробно изучена нормативная база российского административного управления в регионе, правовой статус и полномочия генерал-губернаторов, особенности разграничения управленческих функций между центральными и местными органами¹⁷. Официальная позиция правительства в отношении присоединения управления Туркестаном, роль в этих процессах личностей генерал-губернаторов отражена в справочных и энциклопедических изданиях¹⁸.

В условиях Первой русской революции появились и критические публикации – так Е.И. Игнатьев описывал деятельность туркестанских генерал-губернаторов как покорителей и колонизаторов народов, не желавших «перевариваться» в российском котле¹⁹.

С марксистских позиций тема Средней Азии как колониального владения Российской империи разрабатывалась В.И. Лениным. В контексте освободительного движения и будущего социалистического строительства, он делал вывод о прогрессивном характере присоединения Средней Азии к России и формулировал идею о возможности перехода «отсталых» среднеазиатских народов к социализму, минуя капиталистическую формацию.

Ленинский подход стал идеологической основой для советских историков, развивавших классовую теорию «социалистических наций», возникших на «развалинах» наций буржуазных. В этом направлении работали такие авторы, как М.Н. Покровский²⁰, А.К. Азизян²¹, С.И. Якубовская²², К.В. Капырин²³, И.П.

Туркестанского края для Всероссийской мануфактурной выставки в Санкт-Петербурге. В 1870 г. успешно выполнил сложную дипломатическую миссию в Бухаре. В 1873 г. – участник Хивинского похода, затем – старший адъютант штаба Туркестанского военного округа. В 1874 г. посетил Алжир и Тунис, где знакомился с опытом колониального управления. В 1876 г. составил военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Путешествовал по Алтаю, Памиру и Тянь-Шаню. С 1878 г. – начальник штаба Семиреченской области. С 1887 г. – заведующий Азиатской частью Главного Штаба (Басханов М.К. Костенко Лев Феофилович // Русские военные востоковеды до 1917 года : биобиблиогр. словарь. М., 2005. С. 128).

¹⁷ Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1891. Т. 1; Лазаревский Н.Ц. Лекции по русскому государственному праву. Административное право. СПб, 1910. Т. 2.

¹⁸ Русский биографический словарь. СПб, 1896–1918 Т. 1–23; Альманах русских государственных деятелей. СПб, 1897. Т. 1–2; Афанасьев Н. Ц. Современники в биографиях важнейших деятелей. СПб, 1904.

¹⁹ Игнатьев Е. И. Россия и окраины: очерк Е. Игнатьева / под ред. И. И. Иванюкова. СПб., 1906.

²⁰ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.: лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) 1923/1924 годы. М., Л., 1927.

²¹ Азизян А. К. Социалистическое преобразование наций Советского Востока // Советское востоковедение. 1957. № 5. С. 27–38.

²² Якубовская С. И. Ликвидация фактического неравенства наций на примере народов Средней Азии и Казахстана // Ист. зап. М., 1954. № 48. С. 156–201.

²³ Капырин П. И. Социалистические нации нового типа. М., 1957.

Цамерян²⁴, Ш.Б. Батыров²⁵, Т.Ю. Бурмистрова²⁶, А.Х. Турсунов²⁷. Указанные авторы разрабатывали в основном проблемы формирования социалистических наций в СССР, успехов в разрешении национального вопроса и реализации национальной политики. Здесь рассматривались схожие истории формирования той или иной нации, ранее считавшейся отсталой и угнетенной, а при советской власти, получившей возможности свободного развития. Комплексное рассмотрение отдельных элементов нации: общности территории, языка и экономики складывалось в теорию «нового советского народа». Совокупность исследований 1950–1970 гг. в целом позволила расширить фактологическую базу, углубить знание истории формирования наций в Центральной Азии, провести дискуссии по вопросам общности географических, языковых, экономических условий жизни, этапов формирования «буржуазных» и «социалистических» наций.

В советской историографии 1950–1960 гг. был обстоятельно изучен период так называемого «кокандского господства» до прихода российской администрации. По этому периоду делался однозначный вывод об угнетении кокандской властью узбеков, киргизов и других народов Туркестана. В данном случае российская колонизация представлялась как освобождение от кокандского гнета. Указанные вопросы рассматривались Б. Джамгерчиновы, К.У. Усенбаевым²⁸. По проблемам дореволюционной истории Туркестанского края большую роль играют вопросы вхождения в состав империи некоторых регионов Средней Азии, феодальных отношений и их трансформации в связи с проникновением капитализма²⁹.

²⁴ Цамерян И. П. Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития. М., 1958.

²⁵ Батыров Ш. Б. Формирование и развитие социалистических наций в СССР. М., 1962.

²⁶ Бурмистрова Т. Ю. Закономерности и особенности развития социалистических наций в условиях строительства коммунизма. Л., 1974.

²⁷ Турсунов Х. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане. Ташкент, 1971.

²⁸ Джамгерчинов Б. К вопросу об общественно-экономическом строе киргизов накануне присоединения Киргизии к России (в середине XIX в.). Первая научная сессия АН Киргиз. ССР. Фрунзе, 1955; Джамгерчинов Б. К. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1960; Усенбаев К. У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961; Он же: Присоединение южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960; Он же: Прогрессивное значение присоединения Киргизии к России. Фрунзе, 1957.

²⁹ Джунушев К. Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии. Фрунзе, 1962; Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и

Анализу различных аспектов национально-освободительного движения среднеазиатских народов ³⁰, развитию общественно-политической жизни литературы ³¹ посвящено несколько десятков работ. Х.Т. Турсунов в работе «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» на основе обширного архивного материала и опубликованных источников, подробно рассмотрел предпосылки и причины восстаний в областях Туркестанского и Степного генерал-губернаторства. Автор выделил ход восстания в этих регионах, связав его с социально-экономической и политической ситуацией в Центральной Азии и в Казахстане.

Значительное количество авторов в советский период писали об истории Гражданской войны и утверждению советской власти в Туркестане ³².

Вопросы управления краем фрагментарно были затронуты в работах по истории экономического развития региона ³³.

В рамках исследуемой проблематики нельзя не упомянуть, реализуемый в СССР проектный подход при подготовке крупными научными коллективами и ведущими научно-историческими институтами коллективных исследований, обычно по истории КПСС и отдельных партийных организаций.

Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955; Вяткин М. П. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962.

³⁰ Бейсембиев К. Идеино-политические течения в Казахстане в конце XIX–начале XX в. Алма-Ата, 1961; Брайнин С., Шадгиро Ш.. Восстание казахов Семиречья в 1916 году. М. Алма-Ата, 1935; Елецов Т. Е. О характере восстания 1916 г. в Казахстане // Вестн. АН Казахской ССР. 1954. № 6. С. 33–43; Зевелев А., Абдуллаев Ш. Дискуссия о характере национальных движений в Средней Азии и Казахстане в колониальный период // Вопросы истории. 1955. № 9. С. 173–178; Карпов Г. И. Восстание тедженских туркмен в 1916 году. Ашхабад. 1935; Кастельская З. Д. Восстание 1916 г. в Узбекистане. Ташкент. 1937; Манжара Д. И. Революционное движение в Средней Азии 1905–1920 г. Ташкент. 1934; Раджабов З. Ш. Восстание 1916 года в Ходжентском уезде. Душанбе, 1955; А. А. Росляков. Революционное движение и социал-демократические организации в Туркестане в дооктябрьский период (1900–март 1917 г.). Ашхабад. 1957; Серый Я. Н. Восстание 1916 г. в Ферганской долине. Ташкент. 1947; Шоинбаев Т. Алиби Джангальдин. Алма-Ата, 1957.

³¹ Муминов И.М. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX в. Ташкент, 1957; Бейсембиев К. Идеино-политические течения в Казахстане в конце XIX–начале XX в. Алма-Ата, 1961; Раджабов З.Ш. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа. Душанбе, 1957; Богоутдинов А.М. Очерки истории таджикской философии. Душанбе, 1961.

³² Жантуаров С. Б. Гражданская война в Киргизии. Фрунзе, 1963; Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959; Иркаев М. И. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1963.

³³ Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент 1959; Бекмаханов Е. Б. Социально-экономические отношения в Казахстане в период империализма. Алма-Ата, 1957; Байбулатов Б. Б. Социально-экономический строй в Киргизии до Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1958; Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959; Фридман Ц. Л. Иностраный капитал в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1960.

Так, в «Истории КПСС» авторы обобщают развитие национальных отношений в крае. В целом исследовательская концепция строится на основе признания «угнетенных национальностей», господства «феодално-байской верхушки», «угнетенных народов», «колониальной зависимости» и «колониальной окраины». Таким образом, официальная позиция советской науки на момент издания многотомной «Истории КПСС» представляла собой признание «колониального Востока», которому революция дала свободу от «гнета колониализма»³⁴.

Аналогичную позицию заняли авторские коллективы «Историй» советских социалистических республик региона, в частности «Очерков истории» Коммунистических партий республик Средней Азии³⁵.

Вопросы Туркестана освещены в «Историях» среднеазиатских советских республик в отдельных главах или разделах по периодам их пребывания в составе Туркестанского края. Как правило, это разделы о «добровольном вхождении» территории в состав империи, кризисе патриархально-феодалных отношений и развитии капитализма, событиях в регионе в годы Первой русской революции, политики П.А. Столыпина, Февральской революции и событиях 1917 г.

«Очерки» истории Коммунистических партий Туркестана богаты большим количеством фактов местных партийных организаций и их деятельности³⁶. Для исследования рассматриваемой темы интересны разделы «Очерков», где обобщен дореволюционный период развития политической ситуации в Туркестанском крае. В «Очерках», как правило, отражены стратегия и тактика местных партийных организаций, их позиция по национальному вопросу. В целом, в «Очерках» на богатой фактологической основе была воссоздана конкретно-историческая обстановка. В то же время, вопросы управления краем рассмотрены

³⁴ История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. / П. Н. Поспелов [и др.]. М., 1965. Т. 1; 1966. Т. 2.

³⁵ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1–2; История Киргизской ССР. Фрунзе, 1963. Т. 1–2; История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 1–2; История Узбекской ССР. Ташкент, 1958. Т. 1–2.

³⁶ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 1964; Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1984; Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1966; Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. Душанбе, 1964; Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1964; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1964; История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967.

фрагментарно, а анализ политической ситуации страдает декларативностью, обусловленной идеологической предустановленностью выводов.

Для «Очерков» также характерна частая потеря авторскими коллективами и редакторами собственно историко-партийной канвы и переход на пространное описание социально-экономического развития. При этом попытки научного обобщения и выводов нередко «тонули» в констатации массы фактов, событий и цифр. В то же время, с 1990 г. историко-партийная проблематика утратила популярность у исследователей и на сегодняшний день актуальных работ по этим проблемам практически нет, в то время как в документах партийных организаций содержался критический анализ системы, структуры и методов российского «колониального» управления в Туркестане. Таким образом, указанные «Очерки» являются единственной серьезной работой по истории партийных организаций в Центральной Азии первой четверти XX в.

Несмотря на идеологическую ангажированность, такого рода публикации расширяли круг исторических данных, уточняли конкретные факты. В научный оборот был впервые введен широкий ряд исторических документов. Но серьезный недостаток такого рода работ состоял в том, что они дифференцировали лишь два направления в национальном движении: буржуазно-националистическое и революционно-демократическое, противопоставляя их в рамках парадигмы классовой борьбы.

Эти работы страдали декларативностью основных выводов, не подкрепленных объективным анализом фактов. Это отразилось на освещении предпосылок присоединения Туркестана. Одним из основных противоречий литературы советского периода стало, с одной стороны, признание российских структур управления краем, «колониальной администрацией», а с другой – констатация прогрессивной роли присоединения новых территорий, когда та же самая «колониальная» администрация защищала местное население от феодальной знати.

Отдельным направлением историографии следует считать работы по административно-территориальному делению Российской империи,

государственному управлению, местному самоуправлению, институту губернаторства (генерал-губернаторства) в России и Туркестане. Здесь следует выделить историческое исследование Н.П. Ерошкина, где в небольшом объеме была систематизирована история институтов губернаторского управления³⁷.

Работа П.А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России» впервые показала важность исследования личного состава госаппарата (принадлежность к сословию, имущественное положение и т.д.)³⁸.

Вопросам регионального управления посвящена книга М.М. Шумилова³⁹. Он продолжил изучение института губернаторства в России, начатого П.А. Зайончковским. В исследовании автор на основе формулярных списков подробно рассмотрел политику правительства относительно местной власти (губернский уровень).

В целом, советский период в историографии проблем управления Туркестанским краем, характеризуется с одной стороны большим числом исследований, с другой стороны – узостью тематики, ограниченной национальным вопросом на окраинах империи и «эксплуатацией трудящегося земледельческого и кочевого населения». Идеологический контроль в исторической литературе предопределял доминирование позиции, отстаивания прогрессивного значения присоединения Туркестана к России, развитие положений о «созидательной роли великого русского народа». В данном случае общая исследовательская парадигма советской историографии утрачивала логическую стройность, постоянно находясь в противоречии. С одной стороны Россия рассматривалась как освободитель народов Востока от гнета феодальных пережитков и опасностей феодальных распрей, а с другой стороны – она же считалась классическим колонизатором, вовлекавшим тех же самых трудящихся Востока в «тюрьму народов», из которой их освободили большевики. Указанное противоречие

³⁷ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

³⁸ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

³⁹ Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х–начале 80-х гг. XIX века. М., 1981.

закладывалось постепенно. Появился постулат о колониальном характере, а затем была утверждена прогрессивная роль русского народа.

Попыткой сглаживания указанного противоречия стала концепция формирования «новой исторической общности людей – советского народа» в составе России на основе «добровольного вхождения», в том числе и народов, проживавших в Средней Азии, что всегда имело для них «прогрессивные последствия». В рамках указанной концепции рассматривались в основном национально-классовые отношения и экономика окраин, а вопросам управления присоединенным территориям уделялось второстепенное значение.

Оценивая состояние советской историографии по этой проблеме, можно констатировать, что советские ученые достигли значительных успехов по введению в научный оборот значительного количества источников по социально-экономической истории. В то же время, попыткам научного обобщения этих массивов данных, объективности выводов мешали тенденциозность и идеологизация науки. Таким образом, эволюция российского управления в Туркестане не получила в советской историографии комплексного объективного изучения. Эти вопросы были заслонены пропагандой прогрессивных последствий приобщения отсталых масс декхан (крестьян) к передовой пролетарской мысли. Сегодня этот пробел требует восполнения.

В современный период историки демонстрируют как новые подходы к изучению институтов власти и правящей элиты в Российской империи, так и обращение к оценкам, данным в дореволюционных исторических и правовых исследованиях, использование фактического материала трудов советского периода. Среди наиболее крупных работ 90-х гг. – «История государственной службы в России. XVII–XX века»⁴⁰. В справочном издании «Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.)» были предприняты попытки по новому подойти к исследованию власти в России, изучению правящей элиты империи⁴¹. Глубоким

⁴⁰ Архипова Т. Г., Румянцев М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России. XVII–XX века. М., 1999.

⁴¹ Российская государственность (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 1–4. М., 1996–2001.

анализом отличаются историко-источниковедческие очерки В.А. Иванова «Губернское чиновничество в 50–60 гг. XIX в. в России»⁴², где автор анализирует весь спектр работы с формулярными списками губернаторов, возможность использования формуляров, периодических изданий, мемуаров.

В 1990-е гг. были опубликованы исследования, в которых анализировалась деятельность местной власти на окраинах – генерал-губернаторов, губернаторов и наместников. Процесс инкорпорации в состав России народов, территорий с уже имеющимися государственными институтами был рассмотрен в таких работах как «Национальная политика в императорской России»⁴³ и в коллективной монографии «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления»⁴⁴. Авторы сравнили и проанализировали сложившиеся после вхождения регионов в состав России различные варианты управления окраинами. В то же время описание окраин получилось в итоге неоднородным, структуры государственного регионального управления в основном лишь упоминались, а ситуация в Туркестане лишь обозначена. В монографии «Национальный вопрос в Государственных думах России»⁴⁵ были затронуты проблемы взаимоотношений формирующейся законодательной власти и правительства по вопросам статуса и развития окраин.

Истории становления и развития системы управления Туркестанским краем была посвящена диссертация Д.В. Васильева⁴⁶, положения которой развивались и в других многочисленных статьях автора⁴⁷. Используя большую источниковую базу автор пришел к выводу, что причинами присоединения этого региона к

⁴² Иванов В. А. Губернское чиновничество в 50–60 гг. XIX в. в России. Калуга, 1994.

⁴³ Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) / сост., ред. и автор вст. ст. Ю. И. Семенов. М., 1997.

⁴⁴ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.

⁴⁵ Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России (опыт законоотворчества). М., 1999.

⁴⁶ Васильев Д.В. Становление и развитие системы управления Туркестанского края, 1856–1866 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

⁴⁷ Васильев Д.В. К истории образования Туркестанского генерал-губернаторства (1864–1867 гг.) // Воен.-ист. журн. 2017. № 11. С. 75–81; Васильев Д.В. О политике царского правительства в Русском Туркестане (к вопросу о «русификации») // Сб. рус. ист. об-ва. М., 2002. Т. 5 (153). С. 58–70; Васильев Д. В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Науковедение. 2014. № 5 (24). С. 1–23; Васильев Д. В. Административное управление Малой казахской ордой в первой половине XIX в. // Гуманит. иссл. в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 40–45.

Российской империи были не экономические факторы, а геополитические. Кроме того, автор показал, что российский Туркестан во второй половине XIX в., в отличие от британской Индии, не являлся колонией. Нам трудно согласиться с выводом автора, что в имперской политике в этом регионе колониальный компонент отсутствовал. Возможно, Россия, как империя находилась в переходном периоде с новыми качественными чертами. Изучив деятельность генерал-губернатора К.П. Кауфмана, Д.В. Васильев отметил, что в регионе сложилась региональная автаркия.

Развитие правового статуса, институтов государственного регионального управления в Туркестане во второй половине XIX в. с позиций историко-правового анализа показано в докторской диссертации Ф.Т. Тухтаметова⁴⁸.

В работе В.П. Зиновьева и Н.А. Федорова «Переселение в Сибирь и на Кавказ»⁴⁹ был выполнен анализ переселенческого движения в Азиатскую Россию (в том числе и в Центральную Азию). В ряде статей, В.П. Зиновьев предпринял сопоставление опыта освоения Сибири и Центральной Азии⁵⁰. Например, были рассмотрены актуальные проблемы взаимодействия и взаимопонимания народов Сибири и Центральной Азии, региональных связей указанных регионов в XVIII–XX вв. в сферах экономики, политики, демографии. Отдельное издание посвящено обзору современного состояния центральноазиатских стран СНГ и их участию в мировых интеграционных процессах⁵¹.

В 1990-е годы, после крушения Советского союза научные исторические исследования по проблемам Центральной Азии дореволюционного периода приняли более свободный характер, освободились от идеологического контроля. Отказ от прежней методологии и марксистской концепции продуцировал

⁴⁸ Тухтаметов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: вторая половина XIX века: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

⁴⁹ Зиновьев В. П., Федорова Н. А. Переселение в Сибирь и на Кавказ [Электронный ресурс] // Фонд изучения наследия П.А. Столыпина. Электрон. дан. [Б. м., б. г.]. URL. http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=106 (дата обращения: 25.07.2018).

⁵⁰ Зиновьев В. П. Г.Н. Потанин как друг азиатских народов // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 2 (14). С. 34–36; Торговый обмен Сибири и Центральной Азии в начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: Проблемы региональных связей. XVIII–XX вв.: сб. ст. и матер. / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск, 2004. С. 108–120.

⁵¹ Зиновьев В. П. Страны СНГ и Балтии. Томск, 2004.

восприятие новых направлений в исторической науке. Возрос интерес к трудам и концепциям русских и зарубежных историков XIX – начала XX веков, нередко воспринимаемых некритически.

С 2000-х гг. проблемы дореволюционной истории в отечественной историографии стали рассматриваться в рамках такого направления как «новая имперская история»⁵², которое придало новый импульс к изучению системы управления отдельными макрорегионами⁵³, в том числе и Туркестаном. Это работы В.В. Корнеева⁵⁴, А.И. Яковлева⁵⁵, С.Н. Абашина⁵⁶, И.В. Бахлова⁵⁷, А.Д. Тимошевской⁵⁸, которые уделили внимание генезису административного управления на присоединенных территориях. Указанные авторы в основном позитивно оценивают влияние России на развитие Туркестанского края.

Современные российские исследования по истории Туркестана находятся на начальном этапе. Не многие авторы интересуются проблемами указанного региона. Параллельно, в республиках бывшего СССР складываются свои исторические школы, представители которых являются приверженцами самых разных, порой противоположных, взглядов на период, когда их народы входили в состав российского государства. В этой связи, российским ученым нередко приходится вступать в полемику, дискутировать с коллегами из стран СНГ. В то же время, российские исследователи предпринимают попытки не столько отсеять достижения советских историков, как концептуально предвзятые, но, пересмотрев и выделив накопившийся материал, проверить, сопоставить его с источниками,

⁵² Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004; Gerasimov I., Glebov S., Kusber J., Mogilner M., Semyonov A. *New Imperial History and the Challenges of Empire // Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden; Boston, 2009. P. 3–32.

⁵³ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. *Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX– начала XX века: монография*. Омск. 2013.

⁵⁴ Корнеев В. В. *Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е годы XIX в. – февраль 1917 г.) // Вопр. истории. 2001. № 7. С. 56-70.*

⁵⁵ Яковлев А. И. *Сравнительные заметки о преобразованиях в Туркестане и советской Средней Азии // Кентавр. 1993. № 2. С. 90–114.*

⁵⁶ Абашин С. Н. *Империя и местное самоуправление. Идеология реформ в русском Туркестане в конце XIX начале XX веков [Электронный ресурс] // Мой Ташкент. 2014. 29 янв. Электрон. версия печат. публ. URL: <https://mytashkent.uz/2014/01/29/imperiya-i-mestnoe-samoupravlenie/>, (дата обращения: 01.05.2018).*

⁵⁷ Бахлов И.В. *Система управления периферией в Российской империи: организационно-правовые формы и специфика // Управление в социальных и экономических системах. 2007. Вып. 1/2. С. 27–39.*

⁵⁸ Тимошевская А.Д. *Создание Туркестанского генерал-губернаторства и формирование его полицейской системы во второй половине XIX–начале XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4 (32). С. 92–96.*

которые долгое время находились либо в закрытых фондах архивов, либо не использовались, в виду главенства марксистско-ленинской парадигмы в исторической науке.

Положение национальных окраин в составе СССР изучалось рядом зарубежных авторов⁵⁹. Западные историки, в соответствии с идеологическим заказом эпохи «холодной войны», акцентировали внимание на «советском колониализме», «советском империализме», «крестовом походе против мусульманского мира», трансформации царской империи в советскую и т.д.⁶⁰. На этом фоне частично признавались некоторые социально-экономические достижения советских среднеазиатских республик⁶¹. Понимание причин проникновения Российской империи в Среднюю Азию в западной историографии происходит, главным образом, посредством изучения, так называемой, «Большой игры»⁶². В центре внимания историков, политологов и военных геополитиков здесь, прежде всего, находится так называемая «Большая игра» (Great Game) – политическая и дипломатическая конфронтация между Британской и Российской империями за контроль над Афганистаном и соседними территориями в Центральной и Южной Азии.

Основные положения исследований британских авторов в отношении соперничества Российской и Британской империй в регионе представлены в диссертации А.Г. Данкова⁶³. Вопросы российского административного управления в Туркестане британские авторы если и затрагивали, то лишь фрагментарно и лишь в плане ретроспективного анализа борьбы коренных народов Востока с колониализмом, развития национальных движений.

Приведенный историографический обзор позволяет сделать вывод об отсутствии в современной исторической литературе фокусировки

⁵⁹ Caroe O. *Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism*. London; New York, 1953; Hostler C. W. *Turkism and the Soviets*. London, 1957; Park A. *Bolshevism in Turkestan*, New York, 1957.

⁶⁰ Spector I. *The Soviet Union and the muslimworld, 1917–1958*. Seattle, 1959. P. 3.

⁶¹ *The changing map of Asia: a political geography* / ed. W. Gordon, O. Spate. London, 1958. P. 361.

⁶² Ewans M. *The Great Game: Britain and Russia in Central Asia*. London, 2004; Ingram E. *Great Britain's Great Game: An Introduction* // *The International History Review*. 1980. Vol. 2, №. 2. P. 160–171; Becker S. *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924*. London, 2005.

⁶³ Данков А.Г. *Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI вв.)*: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008.

исследовательской задачи на процессе и переходной динамике развития управления Туркестаном от военно-административной к гражданской модели, что демонстрировало изменение общей политики на национальных окраинах.

Объектом исследования является Туркестанский край в составе Российской империи в 1865–1917 гг.

Предмет исследования – эволюция системы управления Туркестаном, в контексте изменений внутривластного курса по отношению к национальным окраинам.

Цель исследования – раскрытие причин, процесса и результатов перехода от военно-административного к гражданско-административному управлению Туркестаном в составе Российской империи.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

1. Определить концептуальные подходы и дискуссионные проблемы в исторических работах о системе российского государственного управления Туркестаном.

2. Раскрыть геополитическую ситуацию в Центральной Азии во второй половине XIX в. и в данном контексте определить военно-политические факторы присоединения Западного Туркестана к России.

3. Выявить особенности административно-территориального деления, структуры управления и нормативно-правовой основы управления Туркестанского генерал-губернаторства в исторической динамике.

4. Охарактеризовать особенности эволюции военно-административного управления Туркестанским краем в гражданско-административное.

Хронологические рамки исследования охватывают весь период перехода от военно-административного к гражданскому управлению в Туркестане – 1865–1917 гг. Нижняя рамка обусловлена фактическим присоединением территории Туркестана к Российской империи и началом активной разработки соответствующих актов, юридически закрепляющих существующее положение, регламентирующих создание и деятельность новых органов и институтов

управления. Верхняя граница обусловлена прекращением существования российской государственности в политических и территориальных пределах Российской империи в связи с тем, что на II Съезде Советов большевистское правительство отказалось от правопреемственности от Временного и царского правительств.

Территориальные рамки исследования очерчены областями Туркестанского генерал-губернаторства – Семиреченской, Ферганской, Сырдарьинской, Самаркандской, Закаспийской и двумя протекторатами Российской империи – Хивинским ханством и Бухарским эмиратом. В настоящее время это территории Республики Узбекистан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана, юго-западной части Республики Казахстан.

Методологическая основа исследования. Исследование процессов управления национальными окраинами Российской империи требует анализа основных направлений в историографии, новейших работ российских и зарубежных историков, относящихся к различным научным школам. Методологический аспект такого рода работы предполагает интеграцию геополитического, социально-политического и политологического знания с историческим для комплексного подхода к решению исследовательской задачи.

Автор следовал принципам историзма и объективности, применял междисциплинарный и системный подходы, а также историко-генетический метод.

Принцип историзма обусловил рассмотрение системы управления Туркестаном в органической связи с общими имперскими тенденциями развития государственного управления и местного самоуправления после земской и городской реформ. Данный принцип помог проследить изменения специфических свойств отношений и институтов власти, определить их своеобразие на Востоке; позволил выявлять конъюнктуру при трактовке фактов в исследовательских концепциях различных авторов. Принцип диктует необходимость изучать период и явления в их конкретно-исторических условиях возникновения и

функционирования, оценивать особенности и последствия управления русской региональной администрации в сравнении с предшествующим, а не последующим уровнем развития края. Также данный принцип запрещает модернизацию исторических фактов, перенесение на них оценок современности.

Принцип объективности заключается в том, что при изучении системы управления автор стремился к опоре на объективные факты, рассматривая политические и социально-экономические явления и процессы во всех их проявлениях, не исключая противоречия. Изложение материала предполагало отказ от предустановленных доктринальных положений и четких схем. Явления и процессы изучались во всей многогранности, и многоаспектности, а выводы не детерминировались заранее, а вытекали из исследования. В данном случае объективность требуется для непредвзятого понимания межнациональных отношений, сложившихся во второй половине XIX в. в Центральной Азии в связи с российским присутствием.

Междисциплинарный подход позволил использовать достижения других наук, прежде всего истории права, истории экономики, совместно рассматривать проблемы из различных областей научного знания.

Системный подход позволил исследовать систему управления непосредственно в совокупности подсистем, их зависимости друг от друга с образованием нового интегративного качества – управляемой и самоуправляемой системы колониального типа.

В работе использован историко-генетический метод, предусматривающий рассмотрение генезиса регионального управления как системы, имеющей изменчивую структуру элементов с их строго функциональной значимостью.

Совокупность представленных принципов, подходов и методов способствовала достижению цели и решению поставленных задач исследования.

Источниковую базу исследования составили следующие группы источников:

1. Опубликованные законодательные и нормативные документы по истории развития системы и отдельных институтов государственного регионального

управления в Туркестане, внесенные изменения и поправки к ним: «Временное положение об управлении Туркестанской областью» (1865), «Положение об управлении Туркестанского края» (1886), «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» (1891), «Временное положение об управлении Закаспийской области» (1890), а также Положение Комитета Министров «О гражданском переустройстве Среднеазиатских областей» (1899)⁶⁴. «Основные государственные законы» (1906)⁶⁵ подвели итог реформам по переустройству государственного строя империи. Попытки изменить систему управления в Туркестане опирались в основном на положения этого документа.

2. Дипломатические, делопроизводственные, статистические и справочные материалы (некоторые из которых впервые введены в научный оборот), таких архивных фондов как: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГАРУз).

Среди фондов РГАДА необходимо выделить Ф. 1385 «Ф.Р. Остен-Сакен», который содержит мнения иностранцев «о среднеазиатских делах» России, записки о внутреннем положении края и о ситуации на окраинах генерал-губернаторства. Фонд представлен большим объемом документов, которые позволили глубже изучить особенности процесса трансформации системы управления в Туркестане. Кроме того, в данном фонде имеется большой массив газетных статей и заметок о Туркестане, позволяющих увидеть и оценить

⁶⁴ Высочайше утвержденное временное Положение об управлении Туркестанской областью. 6.08.1865 // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1867. Т. 40, отд. 1. № 42372; Высочайше утвержденные: I. Положение об управлении Туркестанского края и II. Правила о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае. 12.06.1886 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1888. Т. 6. № 3814 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1888. Т. 6. № 3814; Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края. 25.03.1891 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1894. Т. 11. № 7574; Высочайше утвержденное временное Положение об управлении Закаспийской области. 6.02.1890 // Высочайше утвержденное положение Комитета Министров о гражданском переустройстве Среднеазиатских областей. 10.08.1899 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1893. Т. 10, отд.1. № 6576; ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1902. Т. 19, отд.1. № 17177.

⁶⁵ Высочайше утвержденные основные государственные законы. 22.04.1906 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1909. Т. 26, отд.1. № 27805.

общественную дискуссию по проблемам геополитики и экономики в изучаемый период.

Исследовательский интерес представляет секретная переписка по различным вопросам края, отложившаяся в фондах РГВИА (Ф. 1396. Оп. 2.). Например, российские агенты в Бухаре постоянно отправляли сводки о положении дел в эмирате, в особенности о положении его войск. Поскольку границы генерал-губернаторства соприкасались с соседними государствами, обстановка на них также была под особым вниманием генерал-губернатора и соответствующие дела дают представление «об особенностях пограничного управления в Туркестане».

Значительное количество документов по всем аспектам деятельности туркестанских генерал-губернаторов, их администраций, а также практически вся документация из канцелярии, служебная переписка должностных лиц отложилась в ЦГА Республики Узбекистан. В фонде И-1 «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора», содержатся дела о военных аспектах присоединения Туркестана, военно-политической ситуации в регионе, разведывательные данные, материалы по деятельности российских дипломатических миссий (Отделение IV, Ф. И-1), отношениям с Кокандом, Бухарой и Хивой, включая проекты и мирные договоры с ними (Ф. И-3. Оп. 2), а также обсуждение порядка отношений с указанными ханствами начальников Кавказского, Оренбургского и Туркестанского военных округов (Ф. И-1. Оп. 34). Здесь же имеются материалы переписки и дискуссии с МИД России по вопросам «Главных начал для устройства управления Туркестанским краем», а также по проекту Положения об управлении Туркестанским краем и др. документами, присланными Главным штабом (Ф. И-1. Оп. 12. Д. 923 за 1906 г.). В этом фонде сосредоточена основная часть документов по ходу, позициям сторон и результатам обсуждения различных статей Положения об управлении края, а также его административного устройства (Ф. И-1. Оп. 11. Д. 699 за 1898 г.), а также материалов сенаторской ревизии Туркестанского края 1909 г. (Ф. И-18. Оп. 1. Д. 2297 за 1908–1909 гг.). Вопросы управления округом частично прослеживаются по переписке о

деятельности и об урегулировании положения дипломатического чиновника в Ташкенте (Ф. И-2. Оп. 2. Д. 1. за 1899 г.; Ф. 2. Оп. 2. Д. 357 за 1908 г.).

Из фонда П.И. Хомутова⁶⁶ (№ 1008. Оп. 1) извлечены отчеты туркестанских генерал-губернаторов, документы по развитию военного и гражданского управления, переписка аппарата генерал-губернатора по этим вопросам (1867–1881 гг.), черновики высочайших повелений, относящихся к Туркестанскому генерал-губернаторству за период 1867–1879 гг. (Ф. 1008. Оп. 1), переписка генерал-губернатора с военным министром, многочисленные обращения лично к П.И. Хомутову с просьбой о содействии в получении должностей и чинов, отводе земли, оказании денежной помощи и т.п. (Ф. 1008. Оп. 1. Д. 177. (1881–1899 гг.). Кроме того, в фонде обнаружены ценные, но не всегда авторизованные и атрибутированные записки «о настоящем положении дел в Западном Китае, о невыгодах сказанного положения и мерах для его изменения» (Ф. 1008. Оп. 1. Д. 144. (1870 г.).

Особую важность для данной работы имели всеподданнейшие записки туркестанского генерал-губернатора по военно-дипломатическим вопросам, отношениям с окружающими ханствами (Ф. 1008. Оп. 1), особенно о несвоевременности полного присоединения Бухарского ханства к России и о превращения его в «полузависимую провинцию» (Ф. 1008. Оп. 1); переписка с эмиром Бухары, статистические материалы о народонаселении Туркестанского края (Ф. 1008. Оп. 1. Д. 61); донесения начальников уездов в комиссию по проектируемой среднеазиатской железной дороге (Ф. 1008. Оп. 1. Д. 127. (за 1870–1896 гг.); переписка с министерствами и должностными лицами по проекту Положения об управлении Туркестанским краем (Ф. 1008. Оп. 1. Д. 21 за 1870–1872 гг.; Д. 44 за 1884 г.). Важную информацию о военной и гражданской службе в крае содержат записки комиссии под председательством генерал-лейтенанта

⁶⁶ Хомутов Петр Иванович (1848–1908) – российский государственный деятель, действительный статский советник, один из аппаратных сотрудников генерал-губернаторства. Судя по документам Фонда, не занимая политических и военных должностей, имел высокий личный авторитет как в администрации края, так и в соседних ханствах. Выполняя функции референта, неоднократно составлял отчеты, обрабатывал и систематизировал материалы всеподданнейших докладов К. П. фон-Кауфмана.

Генерального штаба В.Н. Троицкого об особых правах и преимуществах службы в Туркестанском крае (Ф. 1008. Оп. 1. Д. 27).

3. Очерки, путевые заметки российских и зарубежных путешественников, военных, исследователей края – российского экономиста, сенатора Ю.А. Гагемейстера⁶⁷, И. Львова, позднее опубликовавшего очерк о причинах «занятия» Россией Средней Азии⁶⁸, ученого-социолога, экономиста С.Н. Южакова⁶⁹. Важным источником личного происхождения являются воспоминания генерал-фельдмаршала Д.А. Милютина⁷⁰.

Совокупность использованных в работе источников позволила достичь цели и решить задачи диссертационного исследования.

Научная новизна исследования состоит в его специализированном обращении к анализу генезиса принципов и институтов российского имперского управления в Туркестане в рамках исследовательской гипотезы о переходе от военных к гражданским методам управления национальными окраинами империи.

В диссертации приведена характеристика этапов присоединения и освоения Туркестана, но основной акцент сделан на эволюцию системы управления. История развития военного, а затем в перспективе – системы гражданско-административного управления показана в контексте анализа геополитической ситуации в Центральной Азии, социально-политического развития империи, развития управленческой мысли и подходов к управлению окраинами.

В работе выделяются как позитивные, так и негативные результаты управленческой деятельности российской администрации, дающие возможность для суждений и выводов по поводу исторических оснований отношений внутри азиатского сегмента СНГ и по поводу современных «новоазиатских» концепций о колониальном захвате Россией Туркестана.

⁶⁷ Гагемейстер Ю. А. Взгляд на промышленность и торговлю России // Рус. вестн. 1857. № 1. С. 5–52; Он же. О торговом значении Средней Азии в России // Рус. вестн. 1862. № 10. С. 706–736.

⁶⁸ Львов И. Завоевание Туркестана. Заметки по среднеазиатскому вопросу Д.И. Романовского. СПб. 1868 // Рус. вестн. 1868. № 7. С. 152–178.

⁶⁹ Южаков С. Н. Вопросы гегемонии в конце XIX в. // Рус. мысль. 1885. № 4. С. 34.

⁷⁰ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865-1867 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2005.

Одним из признаков научной новизны диссертации возможно считать переосмысление и раскрытие ранее мало освещенных аспектов развития системы регионального управления. Эволюция военно-административного управления в гражданско-административное ранее не становилась предметом исследования, несмотря на то, что управление Туркестаном в целом и по отдельным областям и отраслям изучалось.

Положения, выносимые на защиту:

1. Система государственного регионального управления и местного «народного» управления (самоуправления) в присоединенном к Российской империи Туркестане развивалась по пути сложной эволюции военно-административного управления в гражданско-административное, присущее внутренним губерниям империи, что отражало общий политический курс императорского правительства на постепенную интеграцию национальных окраин в губернскую структуру и систему управления. В то же время, такая эволюция не сопровождалась значительными реформами и сдерживалась действием совокупности ряда факторов: удаленностью региона от центра, его близким расположением к британской Индии и связанное с этим противостояние России и Великобритании, наличием российских протекторатов (Хивы и Бухары), относительной малочисленности русскоязычного и христианского населения в исламизированном, преимущественно, тюркоязычном макрорегионе. Но несмотря на это, медленно развивающаяся система управления, все же была прогрессивной, давая коренному населению легитимную ненасильственную возможность освободиться от влияния феодальных пережитков и родовой аристократии.

Этот процесс не был прямым последовательным переходом одной системы управления в другую. В большей степени он представлял собой параллельную коэволюцию двух правовых режимов, сторонники усиления которых вели между собой непрерывную дискуссию, не в научных или публичных гражданских рамках, а в процессе бюрократических взаимодействий и согласований, которые

по правилам делового оборота того времени воспринимались как основа административных преобразований.

2. Эволюция военно-административного управления Туркестана в гражданско-административное не имела в своей основе стройной концепции или программы развития государственной региональной политики. Вопросы устройства администрации Туркестанского генерал-губернаторства стояли в прямой зависимости от государственных целей и значения России в Центральной Азии. На эти ключевые вопросы правительство не дало однозначного ответа, консенсус в политической элите достигнут не был и в концептуальном плане они разработаны не были.

С одной стороны, в то время ещё не разрабатывались документы ни среднесрочного, ни стратегического планирования, с другой – именно *естественная эволюция управления* позволяла оптимизировать его так, чтобы оно максимально соответствовало как интересам империи, так и интересам региона. Идеологической основой рассмотренной в работе эволюции стали противоречивые военные и гражданские идеи и установки, «трения» между которыми и обусловили её медленное течение. Гражданская составляющая (позиция правительства и большей части российского общества) базировалась на доминирующих в российском обществе (как обществе метрополии) представлениях об отсталости азиатских народов, которых необходимо было «подтянуть» к цивилизации до того уровня, который достигла пореформенная Россия. В этой связи все колониальные экспедиции рассматривались не как захват, а как естественная для всякой европейской страны реализация её цивилизаторской функции во благо присоединяемых народов и территорий. Реализация на Востоке новых передовых российских систем управления, самоуправления и судопроизводства, рассматривалось как привнесение в «дикую» Центральную Азию европейского прогресса. Таким образом, идеологи гражданского управления стремились максимально ускорить его полное введение на территории Туркестана, что означало бы его полную интеграцию в систему имперских институтов на общих основаниях.

С другой стороны, с позиции военных (администрация Туркестана, Военное министерство, Главный штаб), присоединенные территории имели ценность, прежде всего в геополитическом отношении, как форпост сдерживания британской экспансии и рассматривались как прифронтовая территория, населенная если не враждебным, то этноконфессионально чуждым населением, которое следовало держать в повиновении. Этот подход предполагал наличие сильной, централизованной военно-административной власти, считая переход к гражданскому управлению преждевременным.

Наличие двух противоположно направленных векторов формирования государственной региональной политики в Туркестане обусловило специфику и медленность процессов эволюции военно-административного управления Туркестана в гражданско-административное.

Верховная власть, являясь системообразующим актором всех процессов управления, определяла векторы взаимодействия по правилам, сложно согласуемым на разных уровнях (региональном, центральном и высшем) с рационально организованной системой управления. В результате «государственная региональная политика» российского самодержавия определялась в длительных и несистемных согласованиях интересов институтов и уровней власти при высоком уровне воздействия субъективного (личного) фактора, вплоть до манипулирования «высочайшей волей» через группы и каналы влияния на монарха при принятии им управленческих решений.

3. Российскую часть макрорегиона Центральная Азия возможно рассматривать как целостную социально-экономическую систему в составе совокупности подсистем: государственного управления: генерал-губернатор и администрация края, территориальные органы министерств и главных управлений, уездные и волостные органы, а также местного самоуправления. Отсутствие институтов гражданского общества не только наложило отпечаток на эволюцию системы управления, но и задержало её переход к гражданским формам.

Кроме того, внутри системы государственного управления Туркестаном отсутствовала обязательная в таких случаях строгая соподчиненность управляющей (правительство) и управляемых подсистем, которые формировали и отстаивали разное понимание политического развития. На поиск необходимого баланса интересов туркестанской администрации, Военного министерства, МВД, других министерств, Совета Министров и прочих заинтересованных органов государственной власти, а также должностных лиц, уходили годы, а подчас и десятилетия. Это объясняет отсутствие и через полвека после присоединения территории концептуально оформленных целей регионального управления и согласованных всеми участниками политического процесса путей выравнивания уровней социального и экономического развития Туркестана и России. В 1868 г. основным препятствием, мешавшим выработать систему управления и хозяйственного использования Туркестана, признавался недостаток сведений о новоприсоединенном крае. Те же оценки звучали и спустя 50 лет, в 1908 г., когда незнание ситуации в крае заставило Николая II назначить его ревизию К.К. Паленом.

Таким образом, возможно поставить под вопрос понимание высшего и центрального управления окраинами Российской империи как системы в её современном научном понимании. Полувековой опыт не столько административных реформ, сколько их попыток в Туркестане, свидетельствует не о наличии системы, а скорее об эволюции совокупности институций («установлений» – в административной терминологии XIX в.). Таким образом, понятие «система», традиционно используемое в литературе, в данной работе применяется с высокой степенью условности.

4. Анализ эволюции административно-правового регулирования Положений и проектов положений об управлении Туркестаном 1865 г., 1871 г., 1873 г. и 1886 г. позволил выявить некоторые особенности правового статуса Туркестана, прежде всего – временность и неопределенность. С момента присоединения и до 1886 г. регион управлялся на базе временных актов: четырех «Временных положениях об управлении» областями, округами и отделами. С точки зрения

формирования региональных институтов власти и эффективности административной практики, такое положение нельзя признать нормальным. В то же время, временный статус регламентирующих документов делал их положения «мобильными» и гибкими для приспособления к меняющимся условиям. Институциональная основа функционирования российской власти в Туркестане, таким образом, была не вполне легитимна (временные документы), что было традиционной практикой для окраин Российской империи.

Закрепление постоянного правового статуса Туркестана высочайшим утверждением 12 июня 1886 г. «Положения об управлении Туркестанского края» формально стало звеном эволюции военно-административного в гражданско-административное управление. При этом разработано Положение было специально созданной для этого Комиссией при Военном министерстве, а его реализацию должно было обеспечивать военное управление края, выступавшее против усиления гражданского звена.

Противоречия, заложенные уже в процессе разработки Положения 1886 г. обусловили его столь же противоречивое место в эволюции управления Туркестаном. Критикуемое правоприменителем, туркестанской администрацией, Положение 1886 г. юридически оформило фактически сложившиеся в крае административные отношения территориальных учреждений министерств, Туркестанского генерал-губернатора, а также органов местного управления и самоуправления, состояние которых не устраивало ни одну из сторон. Таким образом, вместо того чтобы стать прочной и стабильной правовой основой управления, Положение стало лишь звеном в процессе его вялотекущей эволюции.

Сужение полномочий и объема власти туркестанского генерал-губернатора, наравне с которым, по инструкциям своих министерств, независимо действовали их территориальные учреждения, не придало стройности новому «полугражданскому» управлению.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования положений и выводов, теоретических обобщений в

развитии добрососедских отношений со странами Центральной Азии, совершенствовании систем регионального управления, восполнения пробелов в исторической науке и вопросах российско-среднеазиатских отношений.

Также диссертация может быть значима для политологов, политиков, государственных и общественных деятелей в процессах формирования представлений о российском управлении и присутствии в Туркестане, с целью демифологизации массового исторического сознания.

Достоверность результатов определяется широким кругом источников, включающим законы и нормативно-правовые акты Российской империи; делопроизводственные документы канцелярии Туркестанского генерал-губернатора; очерки, дневники и путевые заметки участников присоединения Туркестанского края. Автором корректно применены общенаучные и специально-исторические методы исследования, соблюдены принципы историзма и объективности и системности, применены междисциплинарный и системный подходы.

Основные положения диссертации были обсуждены на заседании кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета, **апробированы** на трех конференциях международного и всероссийского уровней, проведенных в Москве, Тамбове и Томске.

Основные положения диссертационного исследования представлены в **5 публикациях**. Три статьи размещены в журналах, рекомендованных ВАК, два из которых, входят в перечень научных изданий, индексируемых базой Web of Science.

Структура диссертации подчинена реализации цели и решению поставленных задач. Исследование состоит из введения, двух глав (восьми разделов), заключения, списка использованных источников и литературы.

1 Политика Российской империи в Центральной Азии во второй половине XIX в.

1.1 Центральная Азия как объект историко-геополитического анализа

Географическое, геополитическое и историческое понятие «Центральная Азия» до настоящего времени является дискуссионным в отечественной науке, в связи с тем, что до 1990-х гг. под ним подразумевались совершенно иные регионы Азии. В западной географической традиции Центральная Азия простирается от Каспийского моря на западе до Китая на востоке и от Афганистана на юге до России на севере. Регион состоит из бывших советских республик – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Очевидную общность странам региона придает персидский суффикс «-стан», переводящийся как «земля», часто называемая и как «Земля тюрок» – «Туркестан».

Географическое понятие «Центральная Азия» как отдельный регион, было предложено в 1843 г. немецким географом А. фон Гумбольдтом. При этом границы региона точно не установлены и подчиняются нескольким определениям, принимая во внимание исторически моделируемую политическую географию и геокультуру, которые как ключевые параметры сегодня широко используются в научной литературе при определении и локации Центральной Азии⁷¹.

Географы и военные Российской империи, а затем и Советского Союза, использовали понятие «Средняя Азия» в составе: Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана. Таким образом, формально, Средняя Азия, это более узкое, по сравнению с Центральной Азией, понятие.

В начале 1990-х гг. руководители четырех бывших советских республик Центральной Азии согласились, что в геополитическое понятие Центральной

⁷¹ Okur M. A. Classical Texts Of the Geopolitics and the «Heart Of Eurasia» // Journal of Turkish World Studies. 2014. XIV/2. P. 74–75.

Азии должен войти также и Казахстан (также имеющий суффикс «-стан»). Таким образом, наиболее применимое сегодня определение Центральной Азии это территория занятая пятью бывшими советскими республиками.

В то же время, этот вопрос продолжает оставаться дискуссионным. Часть аналитиков считают более объективным метод определения региона по этнической принадлежности основного населения, т.е. по районам, населенным восточно-тюркскими, восточно-иранскими, либо монгольскими народами. В этом случае в Центральную Азию войдет Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР, тюркские регионы юга Сибири, пять упомянутых бывших советских республик, север Афганистана, север и запад Пакистана, индийский Кашмир и Монголия. Таким образом, понятие Центральная Азия представляется по территориальному масштабу довольно обширным, а по структуре – неоднородным. Нельзя не отметить, что и Центральную и Среднюю Азию в узком смысле иногда, особенно в исторических трудах, называют Туркестаном. Однако, географически понятие Туркестан шире понятия Средняя Азия, но уже понятия Центральная Азия. Являясь составной частью Центральной Азии, Туркестан включал в себя, прежде всего, земли, населенные тюрками, а это территории современного Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, СУАР, северные провинции Афганистана и Ирана. Отчасти, к этому макро-региону относятся и тюркоязычные области юга Сибири.

В рамках настоящей работы автор оперирует современным понятием «Центральная Азия», подразумевая под ней территории пяти бывших советских республик и СУАР, не претендуя на окончательную точность установления границ данного региона. Под Туркестаном, Западным Туркестаном, Туркестанским краем понимается территория, присоединенная к Российской империи, на которой в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство и российские протектораты – Бухарский эмират и Хивинское ханство. Не отрицаем и понятия Восточный Туркестан, имея в виду под этим регионом западную часть Китая, называемую Синцзян-Уйгурским автономным районом.

Современная Центральная Азия не самый густонаселенный регион планеты. В то же время, именно здесь, на пересечении путей Запада и Востока возникла трансевразийская международная торговля. Великий Шелковый путь стал перекрестком экономической и миграционной активности между средневековой христианской Европой и странами Азии – мусульманскими государствами, Индией и Китаем.

Туркестанский перекресток цивилизаций характеризовался конфликтом между традиционализмом и модернизмом. Современные исследователи А. Филиппс и П. Джеймс удачно отметили, что поиск национальной идентичности между традицией и рефлексивной модернизацией составил основное противоречие в развитии политических элит стран Центральной Азии. Столкновение современности (чаще всего привнесенной извне) и традиции вело к тому, что большинство интеллектуалов-клерикалов (именно они становились политическими лидерами) не пытались реконструировать варианты традиционной идентичности, но и не поддавались европейской идее национализма. Нечеткость позиции вела к неспособности элит сформировать единый фронт и организовать⁷², в результате чего небольшие и слабые государства были с легкостью поглощены сильными империями.

Проблема геополитического будущего региона, государства которого только недавно стали самостоятельными действующими акторами международных отношений, всегда, по сути, была проблемой противостояния великих держав. В истории Центральной Азии он решался просто. Российские военачальники, обладая геополитическим мышлением, полагали, что закрепление позиций возможно через наращивание военного потенциала. Генерал М.Г. Черняев, ходатайствуя 6 августа 1865 г. о подкреплении своих войск, гарантировал, что при наличии кроме гарнизонов, пяти батальонов и двух с половиной батарей, он будет иметь необходимые силы для контроля всей Центральной Азии. При этом военачальник делал акцент на том, что

⁷² Phillips A., James P. National Identity between Tradition and Reflexive Modernisation: The Contradictions of Central Asia // National Identities. 2013. № 3 (1). P. 23–35.

присоединяемая территория «имеет все средства для самобытного существования», поэтому дотаций из российского бюджета не понадобится, а на присоединение потребуются только снаряды и порох. В этом плане завоевание, как отмечал И. Львов, представляло собой исключительно выгоды, не угрожая большими потерями в личном составе войск и финансах. Эти аргументы часто высказывались в пользу того, чтобы «не отвергнуть азиатских завоеваний»⁷³.

Российские авторы приводят в мировой истории три примера такой исторически длительной и планомерно реализованной стратегии экспансии: Британская и Российская империи, а также США, упуская Китай и делая вывод о единственном «наиболее успешном американском проекте»⁷⁴. Таким образом, российская политика (в силу, вероятно, крушения двух империй: российской и советской⁷⁵) признается неудачной. В то же время, сегодня, рассуждая об экспансионизме, западные авторы (вскользь упоминая о далеких исторических примерах: Британия, Франция, Германия и др.) все же акцентируют внимание на современных опасностях. Это, прежде всего, Россия, затем Иран, который расширяет свое влияние на шиитские страны, а также Ирак, Ливан, Сирию, Йемен и Афганистан, а также Китай, активно ведущий себя в Южно-Китайском море⁷⁶.

Экспансия в Центральной Азии, т.е. военный путь присоединения новых территорий, как показывает китайский опыт, не является оптимальным. Вот уже много лет не спадает острота противостояния в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (СУАР⁷⁷), исторически считающимся «Восточным Туркестаном», что не признается Китаем.

⁷³ Львов И. Завоевание Туркестана. Заметки по среднеазиатскому вопросу, Д. И. Романовского. СПб., 1868. (рецензия и комментарий) // Рус. вестн. 1868. № 7. С. 152–178.

⁷⁴ Миньяр-Белоручев К. В. Территориальная экспансия и развитие США в XIX веке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 41. С. 123–132.

⁷⁵ Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 1999. С. 613; Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 186–187. (Пять республик исторического Туркестана, входили в СССР, который по понятным причинам не мог называться империей. В то же время, в современной политологической литературе он считается «наиболее выразительным примером гигантской континентальной империи»).

⁷⁶ Tisdall S. Vietnam's fury at China's expansionism can be traced to a troubled history // The Guardian. 2004. 15 may.

⁷⁷ СУАР является крупнейшей административной единицей КНР площадью 1,3 млн кв. км, это почти шестая часть всей территории страны. Кроме того, регион граничит с семью государствами, в том числе и Россией.

Задолго до утверждения в 1644 г. империи Цин, китайские армии неоднократно вторгались в Восточный Туркестан, стремясь обеспечить за собой контроль над Великим шелковым путем⁷⁸. В XVIII в. Восточный Туркестан был завоеван и присоединен к империи Цин. При этом, местные правители находились с империей в состоянии лишь номинального вассалитета или так называемого псевдоданничества. Они почти не принимали во внимание китайскую позицию, проводя свою внешнюю политику⁷⁹. Династия Цин, присоединив Восточный Туркестан, стремились силой обеспечить покорность «вассалов», в которых императоры видели практически все народы Центральной и Средней Азии⁸⁰.

История китайского управления Восточным Туркестаном – это история борьбы за независимость или хотя бы автономию. Масштабные восстания историки отмечали здесь каждые несколько десятилетий⁸¹. Официальный статус провинции китайской империи Синьцзян обрел лишь в 1884 г.⁸². Анализ обширных китайских завоеваний приводит российских исследователей к выводу о том, что регионы Синьцзян, Тибет, Монголия присоединенные в эпоху Цин, не столько свидетельствовали о расширении империи как таковой, сколько становились буферными зонами, защищая «внутренний, застенный Китай»⁸³. В подтверждение этому, может служить и тот факт, что демаркация границ с Россией китайскими властями началась лишь в середине XIX в. И не всегда Китай выступал инициатором этого процесса. В рамках данной работы и в пределах территориальных рамок относительно российско-китайских отношений в Центральной Азии важно установить своеобразную точку отсчета, проявившуюся в межгосударственных пограничных договорах, фиксировавшими бы

⁷⁸ Желобцов Ф. Ф. События в Синьцзяне угроза международной безопасности в Центральной Азии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова. 2010. Вып. 7, № 2. С. 96.

⁷⁹ Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. // Межгосударственные отношения. М., 1991. С. 136–137.

⁸⁰ Границы Китая: история формирования. М., 2001. С. 142–143.

⁸¹ Границы Китая... С. 143.

⁸² Бармин В. А. Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1918–1931 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4. С. 118.

⁸³ Границы Китая... М., 2001. С. 142.

территориальную принадлежность, прежде всего, «двух Туркестанов» – Западного (Русский Туркестан) и Восточного (Китайский Туркестан, Кашгария).

Четкого понимания пределов экспансии России в этой части Азии в российском правительстве не было, поскольку серьезные научные экспедиции в Центральную Азию российскими учеными, путешественниками и военными топографами начались параллельно завоеванию региона российскими войсками со второй половины XIX в. Сформулированная в 1864 г. «задача расширения пределов русских владений в Центральной Азии до “ближайших культурных государств”»⁸⁴ не определяла что считать пределом. Соответственно, возникала задача установления границы государства. Особенно актуальной она стала, когда были присоединены территории Кокандского ханства и необходимо было определить земли на востоке ханства, принадлежавшие ему ранее и их границы. Четкие границы должны были стать и залогом добрососедства между государствами.

Пекинский договор 1860 г. не определял точной пограничной черты. Были указаны лишь общие направления вдоль «гор, течений больших рек и линии... китайских пикетов, от последнего маяка, называемого Ша-бин-дабага... на юго-запад до озера Цзай-сан, а оттуда до гор, проходящих южнее озера Иссыккуль и называемых... Тянь-шань-нун-лу»⁸⁵. В данном случае Пекинский договор не менял ситуацию и проблема разграничения не была решена. Вторая попытка решения этого вопроса была предпринята в Чугучаке (Тарбагатае) в 1864 г. Подписанный протокол логически должен был завершить начатое в Пекине разграничение. Он подробнее определял границу между Китаем и Россией от Алтая и Саян вдоль хребтов «Тану-ола..., следуя Сайлюгемскому хребту... к горе Чикильмес... на северном берегу озера Цзайсан-нор. Отсюда, сделав поворот на юго-восток... по берегу озера... и по берегу реки Черный Иртыш»⁸⁶. Далее

⁸⁴ Цит. по: Ануфриев К. С. Политика России и Китая в Центральной Азии / К. С. Ануфриев. Томск, 2011. С. 42.

⁸⁵ Там же. С. 43.

⁸⁶ Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской государственной границы от Шабин Дабага до хребта Цуклин [Электрон. ресурс] // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и

граница проходила по Тарбагатайскому хребту и по китайским пикетам до гор Алтан-Тэбши. Отсюда граница должна была пройти по хребту Джунгарского Алатау и далее к Тянь-Шаню и по нему к Памиру⁸⁷. Из-за восстания в Синьцзяне в 60-х гг. XIX в. Китай на это время утратил контроль над регионом, и демаркация границы была отложена. Когда в 1870-х гг. власть Китая над регионом была установлена, с небольшими изменениями в 1879 г. в Ливадии, в Крыму соглашение было подписано обеими сторонами⁸⁸. Однако в 1881 г. стороны вынуждены были снова начать переговоры из-за отказа цинского правительства ратифицировать прежний договор. В изменившихся условиях, когда российские войска, ранее занявшие мятежный китайский регион, а российское правительство не заявляя претензий на Синьцзян, пыталось внести в договор новые условия, включая торговые, китайская сторона не признала прежних договоренностей по причине невыгодности для Китая торговых и территориальных уступок с его стороны⁸⁹. Демаркационная линия в новом договоре, практически не отличалась изначального Чугучакского. Последний участок границы на Восточном Памире, который требовал определения, был согласован в 1894 г. «путем обмена нотами между правительствами России и Китая, когда обе стороны согласились на признание Сарыкольского хребта рубежом двух империй»⁹⁰.

Вопрос об образовании «буферов» и марионеточных государств в Центральной Азии стоял перед всеми крупными державами – акторами региональной геополитики. Ниже мы остановимся на том, как российские генералы М.Г. Черняев и Н.А. Крыжановский спорили о том, включать ли Ташкент сразу в состав Российской империи или сделать из него вассальное, но формально самостоятельное ханство. Любопытно письмо в редакцию газеты «Московские ведомости» (1867 г.) «О русских интересах в подвластных нам странах Средней Азии», где автор обосновывал правильность отказа от

Запада. Электрон. дан. [Б. м., б. г.], URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Rus_kit_dog_prav_akt/21-40/22.htm (дата обращения: 25.09.2018).

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Ануфриев К. С. Политика России и Китая в Центральной Азии / К. С. Ануфриев. Томск, 2011. С. 44.

⁸⁹ Там же. С. 44.

⁹⁰ Там же. С. 45.

«изначальной идеи» сделать из Ташкента протекторат, тем, что «это комбинация слишком европейского толка»⁹¹.

Этот вопрос представляется важным в контексте исследования противостояния России, Британии и частично, Китая в Туркестане. Что значило для народов региона быть включенными в империю? Изучив, в 2012 г. совокупность учебной литературы по теории государства и права для вузов по специальности «Юриспруденция», Н.И. Грачев сделал примечательный вывод о том, что в данных учебниках нет даже упоминания об имперской государственности⁹². Полное игнорирование концепта империи как формы государства, очевидно затрудняет у современных специалистов понимание процессов его складывания.

Показательно, что анализ политики Китая в Восточном Туркестане, привел Ф.Ф. Желобцова к выводу о том, что историю взаимоотношений империи Цин с соседями, нельзя считать покорением (завоеванием) Восточного Туркестана, а, скорее, историей «спорадических контактов ханьцев с народами, населявшими Центральную Азию»⁹³. В данном случае автор противоречит сам себе, указывая далее на крайнюю болезненность для местных народов (прежде всего, уйгуров) китайской колонизации Восточного Туркестана. Кроме того, этнические и религиозные конфликты и реакция на это властей КНР (события в Урумчи в 2009 г.), свидетельствуют об этом.

После распада СССР, Россия в большей степени освободилась от имперского «колониального наследия» в Центральной Азии (Туркестане), тогда как социально-экономическая, и этнорелигиозная ситуации на территориях, в свое время присоединенных империей Цин, продолжают угрожать стабильности не только в Китае, но и в регионе. Периодические волнения в СУАР имеют примерно тот же сценарий, что и в Тибете (март 2008 г.). Российские эксперты, признавая проблему Далай-ламы – «вечной», а Синьцзяна – «длительной»,

⁹¹ Статьи газет об известиях из Туркестана (о торговле с сопредельными странами, об русских интересах // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1385. Оп.1. Д. 641. Л. 30.

⁹² Грачев Н. И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2012. № 2. С. 19.

⁹³ Желобцов Ф. Ф. Указ. соч. С. 98.

прогнозируют сепаратизму большое будущее. Это значит, что «проблема будет существовать и события будут повторяться»⁹⁴, что опасно для России возникновением очага международной напряженности на южных границах.

Лидеры КНР, «встревоженные масштабами сопротивления уйгуров»⁹⁵, в большей степени опираются на силовые методы, причисляя все акции протеста к террористическим. Позиция официального Пекина – не идти на уступки⁹⁶. В то же время, власти КНР пытаются спешно выравнять уровень жизни уйгурского населения с населением остального Китая. С конца 2007 г. реализуется решение Госсовета КНР об ускоренном социально-экономическом развитии СУАР, его подъема до уровня «витрины и ворот Поднебесной» в Центральной Азии⁹⁷.

Другим активным актором геополитики XIX в. в анализируемом регионе была Великобритания. В контексте нашего исследования следует вспомнить, прежде всего, так называемую «Великую игру» (Great Game) или «Большую игру» – политическую и дипломатическую конфронтацию на протяжении большей части XIX в. между Британской и Российской империями за контроль над Афганистаном и соседними территориями в Центральной и Южной Азии⁹⁸. Пресса того времени пестрела карикатурами, на которых изображался испуганный афганский эмир Шер Али (или другой центрально-азиатский эмир или хан) в окружении улыбающихся оскалом большой пасти «друзей»: британского льва и русского медведя.

Российская геополитическая доктрина в XIX в. ещё концептуально не оформилась, что дает повод современным авторам указывать на то, как империя «на протяжении веков медленно и планомерно продвигалась к Туркестану, *не имея ясных целей и перспектив* (выделено нами), но желая подчинить регион,

⁹⁴ Беспорядки в Китае копируют события в Тибете 2008 г. [Электронный ресурс] // РИА Новости. Россия сегодня. Электрон. дан. М., 2018. URL: <https://ria.ru/world/20090706/176461653.html> (дата обращения: 26.07.2018).

⁹⁵ Зотов О. В. Восточный Туркестан (Синьцзян): на весах истории и геополитики // Восток. 2009. № 2. С. 129 – 130.

⁹⁶ Уйгурский вопрос – только ли проблема Китая? [Электронный ресурс] // Ореанда : информ. агенство. Электрон. дан. [Б. м., б. г.]. URL: <http://www.oreanda.ru/ru/news/20090709/common/popnews/artirie402384/>, (дата обращения: 26.07.2018).

⁹⁷ Особый район Китая – Синьцзян–Уйгурский... «газовый синдром» [Электронный ресурс] // Финансовый контроль: информ. агентство. Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: <http://www.fcinfo.ru/themes/basic/map-print.asp?blder=1506&pm=218981o/o> (дата обращения: 26.07.2018).

⁹⁸ Ewans M., The Great Game: Britain and Russia in Central Asia. London, 2004. Vol. 1. Documents,

суливший большие выгоды»⁹⁹. Но в то же время, в одном была полная ясность, Россия обосновано опасалась британской коммерческой и военной экспансии в регионе. Великобритания, в свою очередь, не хотела допустить прибавлений «драгоценностей» в российской короне, имея ввиду империю, которую Россия строила в Азии¹⁰⁰. Большая Игра велась в атмосфере взаимного недоверия, подозрительности и соперничества, что непрерывно провоцировало угрозу войны между двумя империями¹⁰¹.

Как таковой, старт Большой Игры принято относить к 12 января 1830 г., когда президент Совета по контролю за Индией лорд Элленборо поручил генерал-губернатору Индии У. Бентинку обеспечить новый торговый путь к эмирату Бухара. Предполагалось, что обеспечение протектората над Афганистаном, использование Османского фактора, а также усиление влияния на Хиву и Бухару, позволит создать буферную зону, способную ограничить российское влияние, защитить Индию и британские торговые магистрали, отрезав Россию от потенциального выхода к портам в Персидском заливе либо на Индийском океане. В рамках этой политики Россия, наращивая свое присутствие в регионе, предлагала Афганистану создать нейтральную зону. Формально Большая Игра завершилась 10 сентября 1895 г., подписанием протоколов Комиссии Памирской границы, когда была определена граница между Афганистаном и Российской империей.

Политику России середины XIX в. в Центральной Азии в современных исследованиях называют «наступательным оружием против Англии», полагая под этим утверждение России в Туркестане, через который просматривалось направление на Юг к Индии. Очевидно, что в этой «шахматной комбинации» это была лишь потенциальная угроза, российское правительство не планировало (за одним исключением) походов на Индию, но русское присутствие в Туркестане держало англичан в напряжении. Таким образом, можно сделать вывод о том, что

⁹⁹ Брежнева С. Н. Русская общественность о наступлении Российской империи на Туркестан (вторая половина XIX века) // Вестн. Чуваш. Гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2012. № 2. С. 28.

¹⁰⁰ Ingram E. Great Britain's Great Game: An Introduction // The International History Review. 1980. Vol. 2, № 2 (April). P. 169.

¹⁰¹ Ingram E. In Defence of British India: Great Britain in the Middle East, 1775–1842. London, 1984. P. 18.

соперничество России и Британии было «стимулом наступления России на Туркестан»¹⁰². Российский ученый-синолог В.П. Васильев, рассуждая в ноябре 1876 г. об англо-русских противоречиях в связи с проникновением России в Среднюю Азию, прямо отмечал, что «Если дойдет до войны, то причиной её станут опасения Англии за Индию»¹⁰³. Но был ли геополитический стимул единственным или решающим в присоединении Туркестана?

Принято считать, что присоединение новых территорий всегда выгодно для государства. Сибирь дала России уникальные природные ресурсы в столь же уникальном объеме. Что мог дать переживающей ранний этап капиталистической индустриализации российской экономике, удаленный южный Туркестан? Ю.А. Гагемейстер¹⁰⁴, считавшийся в те годы экспертом по оценке экономического потенциала новых территорий и окраин Империи, в тогда ещё либеральном «Русском вестнике» критически отзывался о перспективах экономической интеграции Туркестана. Автор полагал, что весь регион Средней Азии переоценен и «далеко не имеет той важности для российской промышленности, какую ему принято приписывать». Спасти положение могло лишь чудо, примером которого автор считал бы открытие «богатых золотых россыпей» в горах Коканда¹⁰⁵. Позже автор несколько скорректировал свою позицию в направлении того, что военное присоединение территории будет быстрее и обойдется дешевле, нежели мирные усилия в этом же направлении¹⁰⁶. В то же время, экономического смысла в присоединении Туркестана к России другие аналитики того времени не видели. Российская пресса в 1867 г. активно писала о том, что «Азия богата только в воображении, на самом деле бедна и непроезжательна»¹⁰⁷.

¹⁰² Брежнева С.Н. Русская общественность о наступлении Российской империи на Туркестан (вторая половина XIX века) // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2012. № 2. С. 27.

¹⁰³ Статьи, заметки из газет о Туркестане, Ср. Азии // РГАДА. Ф. 1385. Оп.1 Д.643. Л. 1.

¹⁰⁴ Гагемейстер Юлий Андреевич (1806–1878) – русский экономист, статистик, финансист, член-корреспондент Императорской АН, лауреат Демидовской премии, государственный деятель.

¹⁰⁵ Гагемейстер Ю. А. Взгляд на промышленность и торговлю России // Рус. вестн. 1857. № 1. С. 5–52.

¹⁰⁶ Гагемейстер Ю. А. О торговом значении Средней Азии в России // Рус. вестн. 1862. № 10. С. 706–736.

¹⁰⁷ Статьи газет об известиях из Туркестана (о торговле с сопредельными странами, об русских интересах) // РГАДА. Ф. 1385. Оп.1. Д. 641. Л. 30.

Российские публицисты, анализируя заметки Д.И. Романовского¹⁰⁸, усматривали «будущее нашей промышленности и торговли» в той степени, в какой «мы сумеем приурочить к себе обширные и многолюдные рынки, прилегающие к завоеванным землям». Этот «обширный интерес», однако проецировался в большей степени на будущее, когда бы уже состоялось «целесообразное устройство края» и была бы выработана система, которая послужила в будущем интересам страны. Основным препятствием мешавшим тогда же «выработать определенную систему» управления и хозяйственного использования края, считался «ощутительный недостаток сведений о крае, недавно нами занятом»¹⁰⁹. Таким образом, присоединялись территории о которых завоеватели мало что знали¹¹⁰. В этом не было ничего необычного, аналогичной тактики придерживались и европейские колонизаторы, сначала присоединяя территории, а затем, предполагая, для чего они могут быть использованы. В то же время, следует иметь ввиду, что Британия, имевшая мощную промышленность, уже могла «приурочить к себе обширные и многолюдные рынки», а Россия – пока нет.

В архивах нами не выявлено сколько-нибудь крупных инвестиционных российских проектов в Центральной Азии за исключением железной дороги. Преобладают прошения предпринимателей прилегающих российских территорий о торговле или добыче сырья. Так, астраханский купец просил дать в откуп остров Челекен, чтобы вывозить в Персию нефть и соль¹¹¹.

¹⁰⁸ Романовский Дмитрий Ильич // Энцикл. словарь : в 86 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрона. СПб., 1904. Т. 51. С. 184. (Романовский Дмитрий Ильич (1825–1881) – русский военачальник, генерал-лейтенант, летом 1865 г. военный губернатор Туркестанской области, в 1866–1867 гг. сменил М.Г. Черняева, руководил взятием Джизака, Ходжента и др. Освободил русских заложников бухарского эмира. В 1867–1871 гг. – начальник штаба Кавказского военного округа).

¹⁰⁹ Львов И. Завоевание Туркестана. Заметки по среднеазиатскому вопросу Д. И. Романовского. СПб. 1868 (рецензия и комментарии) // Рус. вестн. 1868. № 7. С. 152.

¹¹⁰ Россия не имела парламента, поэтому российские либералы излагали свои позиции в «Вестнике Европы» и «Русской мысли», где в целом поддерживали военную политику в Туркестане, обращая при этом внимание на отсутствие у правительства общей концепции. В то же время, русский либерализм здесь проявлялся весьма условно, т. к. либеральная пресса была столь же «патриотична» как и консервативная, считая народы Средней Азии недоразвитыми и подлежащими просвещению извне. Этот аспект важен, так как иной, альтернативной позиции в русском обществе не высказывалось, так как демократическая пресса этот вопрос пока игнорировала.

¹¹¹ Выписка из дел, хранящихся в архивах министерств: Военного, Иностранных дел, Морского и Финансов о видах и распоряжениях нашего правительства относительно Восточного берега Каспийского моря // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 670. Л. 3–4.

Показательно, что в российской литературе о Туркестане второй половины XIX–начала XX веков практически нет альтернативы понятию «завоевание», но использовалось оно в «мягком», даже гуманитарном значении, с позиции цивилизаторской миссии. Таким образом, получалось, что «завоевание», считаясь неизбежной закономерностью развития этих народов и территорий, велось для их же блага, обеспечивая мир, благоденствие и приобщение к более высоким культуре и административному порядку Российской империи.

Геополитическое положение Центральной Азии исторически делало её пересечением интересов крупных держав, что провоцировало постоянную напряженность. В этом смысле всем «заинтересованным сторонам» необходимо проявлять осторожность в своем участии в делах региона, а особенно, в «установлении демократии». Как показывает исторический опыт интересы крупных держав сложны, многообразны и всегда амбициозны, что затрудняет их согласование. В этой связи, как обосновано отмечает пакистанский журналист, писатель А. Рашид, даже сдержанные и кажущиеся нейтральными действия, направленные на решение конкретной важной для региона проблемы, могут иметь неожиданные последствия¹¹². Таким образом, озабоченность крупных геополитических игроков ходом борьбы за влияние и особенно энергетические ресурсы в Центральной Азии способна спровоцировать новую Большую игру. Длительное присутствие СССР, а затем США в Афганистане демонстрирует нежелательность резких шагов, какие бы мотивы ими не двигали.

Напомним, что Британская империя, в отличие от США, не занималась экспортом своей демократии¹¹³, продвижение которой в исторически сложившиеся сферы интересов России и Китая воспринимается как вызов.

Сегодня США придерживаются курса диверсификации отношений с государствами Центральной Азии, пытаясь сочетать обеспечение безопасности с экономическими интересами. Вновь подчеркнем, что в свое время, ни Российская,

¹¹² Рашид, А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 237.

¹¹³ Abbas N. Bolstering Security and Bolstering Democracy in South and Central Asia // UNISCI Discussion Papers, 1 January 2006. № 10. P. 334. (Распространение терроризма в регионе в США принято связывать с дефицитом демократии и коррупцией Отсюда, борьба с терроризмом должна сочетаться с насаждением демократии в странах региона, что принято называть политикой «сбалансированного укрепления»).

ни Британская империи не несли в регион свои модели политического устройства. В этой связи попытки навязывания «демократии» западного образца, даже под лозунгом борьбы с терроризмом и обеспечения прав человека вызывает у политических элит региона в основном раздражение. Политики региона констатируют, что «сделки и соглашения по обеспечению стабильности и демократии в Центральной Азии ясно демонстрируют различие словом и делом во внешней политике США. После «революции тюльпанов» 2005 г. в Кыргызстане и волнений в Андижане, американское влияние усилилось. Направление действий осталось то же – насаждение демократии, борьба с терроризмом и доступ к энергоресурсам. В политической элите преобладает позиция содействия демократическим реформам, как фактору стабильности в Центральной Азии. В то же время, доминирует позиция, согласно которой США целесообразно сосредоточиться на сотрудничестве в борьбе против терроризма, что обеспечивает реализацию национальных интересов и стратегических целей внешней политики США. Внешние усилия по обеспечению региональной безопасности, а также содействие в борьбе с терроризмом будут активно приветствоваться региональными элитами, в отличие от курса на продвижение демократии в исторически не демократических странах.

После 11 сентября 2001 г. США стали существенно большее внимание уделять стратегическому значению региона. Крупнейший в истории теракт, фактически принудил США вновь открыть для себя Центральную Азию и сразу же приступить к созданию силового плацдарма, пытаясь подстроить под его обслуживание региональные политические режимы в рамках проверенной в Латинской Америке стратегии «новых рубежей».

Отметим, что современные официально декларируемые цели США в регионе: «сбалансированное укрепление», «развитие демократии» и «обеспечение безопасности» (противодействие терроризму), существенно отличны от британских целей в XIX в., хотя, по сути, совпадают с ними.

Принимая во внимание центрально-азиатские интересы России и Китая, государства региона идут на сближение в вопросах экономического

сотрудничества и безопасности. Расширение влияния ШОС нарушает баланс влияния Запада (США и ЕС) на политические процессы в регионе. Для выправления ситуации США ориентируют Центральную Азию на «южный выбор», сотрудничество с государствами Южной Азии, чтобы вывести государства региона из сферы постсоветского влияния. Таким образом, делается попытка переместить акцент внешней политики государств региона с ориентации на Россию и Китай, ориентацией на Южную Азию. Эффективность такой политики способна сузить влияние России в регионе или даже внести раскол в ШОС, что будет иметь следствием американское доминирование как в Центральной, так и в Южной Азии¹¹⁴.

Попытка реформирования политических систем государств Центральной Азии средствами «цветных революций» не удалась, вызвав усиление противодействия американскому вмешательству¹¹⁵. В этой ситуации страны региона ориентируются на укрепление сотрудничества с Россией и Китаем. Ситуация требует научного прогноза, а соответственно, не только политического (геополитического), но и ретроспективного анализа. Именно поэтому автор данной работы сосредоточивается на истоках российского присутствия в регионе.

Подведем итоги. Вопрос о геополитической ситуации в Центральной Азии, понимаемой сегодня в рамках пяти бывших советских республик и СУАР, как в XIX в., так и в дальнейшем, оставался вопросом дипломатического и военного противостояния великих держав. Российская, британская и китайская экспансии должны были неизбежно поделить регион, государства которого не могли выступить самостоятельными действующими акторами геополитического процесса. Утрата их самостоятельности по сути была лишь делом времени.

Острая конкуренция в регионе, являющимся для России естественной сферой влияния, начиная с первой половины XIX в. имеет характер «Большой игры» тогда великих, а сейчас – заинтересованных держав за политический,

¹¹⁴ Torbakov I. The West, Russia and China in Central Asia: What Kind of Game is Being Played in the Region? // Journal of Central Asian and Caucasian Studies. 2007. Vol. 1, № 2. P. 78–91.

¹¹⁵ Тянь Р. Г. От Центральной Азии к Большой Центральной Азии: цели и корректировки стратегии США в ЦА // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 3 (63). С. 78.

экономический, а принимая во внимание террористическую угрозу, и военный контроль. Противостояние Британской и Российской империй, с учетом (не обязательно – признанием) некоторого китайского интереса сменилось иным составом соперников для России. Теперь это США, а также формально дружественные, но имеющие свои интересы, Китай и Индия. Россия и Китай стремятся «выдавить» США из Центральной Азии и закрепить свои сферы влияния, отводя странам региона позиции статистов.

В этой связи именно вопросы внешней и внутренней безопасности, а не экономики толкали Россию в Центральную Азию. В экономическом смысле в 1860-е гг. в деле экономической интеграции Туркестана считалось достаточным, что называется, «выйти в ноль».

В геополитическом контексте все стратегии великих держав в регионе, так или иначе, были направлены на формирование своей «Большой» Центральной Азии. При этом Великобритания, а затем США, стремились вывести регион из-под российского (а сегодня также и китайского) влияния и кооперировать регион с Южной Азией. Стратегия «Большой Центральной Азии» за два столетия не обеспечила ни стабильности, ни региональной безопасности, ни баланса интересов заинтересованных крупных держав.

1.2 Россия в геополитической ситуации в Центральной Азии второй половины XIX в.

К середине XIX в. Центральная Азия представляла собой конгломерат трех феодальных государств: Кокандского и Хивинского ханств, а также Бухарского эмирата. В политическом отношении их можно отнести к деспотиям, где власть принадлежала знати, а господствующим классом – были крупные землевладельцы, племенная аристократия, а также мусульманское духовенство. Основная масса населения – крестьяне (декхане).

В российском обществе, как и в обществах европейских метрополий, доминировало представление о цивилизационной отсталости азиатских народов.

В этой связи любые колониальные экспедиции рассматривались не как захват, а как естественная для всякой европейской страны реализация цивилизаторской функции. Развитие стран Востока представлялось возможным исключительно под влиянием европейского прогресса. В духе теорий Н.Я. Данилевского многие авторы того времени считали, что культуры Востока прошли свой цикл развития и погрузились в упадок и межплеменные войны, от которых их «могла избавить цивилизованная Россия»¹¹⁶.

С присоединением в 1860-х гг. огромных территорий Западного Туркестана в состав Российской империи новыми подданными стали и населявшие этот край народы, разнородные по цивилизационному и религиозному уровню. Изолированные от России бескрайней степью, ханства Центральной Азии для Российской империи были неизвестной и загадочной страной, как для европейских стран – регионы Нового Света. Бытовые и культурные реалии региона оказывались непривычными, неожиданными и экстремальными. Велики были культурные различия – «инородцы» воспринимались как люди со сложным и противоречивым характером. Современники отмечали в «жителях кишлаков и аулов «гордость, свободолюбие, отзывчивость, коварство, вероломство, прямодушие, непреклонность, хитрость»¹¹⁷.

Кочевники Туркестана – каракалпаки, казахи, туркмены, киргизы в большей степени придерживались доисламских кочевых традиций, однако, идентифицируя себя как мусульман. В то же время, таджики и узбеки считались «твердыми» в вере. Перед новой администрацией стояла сложная задача выстроить систему властных отношений так, чтобы религиозная политика смогла достичь результатов и «примирить носителей исламской мировоззренческой традиции с русской властью и российской цивилизацией»¹¹⁸.

Эти задачи осложнялись разнородным социальным составом туркестанского общества, где самые крупные города региона (Ташкент, Коканд,

¹¹⁶ Южаков С. Н. Вопросы гегемонии в конце XIX в. // Рус. мысль. 1885. № 4. С. 34.

¹¹⁷ Васильева И. В., Васильев Д. В. Русский Туркестан в литературных произведениях Н. Н. Каразина [Электронный ресурс] // Науковедение: Интернет-журн. 2014. № 4 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-turkestan-v-literaturnyh-proizvedeniyah-n-n-karazina> (дата обращения: 14.05.2018).

¹¹⁸ Литвинов В. П. Власть и паломничество мусульман в Русском Туркестане // Власть. 2014. № 6. С. 72.

Бухара, Самарканд, Хива) были представлены в основном ремесленниками, ростовщиками, купцами; сохранялся институт рабства. В горных и степных районах – преобладал патриархально-натуральный уклад. Кроме того, политическая ситуация была крайне нестабильна, регион опустошали не прекращающиеся междоусобные войны, отрицательно сказывавшиеся на развитии экономики и культуры.

В условиях включения в состав Российской империи, народы Центральной Азии оказались в пределах разных административно-территориальных единиц – Туркестанского генерал-губернаторства, Хивинского ханства, Бухарского эмирата. По мнению В.И. Ленина, Туркестан был колонией «чистейшего типа»¹¹⁹ (наравне с Индией и Египтом), где, по оценке В.В. Соколова, колониальная администрация сохраняла феодально-патриархальные отношения, препятствуя развитию, поддерживая «реакционное мусульманское духовенство»¹²⁰. Бухара и Хива по геополитическим мотивам не вошли в состав Российской империи, а были фактически протекторатами¹²¹ с тем же колониальным статусом, по ленинской оценке, «нечто вроде колоний»¹²².

Современные азиатские историки солидаризируются с такой оценкой, пролонгируя её и на советский период: «До 1917 г. Туркестан был колонией Российской империи, а затем и Советской», – пишет И.А. Мамадалиев. Автор акцентирует внимание на консервации «социального угнетения народных масс», а колонизаторов лишь добавляет к «местным эксплуататорам». В итоге, по мнению автора, регион ничего не приобрел, кроме «тяжкого социального и национального гнета царских колонизаторов и их местных прислужников». Позже, Советы, проявляя «политическую близорукость и экономическое неумение вести хозяйство», довели регион до экономического кризиса, разрушив попутно

¹¹⁹ Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. М., 1973. Т. 30. С. 35.

¹²⁰ Соколов В. В. Туркестанский край в составе Российской империи, вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 90.

¹²¹ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом : в 2 т. СПб., 1911. (Понятие «протекторат» активно использовалось в русской литературе конца XIX – начала XX века).

¹²² Ленин В. И. Речь об отношении к Временному правительству 4 (17) июня 1917 г. на Всероссийском Съезде советов рабочих и солдатских депутатов // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. М., Т. 32. С. 274.

«вековые традиции ведения хозяйства»¹²³. В целом современная оценка ситуации большей части азиатских историков укладывается в ленинский тезис о царской России, как «тюрьме для народов». Близкие оценки мы наблюдаем и в британской историографии¹²⁴.

В то же время, уровень социально-экономического развития самостоятельных государств региона был крайне низким. Формально независимая «благородная и священная» Бухара в тот период представляла собой социально депрессивное квази-государство, с крайне низким уровнем жизни и тотальными налогами. Главой государства был неограниченный светский и духовный владыка эмир Алимхан¹²⁵, произведенный в чин генерал-лейтенанта русской армии, генерал-адъютант свиты Е.И.В, ставший кавалером ордена «Белого орла». Хива также была типичной страной азиатского деспотизма во главе с ханом¹²⁶. Ситуация в Хиве и Коканде была нестабильна. Российская пресса писала в конце января 1867 г.: «Азиатцы забывчивы и сколь быстро предаются страху, столь быстро набираются самоуверенности»¹²⁷. Речь шла об опасениях того, что кокандцы, при ослаблении военного режима периода присоединения территории, могут перевернуться к англичанам.

Вопрос об инициации присоединения новых территорий в Средней Азии продолжает сохранять научную актуальность. В советский период этот вопрос рассматривался однозначно как результат политики абсолютизма. Как отмечал А.В. Ремнев – современные историки все ещё находятся во власти идола «абсолютизма», мало уделяя внимания самодержавной власти, как процессу управления, т.е. с позиций функционального анализа механизма самодержавной власти. Здесь автор видит «целый ряд вопросов», прежде всего о том, было ли высшее управление империи «системой», или конгломератом институций, как

¹²³ Мамадалиев И. А. Экономический кризис как фактор социальной дестабилизации: Туркестан в конце XIX начале XX века // Вестн. Таджик. гос. ун-та права, бизнеса и политики. 2013. № 2 (54). С. 28.

¹²⁴ Hopkirk P. Setting the East Ablaze: Lenin's Dream of an Empire in Asia. London, 1986. P. 116.

¹²⁵ Сейид Мир Мухаммед Алим-хан (1880–1944) последний эмир Бухарского эмирата из узбекской династии Мангыт.

¹²⁶ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. СПб., 1915. С. 23–24.

¹²⁷ Статьи газет об известиях из Туркестана (о торговле с сопредельными странами, об русских интересах // РГАДА. Ф. 1385. Оп.1. Д. 641. Л. 20.

проявляла себя правительственная власть и какова роль в ней «такого внесистемного актора, как самодержавный монарх?» Сам этот актор, будучи системообразующим, не выстраивал рационально организованных правил управления. В этой связи А.В. Ремнев ставил правильные вопросы о том, насколько обоснованно вести речь о «политике самодержавия, какие акторы и институции были задействованы в ее выработке и реализации? Какие существовали возможности для манипулирования «высочайшей волей», создания каналов влияния на монарха и способов принятия политических и управленческих решений?»¹²⁸. В значительной мере эти вопросы касаются и вопросов расширения пределов империи.

Вместе с тем, некоторая системность во второй половине XIX в. в управлении регионами как составными частями единого целого (империи) наблюдается в появлении правительственной печати. Для организации управления необходимы были эффективные инструменты и в масштабах Российской империи особенно важно было найти такую форму, которая бы повысила эффективность управленческой деятельности. По мнению В.В. Шевцова «одно из звеньев информационного, правового и идеологического обеспечения этой деятельности – периодическая печать» как «одна из рациональных европейских форм повышения эффективности и законности в сфере администрирования»¹²⁹. По всей империи в губернских городах издавались свои Губернские ведомости. В Туркестане также было свое издание, являвшееся важным инструментом внутренней политики, а официальная часть газеты была, по сути, проводником государственной политики в «массы». Вместе с тем, неофициальная часть могла служить «лакмусовой бумажкой», которая выявляла настроения в обществе, либо позволяла «корректировать» политику региональных властей, что было, крайне редким явлением. Создание местной

¹²⁸ Ремнев А. В. Самодержавное правительство XIX начала XX столетия: править и управлять // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 2. С. 98.

¹²⁹ Шевцов В. В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск. 2016. С. 8.

правительственной печати было важным еще и потому, что Туркестан играл важную стратегическую роль, влияя на геополитику в Азии.

Как изменилась геополитическая ситуация с установлением российского доминирования в регионе? Упомянутые выше междоусобные войны между среднеазиатскими государствами сопровождались и конфликтами внутри каждого ханства, особенно при смене ханов и эмиров. Отдельные беки, а также правители областей по смерти ханов объявляли о суверенитете и отказывались присягать новому хану. Подобное же «происходило и тогда, когда ханские войска терпели неудачу или политическое могущество ханов было слабым. Частыми были случаи сепаратизма в Бухарском эмирате со стороны Китаба, Шахрисябза, в Хивинском ханстве пытались отделиться каракалпаки, казахи. Правители Мерва, Чарджуя вынуждены были лавировать между Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, следуя своей сиюминутной выгоде. Эту же политику вели беки Джизака и Ура-Тюбе, лавируя между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством. Часть бекств продолжительно воевали за независимость. Эмир Бухары Насрулла около 30 раз был вынужден выступать в походы против Китабского и Шахрисябзского бекств, которые не признавали нового эмира. Лишь в 1856 г. эти владения были подчинены Бухаре.

Экономические связи России и стран Центральной Азии на этом фоне налаживались крайне сложно. Русское правительство не допускало азиатских купцов во внутреннюю торговлю, они лишь могли реализовывать свои товары посредникам – башкирским и русским купцам в Астрахани, Тобольске и на приграничных ярмарках. Те же препятствия были и на азиатских рынках. В то же время, торговые «бухарцы» (собираетельное название среднеазиатских купцов в России) проникали и даже создавали торговые представительства и фактории в торговых городах – Орске, Троицке, Петропавловске, Семипалатинске, Тюмени, Томске. Русское правительство ввело для них некоторые торговые и промысловые льготы и даже наделило землей, преследуя двоякую цель: заселить и использовать вновь присоединенные земли, а также, проводить политику, называемую сегодня *soft power*, пропагандируя образ России в Центральной Азии.

Но состояние торговли, которую вела верхушка знати во главе с ханами, слабо стимулировало развитие местной экономики. Держа торговлю с Россией в своих руках, ханы препятствовали свободному въезду русских купцов в Центральную Азию, дискриминируя их в покупке недвижимости и открытии торговых точек.

На этом фоне российское правительство уже в первой половине XIX в. активизировало не только экономические, но и военные усилия, направленные на закрепление позиций в регионе. Ханы среднеазиатских государств, опасавшиеся потерять власть в результате российского продвижения, предпринимали со своей стороны попытки не только противостоять, но и наступать. Но первые результаты обнадеживали. В 1865 г. Н. Северцов писал из Аулие-Ата¹³⁰: «Город обрусел, выросло благосостояние. Естественный центр по географическим условиям в приграничном районе»¹³¹.

В целях привлечения казахов на свою сторону и для того, чтобы «поставить казахов под свою власть»¹³² хивинский хан воспользовался восстанием казахов Малой орды под предводительством казахского хана Шерали и поддержал его выступил против России. Российское правительство, воспользовавшись враждебностью Хивы, обвинило её в грабежах русских караванов (что имело место) и начало подготовку к военным действиям против ханства.

Попытки дипломатически урегулировать ситуацию не увенчались успехом, а военный поход под командованием полковника Ф. фон Берга в 1825 г., несколько обезопасил торговые пути, но ненадолго. В 1830-е гг. в Хиве скопилось несколько сотен пленных, уведённых из России и находившихся на положении рабов. Чтобы их освободить из Петербурга было отправлено Высочайшее повеление, в котором указывалось арестовать подданных хивинского хана, проживавших на юго-востоке России. В 1837 г. хивинцы отдали 25 пленных и выплатили компенсации в виде подарков, которые были отвергнуты, а арест хивинских купцов был продолжен до полного возвращения пленных. К 1839 г.

¹³⁰ Аулие-Ата – позже административный центр Аулиеатинского уезда в составе Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства в 1868–1918 гг.

¹³¹ Записка Н. Северцова «Естественные условия Аулиеата, как административного центра» (копия) // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 655. Л. 2.

¹³² История народов Узбекистана: в 2-х т. / гл. ред. А. Аскарлов. Ташкент, 1993. Т. 2. С. 93.

хивинцы вернули 80 человек, но параллельно этому на Каспийском море захватили в плен 200 рыбаков и усилили набеги в целях грабежа.

Осенью 1839 г. к Хиве был послан экспедиционный отряд под командованием оренбургского генерал-губернатора графа В.А. Перовского, который в силу слабой подготовки, морозов и болезней, вернулся в Оренбург, где началась подготовка к новому походу в Хиву. По данным И. Н. Захарьина (Якунина), эта чрезвычайно затратная экспедиция провалилась, но почти все пленники действительно были освобождены хивинцами в 1840 г. При этом неудачный поход в Хиву В.А. Перовского имел совершенно неожиданно, желаемые результаты. Дело было во внешнем факторе. Англичане, базировавшиеся в Герате, узнав о выдвижении русского экспедиционного отряда на Хиву, склонили хана Алла-Кула к немедленному освобождению русских пленников и прекращению грабежей русских купеческих караванов. Указанный автор даже ссылаясь на то, что за всех русских пленных англичане заплатили хану выкуп и оплатили дорожные издержки до Оренбурга, опасаясь усиления русского военного присутствия в регионе. 14 августа 1840 г. «в Оренбург прибыла первая группа освобожденных, а затем ещё 416 человек»¹³³. Посольства: капитана Никифорова (1841 г.) и подполковника Данилевского (1842 г.) для разрешения мирным путем двусторонних вопросов не дали результата. В 1843 и 1845 гг. Хива вступила в сговор с повстанцами киргизами Кенисары Касимовым и Исетом Кутебаровым. Отдельными группами они совершали набеги на местное население в оренбургской степи и вдоль нижнего течения Сырдарьи. Кроме того, хивинские разбойники в 1869–1870 гг. во время волнения кочевников Оренбургской степи и вдоль ташкентского почтового тракта вместе с киргизами совершали нападения на караваны, на проезжающих. Пленников убивали, либо уводили и продавали на невольничьих рынках. В начале 1872 г. начались переговоры между Хивой и Россией. На предложения последней, хан ответил отказом. Весной 1873 г. в результате военной экспедиции Хива была покорена.

¹³³ Захарьин И. Н. Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901. С. 103.

Отношения с Бухарой были более мирными, т.к. государства не имели общей границы, а бухарцы, как отмечено активно торговали в России. В 1865 г. бухарский эмир заявил о своих правах на занятый Россией Ташкент, купеческие верхи которого без энтузиазма относились к этим претензиям. В свою очередь город стоял на пути движения российских войск и был выгоден с экономической и стратегической точек зрения. В результате начавшейся войны Бухара утратила политическую самостоятельность. Российская разведка докладывала о противоречивой ситуации: «Бухарский народ желает в русское подданство, в основном ввиду получаемых выгод, но ненавидят христиан»¹³⁴. Таким образом, присоединив Бухару, Россия могла бы включить крайне беспокойный и ненадежный регион.

Русская военная компания в Центральной Азии началась еще в 1863 г. Летом этого года полковник М.Г. Черняев с молчаливого согласия оренбургского генерал-губернатора А.П. Безака, взяв инициативу и ответственность на себя, выступил с войсками из форта Перовского и взял крепость Сузак. В 1864 г. одновременно из Верного и из форта Перовского вышли российские отряды, которые покорили города Чимкент, Аулие-Ата, Туркестан.

В 1865 г. на присоединенных территориях была образована Туркестанская область под началом оренбургского генерал-губернатора. Примечательно, что приказ о создании области был подписан представителем военного ведомства – военным министром Д.А. Милютиным¹³⁵. Область была выделена из Сыр-Дарьинской и Ново-Кокандской оборонительных линий. Прямое управление осуществлял генерал-майор М.Г. Черняев, который стал губернатором присоединенного края.

15–17 июня 1865 г. штурмом был взят Ташкент, далее генерал М.Г. Черняев двинулся к Сырдарье и занял Чиназ, который мог прикрыть Ташкент с юго-

¹³⁴ С секретными бумагами. Донесения разведчиков о событиях в Бухарском и хивинском ханствах, о приезде, без разрешения в Туркестанский край итальянских подданных Бонам и Венециани, о возможности распространения христианства между кочевниками и др. // Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГАРУз). Ф. 17. Оп. 1. Д. 2934. Л. 48–49.

¹³⁵ Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX–начале XX в.: Документы и извлечения. Барнаул, 2014. С. 144–145.

востока от войск кокандского хана и с запада от войск бухарского эмира. Современник событий, один из защитников города Мухаммед Самих в своей рукописи «Новая история Ташкента» отмечал, что среди местных жителей были и те, кто не интересовался будущим города, у которых не было желания ни воевать, ни помогать защитникам города. Такому поведению есть объяснение, – это были люди, не поддерживавшие власть ханов и поэтому они не боялись российского присутствия, т.к. им «нечего было терять»¹³⁶. Подобная позиция к российскому завоеванию Центральной Азии была преобладающей среди местного населения, что послужило ускорению падения среднеазиатских государств.

На примере взятия Ташкента хорошо видно два взаимосвязанных момента: во-первых, отсутствие концепции продвижения (завоевания), во-вторых, в связи с первым, предоставление прав решения политических вопросов военным, командующим оперативными соединениями. Позже, рассуждая о путях совершенствования административного управления в Крае, М.Г. Черняев постоянно указывал на инициативный характер своих действий, на то, что «Правительство недовольно моим наступательным движением... Завоевание Ташкента не было в видах правительства»¹³⁷.

Так, после инициативного взятия Ташкента встали два ключевых вопроса: что делать с этим и где провести новую границу. Ещё в 1864 г., после первого, неудачного похода на Ташкент, Черняев настаивал на необходимости занятия этого крупного торгового города, но разрешения тогда не получил. В этот момент генерал полагал целесообразным отделить Ташкент от Коканда, образовав из него в качестве протектората самостоятельное ханство. Суть была в ослаблении Кокандского ханства путем его дробления на зависимые территории. Так, в свое время действовал Наполеон в Европе, но можно ли было так действовать в Азии? В этот момент российские военные действовали интуитивно, так как их понимание о завоеванном крае и характере местного населения были «весьма слабы».

¹³⁶ Вахабов М. Г. Формирование Узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961. С. 90.

¹³⁷ Письмо генерал-майора М. Черняева к министру финансов о необходимости изменить систему управления Туркестанским генерал-губернаторством (копия) // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 686. Л. 13.

Идея дробления не пережила взятия Ташкента. Сам М.Г. Черняев отказался от неё, полагая, что Ташкент необходимо прямо подчинить российской администрации. 6 августа 1865 г. он докладывал Оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому о перемене своих взглядов после ознакомления с ситуацией и «характером Ташкентцев». М.Г. Черняев считал невозможным поддерживать порядок в большом городе и устроить там полицию, исходя из наличной численности войск, а также полицейских расписаний Москвы и Петербурга. В этой связи он предлагал «предоставить жителям самоуправление» в части «охранения спокойствия», т.е. поставить гарнизон в составе батальона и двух сотен солдат, а полицию предоставить «самим жителям». Автор аргументировал это «полным спокойствием и порядком», которые «водворились без всякого почти с нашей стороны вмешательства» уже через неделю после штурма города. Характерно, что «глубокое уважение жителей Ташкента к порядку и власти» автор сравнивает «со странами самыми цивилизованными». Местная полиция заслужила высокую оценку российского генерала за высокие показатели раскрываемости преступлений.

Таким образом, политический проект М.Г. Черняева состоял в предоставлении жителям Ташкента самоуправления в вопросах местного значения с оставлением за российской администрацией наблюдения за должностными лицами, а также права их ротации.

От идеи отдельного вассального Ташкентского ханства М.Г. Черняев отказался как от «неудобоисполнимой». По его мнению, назначенного из Петербурга хана народ будет считать «русским чиновником», тогда как «власть нашего чиновника они признают», так как за ней сила, а за марионеточным ханом силы не будет.

Н.А. Крыжановский, тем не менее, считал целесообразным образование самостоятельного Ташкентского ханства. Прибыв в Туркестан, он получил адрес жителей Ташкента, которые признавая «власть Великого Государя», высказались в целом против того, чтобы «из среды себя назначать начальником кого пожелаем». Жители опасались «демократии», отвергая идею о «начальнике, из

нашей среды выбираемом», так как такое назначение, по их мнению, могло бы «произвести в народе большие беспорядки, породить зло и несправедливости». Взамен они предлагали передать их дела «по шариату» в ведение муфтия, ссылаясь на то, что и в России все дела, касающиеся ислама находятся в ведении муфтия¹³⁸. Назначение местных гражданских служащих они просили передать в ведение М.Г. Черняева, которого и назначить на «главное управление здешним населением», как знающего ситуацию и обычаи. Отметим прагматизм документа, где духовные дела отделены от светских и переданы духовным лицам под контролем в части назначений главного в российской администрации¹³⁹.

Возникшие между М.Г. Черняевым и Н.А. Крыжановским разногласия были разрешены в Петербурге специальным комитетом, который принял решение об административном включении Ташкента, окончательно отказавшись, таким образом, от идеи сепарации. На определение статуса, т.е. юридическое закрепление присоединения Ташкента ушел год.

Возвращаясь к ташкентскому прецеденту отметим, что в большинстве случаев империи стремились достичь правовой унификации. Примеры Римского права и правовых актов Наполеона тому примеры. В то же время, базовая легитимация имперского суверенитета, её верховной власти, реализовывалась в большей степени не через право, и была не всегда рациональна. В многочисленных адресах жителей Ташкента, которые цитировал И. Львов прослеживался характерный для империй сакральный (религиозный или секуляризованный) мир. Жители писали не про свои права и свободы и не про закон, а про «Белого царя» и свои ощущения при новой власти. Империи, не будучи, как правило, теократическими, заимствовали и воспринимали у господствующей религии её духовную ауру, активно внедряя её в свою идеологию. В этом смысле «практическая реализация имперской идеи почти

¹³⁸ Цит. по: Львов И. Завоевание Туркестана. Заметки по среднеазиатскому вопросу Д. И. Романовского. СПб. 1868 г. (рецензия и комментарий) // Рус. вестн. 1868. № 7. С. 168.

¹³⁹ Римское право периода поздней республики и зарождения империи дифференцировало права римских граждан (*cives Romani*) и права не граждан (в *jus gentium*). В Российской империи, действовало общее право в совокупности с особым законодательством для Польши, Финляндии, мусульман Средней Азии, которые были подданными.

никогда не совпадала с её правовым обоснованием». В данном случае «факт и норма существовали в разных плоскостях бытия»¹⁴⁰.

Таким образом, базовым регулятором общественных отношений в империи становились идеократические цивилизационные нормы, устанавливаемые господствующей идеологией. Поиски форм присоединения новых территорий были обусловлены и тем, что юридическая структура имперского объединения «была весьма подвижна и нередко могла не совпадать с правовой»¹⁴¹.

С точки зрения права невозможно было обосновать то, что завоевание Ташкента потребовало включения в состав России и его «экономической зоны», т.е. всех территорий, которыми пользовалось население, с которых город снабжался и имел прочные торговые и иные связи. Это диктовало необходимость отодвинуть границу существенно за реку Чирчик, так как большая часть полей жителей города располагалась по ту сторону реки. В качестве ориентира «справедливой» и хозяйственно обоснованной границы была выбрана Сырдарья. Это позволяло включить в состав империи плодородную долину Чирчика с развитым на левой стороне земледелием и рисоводством. Также граница по Сырдарье обеспечивала российское судоходство, открывала доступ в Кашгар. Местные жители поддерживали такие территориальные амбиции. В упомянутом адресе они просили объединить все территории: с Востока: Иссык-Куль, Иля, Учъ-Курган, до Сырдарьи, с Севера: также Ак-Мечеть, Иля и до Раимского укрепления; с Запада: всю территорию вдоль течения реки Сырдарья с ее левым берегом и укреплением Чардары; с Юга: всю территорию по Сырдарье¹⁴². Указанные обоснованные и «демократически» выраженные пожелания населения легли в основу предложений, которые М.Г. Черняев доложил правительству и которые были им одобрены.

Обширные завоевания М.Г. Черняева в Центральной Азии были, как образно писал И. Львов, комментируя записки Д. И. Романовского, «взяты

¹⁴⁰ Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. М., 2007. С. 26–27.

¹⁴¹ Исаев И.А. Топос и номос ... С. 22.

¹⁴² Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868. С. 162.

генералом на свою личную ответственность»¹⁴³. Автор имел ввиду, что российское правительство предполагало лишь соединить Сибирскую¹⁴⁴ и Оренбургскую¹⁴⁵ линии чрез Аулиету и Сузак. При этом завоевание значительной части Кокандского ханства не предполагалось. Правительство одобрило инициативную тактику и результаты М.Г. Черняева, как и последующих инициаторов такого рода экспедиций. При этом именно М.Г. Черняев дал тот первый и решительный толчок российской экспансии «после которого ни полумеры, ни нерешительность уже невозможны»¹⁴⁶.

Новая территориальная экспансия существенно задевала интересы Бухары, которая резко протестовала против взятия Ташкента, считая его сферой своих интересов. Бухарский эмир на тот момент взял Джизак, Ура-Тюбе и Ходжент. Столкновение становилось неизбежным. Ведя дипломатическую переписку, М.Г. Черняев настоял на введении в отношении Бухары экономических санкций.

Спустя девять дней после штурма Ташкента по инициативе М.Г. Черняева было объявлено о немедленном задержании, находящихся в России торговых караванов и подданных Бухары, в основном купцов. Необходимость и обоснованность такой меры не вполне ясны и сегодня. Санкции не возымели действия, в основном потому что практически все задержанные бухарские предприниматели вернулись из Оренбурга и Троицка в Бухару уже к началу 1866 г. числясь уже хивинскими, ташкентскими или киргизскими купцами.

Попытка санкций нанесла урон репутации российской администрации, та как в Центральной Азии торговля всегда считалась привилегированным занятием.

¹⁴³ Львов И. Завоевание Туркестана. Заметки по среднеазиатскому вопросу Д. И. Романовского. СПб. 1868 г. (рецензия и комментарий) // Рус. вестн. 1868. № 7. С. 169.

¹⁴⁴ Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона. Тюмень, 2007. С. 32–46. (Сибирская линия – система фортификационных оборонительных сооружений на Юге Западной Сибири. Строилась в XVIII-XIX вв.: Тобольско-Ишимская линия (1752–1755 гг.), Иртышская линия (1745–1752 гг.), Колывано-Кузнецкая линия (1747–1768 гг.).

¹⁴⁵ Пограничные укрепленные линии // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В.Ф. Новицкого. СПб., 1915. Т. 16. С. 251. (Оренбургская линия – оборонительная пограничная система, построена в 1736–1742 гг. Центр – крепость Оренбург (1735 г.) и далее по линиям от крепости Звериноголовская на Тоболе, до г. Гурьев (впадение р. Яик в Каспийской море): от Уйской крепости – по р. Уй; Оренбургской по р. Яик; Самарской – от Волги до Яика; Сакмарской – по р. Сакмара. Особенностью линии было использование естественных водных преград, поэтому было достаточно укрепленных пунктов (городков) и станиц, где стояли сигнальные вышки и патрулировали разьезды).

¹⁴⁶ Львов И. Указ. соч. С. 169.

Насилие в отношении купцов порицалось всеми слоями местного населения. Торговля не прекращалась и в периоды войн, когда купцы проходили через линии фронтов. Так, когда российские войска брали Ходжент и Ура-Тюбе, бухарские купцы имели свободный доступ в Ташкент.

В 1867 г. бухарский эмир потерпел поражение и принял все условия мира. Тогда же Туркестанская область получила статус Туркестанского генерал-губернаторства со столицей г. Ташкент. С ноября 1867 г. в столицу нового генерал-губернаторства прибыл назначенный на должность генерал-губернатора и командующий войсками генерал-адъютант К.П. Фон-Кауфман.

На новые территории была распространена налоговая система с помощью которой должен был действовать механизм интеграции местного населения в российскую социально-экономическую и правовую структуру. В то же время, как отмечает Ю.А. Лысенко, модель налогообложения на окраинах значительно отличалась от общеимперской и была либеральной, так как размеры налогов ставили местное население, т.е. «инородцев», «в привилегированное положение по сравнению с русским крестьянством, к которому в социально-правовом плане их пытались приравнять»¹⁴⁷.

Кроме того, в обществе уже шли обсуждения о возможности набора в армию представителей коренного населения. Российская пресса с момента присоединения Туркестана активно обсуждала вопрос, следуя «страсти подражания иноземным образцам формировать войска из коренных народов». В целом отношение к таким проектам было негативное, по причине того, что «пользы не будет, а вреда будет больше». Считалось, что российский солдат обойдется дешевле, а казака, который служит на своей лошади на такую службу «не заманить»¹⁴⁸.

В новой администрации, как пишет И.В. Васильева, власть находилась в руках лиц, незнакомых с местным языком, при этом «переводчик-толмач был не

¹⁴⁷ Лысенко Ю. А. К вопросу о налоговой политике Российской империи в отношении казахского общества // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2013. № 4 (80). С. 176.

¹⁴⁸ Статьи газет об известиях из Туркестана (о торговле с сопредельными странами, об русских интересах (Москва, № 53. 1867) // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 641. Л. 30.

только простым передатчиком воли и распоряжений начальства, он стал и бесконтрольным истолкователем того и другого. Он был и неизбежным посредником между жалующимся и лицом, которому приносится жалоба, он был и докладчиком по всякому делу, возникающему между туземцами. Следовательно, ему открывалось обширное поприще эксплуатировать и того, и другого. Сами они все азиаты, получившие образование в России. Хитрые и пронырливые, они с рабской покорностью и предупредительностью почти пресмыкаются перед представителями русской власти и надменно, с самым наглым презрением, относятся к зависящим от них туземцам»¹⁴⁹. В российской прессе активно обсуждали вопросы по примеру англичан использовать в колониальной администрации людей, знающих местные языки, и им платить прибавку к жалованию за знание языка¹⁵⁰.

Весной 1868 г. военные действия против бухарского эмира возобновились. Регион наводнили религиозные фанатики, проповедующие газават. Генерал Фон Кауфман решил блокировать Самарканд, а вскоре бухарская армия была разбита. 8 июня 1868 г. Самарканд был взят вторично, война с Бухарой завершилась, но напряженность сохранялась в пограничном Хивинском ханстве.

Летом 1870 г. экспедиционный отряд под командованием генерал-майора А.К. Абрамова выдвинулся против Шахрисябского бекства, которое было передано в управление бухарскому эмиру, а беки бежали в Коканд¹⁵¹.

В 1873 г. начался поход на Хиву, который проходил в сложных условиях: жара, нехватка воды, сложные географические условия. Наступление продолжалось с переменным успехом и закончилось в июле 1873 г. «Неприятель, писал великий князь Николай Константинович, разбит наголову, вся Хива наша, паника распространяется по всему ханству.... День был радостный. Потерь у нас

¹⁴⁹ Васильева И. В., Васильев Д. В. Указ. соч. С. 29.

¹⁵⁰ Статьи газет об известиях из Туркестана (о торговле с сопредельными странами, об русских интересах (Москва, 1867. №38) // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 641. Л. 38.

¹⁵¹ Якубов Б. С. Шахрисябское и Китабское бекства во второй половине XVIII–60-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1997. С. 13.

не было. Мы стали твердою ногою на Аму-Дарье»¹⁵². 3 августа генерал Фон-Кауфман выступил в Хиву, где 12 августа был подписан мир. Хан освободил всех невольников, отменил рабство и работорговлю. «Хива обязалась выплатить контрибуцию 2.200.000 руб. и уступить всю территорию по правую сторону Аму-Дарьи»¹⁵³.

Эта победа, как отмечает В.В. Соколов, «не представляла для России значительного политического успеха в силу изолированного положения ханства от остального внешнего мира и удаления его от главных путей Средней Азии к югу, но имела громадное нравственное значение»¹⁵⁴. Хива казалась в Азии неприступной благодаря окружавшим ее со всех сторон пустыням. Тысячи рабов получили свободу, а рабство – уничтожено.

В 1875 г. началась Кокандская война. 13 июля флигель-адъютант полковник М.Д. Скобелев при сопровождении чиновника по дипломатической части при генерал-губернаторе А.С. Вейнберге отправились из Ташкента в пределы Кокандского ханства с дипломатическими поручениями. Их сопровождал конвой из 22 казаков и 6 джигитов – коренных жителей. В Коканде они застали народные волнения, вызванные недовольством населения Худояр-Ханом. Ханские войска перешли на сторону повстанцев. Посольство оказалось в сложном положении. Новое правительство, во главе с предводителями восстания и избранным ханом Наср-Эддином, старшим сыном прежнего правителя, сразу приступило к подготовке газавата.

Вожди радикальных исламистов предложили начальникам русского Туркестана альтернативу: принять ислам и перейти на сторону кокандцев, получив рай Магомета после смерти или уйти в Россию. В противном случае кокандцы обещали войну за освобождение Туркестана.

¹⁵² Мы стали твердою ногою на Аму-Дарье. Хивинский поход 1873 г. в описании великого князя Николая Константиновича [Электронный ресурс] // Источник. Документы русской истории. 2002. № 4 (58). Электрон. версия. печат. публ. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Romanov_N_K/briefe_chiv_pochod_1873.htm (дата обращения: 30.07.2018).

¹⁵³ Мак-Гахан Я. А. Движение соединённых колонн // Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875. С. 96.

¹⁵⁴ Соколов В. В. Указ. соч. С. 102.

7 августа 1875 г. начались боевые действия против Кокандского ханства. Вступив в пределы ханства, русские войска 22 августа 1875 г. разгромили силы противника под Махрамом, 29 августа заняли Коканд, а 8 сентября – Маргелан. Хан обратился к К.П. Кауфману с миром и признанием его законным правителем. 22 сентября 1875 г. был подписан обновленный договор между Россией и Кокандом, по которому Коканд отказался от дипломатического суверенитета и передавал ряд территорий на правобережье Сырдарьи и Нарына в состав России. Волнения в Ферганской долине продолжались. Протестующие обвинили в «измене исламу» Наср-Эддина, который вынужден был бежать в октябре 1875 г., как ранее его отец.

Генерал М.Д. Скобелев подавил восстание в Намангане и начал вытеснять повстанцев за Сырдарью. В Намангане жители атаковали русский гарнизон. Генерал подверг город интенсивному артиллерийскому обстрелу, что повлекло массовые жертвы среди мирного населения. Затем был взят Андижан, а 8 февраля 1876 г. Скобелев вновь занял Коканд, после чего было принято политическое решение о ликвидации Кокандского ханства, как «рассадника» радикального исламизма. 19 февраля 1876 г. оно было ликвидировано, а территории присоединены к России с образованием Ферганской области. Всякое сопротивление подавлялось с крайней жестокостью¹⁵⁵. Показательны в этом смысле действия отряда А.Н. Меллер-Закомельского¹⁵⁶. Туркестанский генерал-губернатор был даже вынужден отреагировать приказом о прекращении немотивированных расправ над местным населением¹⁵⁷.

Экспедиция на Алай, кроме подчинения горной части Ферганской области, имела научное значение – необходимо было установить границы российской части долины с Кара-Тегинном и Кашгаром. Экспедиция была поделена на три

¹⁵⁵ Наливкин В. П. Из казачьего и неказачьего прошлого // Изв. Омск. гос. историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 59.

¹⁵⁶ Меллер-Закомельский А. Н. // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого. СПб., 1911–1915. Т. 5. С. 195. (Проявление жестокости не помешало ему быть в 1876 г. пожалованным флигель-адъютантом, получить несколько орденов, а затем получить под начало шестой пехотный Либавский полк и выйти в отставку генерал-майором).

¹⁵⁷ Боронин О. В. К вопросу о периодизации политики России в Средней Азии во второй половине 60-х – первой половине 80-х гг. XIX в // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2005. № 4. С. 119.

колонны, которые форсируя движение в горных долинах, отражали не только атаки местного непокоренного населения, но и совершали успешные наступления на стоянки кочевников. 1 сентября 1876 г. Алайский поход как и Кокандская война были завершены.

В последующие годы российские войска регулярно совершали боевые походы по покоренным местам для того, чтобы обезопасить территории от возможных набегов кочевников-каракиргизов, а также охраны всего периметра вдоль восточной границы (со стороны Кара-Тегина, Шугнана, Кашгара), наблюдения за местным населением, обитавшим в горах.

Таким образом, в 1860-е гг. существенно изменилась геополитическая конфигурация Центральной Азии, значительная часть которой была присоединена к России. Так, уже после разгрома бухарской армии, Кауфман писал испуганному эмиру, что «русский царь не собирается ликвидировать Бухарский эмират»¹⁵⁸. Генерал-губернатор уже тогда осознал, что удобнее иметь послушного вассала, чем присоединить эмират, что, в свою очередь, привело бы к дополнительным тратам на создание системы управления, на содержание войск и т. п.¹⁵⁹. Кроме того, данное решение принималось в условиях напряженных российско-английских отношений. В 50–60-е гг. XIX столетия английская общественность пристально следила за продвижением российских войск вглубь Азии. В британском правительстве росло напряжение и недовольство российской политикой в этом регионе. Еще в 1864 г. императором Александром II был подписан указ о приостановке военных действий против Коканда, а канцлер А.М. Горчаков 21 ноября того же года сделал официальное заявление о том, что «политика России в Центральной Азии направлена на обеспечении “известного перевеса” над центральноазиатскими ханствами с целью оградить себя от набегов и грабежей». Он приводил в пример Северо-Американские Соединенные Штаты, Францию, Голландию, Англию, добавляя, что «российское продвижение

¹⁵⁸ Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М. 2010. С. 159.

¹⁵⁹ Там же. С. 159.

обусловлено нестабильностью в самих ханствах и, таким образом, проблематичностью ведения переговоров»¹⁶⁰.

После таких заявлений, в январе 1868 г. Кауфман вынудил кокандского хана Худояра подписать российско-кокандский торговый договор, который фактически давал российским купцам большие преференции в торговле в пределах ханства, в беспошлинном транзите российских товаров в соседние страны (чего, к примеру, безуспешно добивался английский капитал), и открывал рынки ханства для российских товаров. Коканд был поставлен в положение вассала, но еще не лишился внутренней автономии.

Анализ архивных документов, касающихся дипломатических контактов российской администрации Туркестана с Кокандским правительством¹⁶¹, позволяет выявить ряд важных аспектов. Вся корреспонденция из канцелярии Туркестанского генерал-губернатора в Кокандское правительство и обратно сопровождалась всеми атрибутами межгосударственной курьерской службы. Протокольное уважительное обращение высших чиновников друг к другу в письмах соблюдалось, что показывает факт их автономности (внешней) друг перед другом. Были часты обмены подарками, справками о «благополучии и здоровье». Вместе с тем, приходилось решать проблемы, неизбежно возникающие на границах, в торговых делах и фискальной политике. Таким образом, курс на установление зависимого положения Коканда был выстроен.

Тональность писем Худояр-хана и Кауфмана по вопросу о перевороте в Каратегине, горном бекстве по среднему течению р. Вахш, в котором «гулябский бек Сарабек самовольно набрав войска... завладел городом»¹⁶², показывает, что хан завуалировано, как бы предупреждая генерал-губернатора о своих намерениях пойти на отложившееся бекство с войсками, на самом деле ждет санкции на это мероприятие генерал-губернатора. Вскоре Сарабек был разбит, а Каратегин вернулся под власть хана.

¹⁶⁰ Абашин. С. Н., Арапов Д. Ю., Бекмаханова Н. Е. Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 65.

¹⁶¹ Сношения с Кокандским ханством // ЦГАРУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 44.

¹⁶² Там же. Л. 5.

По вопросу о том, кому будут платить зякет (налог) киргизы, кочующие в пределах приграничного с ханством Ходжентского уезда (район современного г. Худжанд, Республика Таджикистан) тоже был некоторое время открыт. В рапорте генерал-губернатору начальник уезда писал, что кокандский бек «неоднократно взимал подати» с кочевников-киргизов, которые после организации уезда оказались на российской территории и были учтены как российские подданные, а перекочевки на территорию ханства были связаны лишь с сезонностью. Кокандское правительство без возражений приняло объяснение российской стороны и отказалось от дальнейшего сбора налогов с указанных киргизов¹⁶³.

По делу о долгах кокандских купцов перед «потомственным почетным гражданином и купцом 1-й гильдии» М.А. Хлудовым в 1869 г. решение было принято также в пользу последнего. Лишь благодаря вмешательству Кауфмана и взявшего это дело под свой контроль статского советника К.В. Струве, долги купцу были возвращены.

Кокандский хан не справился с ролью, которую ему отвели в канцелярии генерал-губернатора, ролью исполнителя, который бы управлял ханством, не доставляя лишних хлопот. Описанные выше случаи, когда российской администрации приходилось вмешиваться в решение внутренних проблем ханства, постоянно прибегать к «ручному управлению», были не единичными случаями.

Кокандское правительство не оправдало надежд. Ханы не владели ситуацией, английские агенты по-прежнему проникали в пределы ханства. Подданные хана, недовольные коррупцией, облагаемые высокими налогами и подстрекаемые мусульманским духовенством к «священной войне против неверных – газавату», все чаще проявляли недовольство. Ханская администрация становилась лишним и бесполезным звеном в управлении регионом, а сам регион, находясь по соседству с самопровозглашенным и отложившимся от Китая в то время Кашгарским ханством, соседствующим одновременно с британской

¹⁶³ Сношения с Кокандским ханством // ЦГАРУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 44. Л. 8.

Индией, грозил быть дестабилизирующим фактором на окраинах империи. 19 февраля 1876 г. Кокандское ханство было упразднено.

Бухара и Хива, утратив часть территории, превратились в протектораты. Россия и Бухара подписали мирные договоры 1868 и 1873 гг. По первому: от 23 июня 1868 г.:

– земли вокруг Самарканда, Каттагургана, а также верхнее течение реки Зарафшан отходили к Российской империи;

– эмир должен был выплатить России контрибуцию – 500 тысяч рублей и отказывался от самостоятельной внешней политики с другими странами, кроме России;

– русским купцам было разрешено иметь в пределах Бухарского эмирата свое торговое представительство (караван-сарай), покупать недвижимость и вести беспрепятственную торговлю¹⁶⁴.

Предполагалось, что управление ханством, осуществляемое при участии русского правительства, в скорейшем времени создаст условия для перехода к полному присоединению Бухарского ханства к России, т.е. его вхождения в состав Туркестанского края¹⁶⁵.

Российская политика в Бухаре была весьма двусмысленной. Российский генерал, военный публицист и писатель, долгое время проживший в Туркестане и занимавший важные административные посты Д.Н. Логофет писал о том, что Россия «не имеет нравственного права закрывать глаза на все то, что делается бухарским правительством в ханстве под прикрытием русской власти»¹⁶⁶, однако тут же призывал «действовать осторожно», чтобы не допустить социального взрыва в Бухаре, что потребует русских сил и средств для подавления.

В Бухаре активно работала российская военная разведка. Агенты доносили о крайне слабом военном потенциале, оценивая положение солдат эмира как «весьма печальное». Действительно, нижние чины бухарской армии, получая 4

¹⁶⁴ Брежнева С. Н. Бухарский эмират периода протектората России в трудах ученого-востоковеда Д. Н. Логофета // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2009. № 4. С. 55.

¹⁶⁵ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом : в 2 т. СПб., 1911. Т. 2. С. 334.

¹⁶⁶ Там же. Т. 1. С. 22.

рубля в месяц, вели натуральное хозяйство или занимались торговлей. В походах им выплачивалось повышенное жалование в 7 руб., чего явно не хватало и солдаты, чье хозяйство, как правило, было расстроено, жили впроголодь. При этом в бухарской армии служили до старости от 10 до 70 лет¹⁶⁷. Таким образом, военное присоединение Бухары было реальным, так как российская армия не встретила бы здесь серьезного сопротивления.

Новый договор о дружбе с Бухарой 1873 г. предоставил ханству некоторые льготы. Эмират сохранил внутреннюю юрисдикцию, тогда как бухарцы в России получили права подданных. В этом смысле эмират мог считаться формально независимым. В то же время ни о какой цивилизаторской миссии здесь речи не шло. Д.Н. Логофет вынужден был констатировать, что за 40 лет протектората Россия никак не продвинулась в плане привнесения «семян гражданственности», скорее наоборот, попустительством усиливала бухарский деспотизм и фактическое порабощение населения¹⁶⁸.

В июне 1873 г. завершилось покорение Хивинского ханства тремя отрядами – ташкентским, кавказским, оренбургским. Главнокомандующим объединенными войсками был назначен туркестанский генерал-губернатор. В результате успешного похода российских войск 12 августа того же года при участии Кауфмана был подписан мирный договор и с хивинским ханом Мухаммед-Рахимом.

Из прочих территорий Центральной Азии в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с административным центром в Ташкенте. При установлении политико-административных границ не были учтены прежние этнические границы и интересы этносов. Территории, населенные узбеками, таджиками, туркменами, киргизами, казахами, каракалпаками были искусственно административно поделены.

¹⁶⁷ С секретными бумагами. Донесения разведчиков о событиях в Бухарском и хивинском ханствах, о приезде, без разрешения в Турк. край итальянских подданных Бонам и Венециани, о возможности распространения христианства между кочевниками и др. // ЦГАРУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2934. Л. 48–49.

¹⁶⁸ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом : в 2 т. СПб., 1911. Т. 1. С. 38.

После потери своей независимости Бухарский эмират и Хивинское ханство были на особом положении у правительства. Весь край, в отличие от центра России, был подчинен военному министерству, а не министерству внутренних дел. Управление Туркестаном сочетало в себе военную администрацию «наверху» и выборную низовую, которое было названо «военно-народным управлением».

Территории среднеазиатских монархий были существенно урезаны. Из земель, отторгнутых от Бухарского эмирата, был образован Зеравшанский округ. «Хивинская территория по правому берегу Амударьи была аннексирована и включена в состав Сырдарьинской области»¹⁶⁹, а затем из-за удаленности, была выделена в самостоятельную административную единицу с названием Амударьинский военный отдел. Начальнику этого отдела вменялось в обязанность наблюдение за хивинским ханом и жителями ханства, включая «воинственных туркмен»¹⁷⁰. Закаспийская область, образованная в 1881 г. и подчинявшаяся Кавказскому наместничеству, была выведена в 1890 г. из-под его юрисдикции и позднее была присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству.

Вопрос о необходимости сохранения формальной независимости Бухарского эмирата и Хивинского ханства требует отдельного рассмотрения. Современникам было не понятно, почему государственность вышеназванных государств была сохранена. Д.Н. Логофет в своих книгах подробно освящал положение Бухары. «...Вследствие каких непонятных причин, – писал он в 1913 г., – Бухара, большая часть территории которой была завоевана силой русского оружия и обильно полита русской кровью, не была в то время присоединена к русским владениям, а, напротив, усмирив непокорных правителей, не признавших эмира, мы создали из маленькой Бухары значительное государство и, опять-таки, отдали его эмиру в наследственное владение...»¹⁷¹.

Проблема полного присоединения завоеванной Азии была злободневной. В 1910 г. туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов признавал, что в Бухаре

¹⁶⁹ Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 278.

¹⁷⁰ Там же. С. 279.

¹⁷¹ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары: Очерки Средней Азии. СПб., 1913. С. 24.

необходимы кардинальные изменения, а именно: создать населению «более сносные условия материального существования, личную и имущественную безопасность, устранить произвол и вымогательства чиновников...»¹⁷², добавляя, что растущее недовольство народа может вылиться в мятеж.

Предложение назначенного в 1882 г. туркестанским генерал-губернатором М.Г. Черняевым о ликвидации Бухарского эмирата и Хивинского ханства 24 июня 1882 г. обсуждалось на специальном совещании. Черняев объяснял это тем, что, во-первых, между Ташкентом и Закаспийским краем образовалась «неудобная граница», прерываемая независимыми Бухарой и Хивой. Во-вторых, он отмечал опасность смены власти в Бухарском эмирате, в случае смерти эмира, к власти может прийти «приверженец Англии» его сын Абдумалик. В-третьих, будет присоединен густонаселенный регион, превосходящий экономически «все остальные приобретения... в Средней Азии». Хивинский хан, по мнению генерал-губернатора, ощущая себя не более чем «уездным начальником», не оправдывал расходы на его содержание. Черняев предлагал поселить его «на приличном иждивении» в Казани или Калуге¹⁷³. Но правительство признало необходимым сохранить полунезависимый статус этих государств в виду экономии, так как российская казна была избавлена от трат на эти территории, а вся нагрузка по поддержанию своего существования ложилась на самих вассалов.

В условиях мирного договора с Бухарой, среди прочего, был зафиксирован раздел бассейна р. Заравшан, часть которого перешла в состав образованного в июне 1868 г. Заравшанского округа. Учитывая значение орошаемого земледелия в экономике и в жизни населения, стоит подчеркнуть, что на территории этого края водами Зарафшана орошалось 6532 кв. км. Из них во владениях эмирата – 3750 кв. км. Таким образом, чтобы пользоваться водами этой реки, Бухара должна была платить золотом казне генерал-губернаторства¹⁷⁴. Как пишет узбекский историк Ф. Исхаков, «население не могло платить назначенную за оросительную

¹⁷² Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 282.

¹⁷³ Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии ... С. 283–284.

¹⁷⁴ Исхаков Ф. Центральная Азия и Россия в XVIII–начале XX вв. Ташкент, 2009. С. 176.

воду» цену, и «эмират был обречен на очень трудное существование»¹⁷⁵. Но данная мера позволяла Ташкенту иметь дополнительный рычаг давления на Бухару.

В Ташкенте пристально следили за состоянием дел у соседей. В письме военному министру Д.А. Милютину от 7 февраля 1870 г. Кауфман писал, что бухарский эмир не оплатил «еще 120 тысяч рублей» контрибуции, нарушая условия мирного договора, берет с российских купцов «двойной зякет». В том же письме он отмечал, что «эмир еще слаб, а его популярность в народе незначительна»¹⁷⁶. Эти обстоятельства усложняли сбор налогов в эмирате. В апреле 1870 г. Кауфман писал письмо полковнику С.И. Носовичу¹⁷⁷ с указанием отправиться в Бухару «с целью успокоения бухарского народа»¹⁷⁸. По наблюдениям генерал-губернатора, популярность эмира падала, и все понимали, что он держится на троне только благодаря поддержке России. Эту поддержку было решено продемонстрировать, направив туда русское посольство из Ташкента. Экспедиция была не военная, так как отряд конвойной команды, направляемый вместе, насчитывал 60 человек¹⁷⁹. Цель поездки была дипломатическая, которая должна была показать подданным эмира поддержку туркестанских властей Сейид-Музаффару.

О реакции населения на прибывшее посольство в письмах Носовича Кауфману, говорилось очень мало. Начальник экспедиции отправил всего пять писем с кратким изложением дел. В них была сделана попытка общего анализа существующего состояния дел в эмирате. Обращает внимание сделанный акцент на международную политику в этом регионе. В 1870 г. через два года после подписания мирного договора, по которому эмират не имел права вести

¹⁷⁵ Там же. С. 177.

¹⁷⁶ Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего. Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // DrevLit.ru. Библиотека древних рукописей. Электрон. дан. [Б. м.], 2008–2018. URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860–1880/Kaufman/briefe_miljutin_1.php (дата обращения: 26.07.2018).

¹⁷⁷ Носович Сергей Иванович (1831–1897) – генерал-майор, начальник Джизакского уезда Сырдарьинской области в 1867–1871 гг., возглавлял посольство в Бухару в 1870 г., чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе в 1876–1881 гг., военный губернатор г. Иркутска и иркутский гражданский губернатор в 1882–1886 гг.

¹⁷⁸ Об отправлении в Бухару русского посольства под начальством полковника Носовича // ЦГАРУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 76. Л.3.

¹⁷⁹ Там же. Л. 3 об., Л. 18.

самостоятельную внешнюю политику, во время пребывания русского посольства в «гостях» у эмира Носовичем было обнаружено посольство из Кабула. Носович отмечал, что случился конфуз, связанный с приемом двух посольств, когда «кабульское посольство, которое обиделось оказанному нам блистательному приему, и вследствие этого хотело тотчас же уехать, но было приостановлено личными настояниями эмира»¹⁸⁰. О цели приезда послов из Афганистана начальник миссии не писал. Но предполагал, что интересы Кабула, поддерживаемого англичанами, могли идти вразрез интересам Петербурга в этом регионе. Судя по поведению Носовича во время визита в Бухару и отношениям, которые складывались с правительством эмирата, российское влияние в этом регионе и через два года после мирного договора было неустойчивым. Соблюдая дипломатический этикет, руководитель посольства вел себя более чем вежливо. Так, ему не позволяли выехать в город «для осмотра достопримечательностей», не давали видеть наследников эмира и вручить им подарки от генерал-губернатора, и дали такую возможность лишь накануне отъезда из Бухары; в течение своего пребывания в столице эмирата, он не мог просить эмира «о возвращении русских солдат и других людей, задержанных в Бухаре по разным случаям, а также во время войны». Просил он об этом эмира, только выехав из пределов эмирата и будучи уже на территории Туркестанского генерал-губернаторства. Объяснял он это тем, что если бы такая просьба была сделана в Бухаре, то эмир мог бы заподозрить его в «тайных сношениях с русскими», находящимися в Бухаре¹⁸¹. Все это подтверждает выводы и о том, что Россия не желала накалять обстановку в этом регионе и действовала осторожно, соотнося свои действия с общеевропейской политикой, не желая обострять отношения с Англией. 18 июня посольство покинуло Бухару и двинулось в пределы Туркестанского генерал-губернаторства.

Таким образом, миссия была успешной. Военный историк, современник событий, участник похода на Хиву 1873 г. М.А. Терентьев писал, что посольство

¹⁸⁰ Там же. Л. 64.

¹⁸¹ Об отправлении в Бухару русского посольства под начальством полковника Носовича // ЦГАРУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 76. Л. 87, 87 об.

Носовича подтвердило поддержку России бухарскому эмиру Сейид-Музаффару¹⁸². Понимая менталитет «азиатцев», Терентьев добавлял, что они уважают силу и чтут только свои собственные договоры. Договоры, заключенные предками, могли потерять силу сразу же после их смерти, поэтому российским властям было выгодно сохранить в первую очередь у власти того, кто сам подписал условия мирного договора 1868 г., а не наследников. Полковник выполнил миссию, не нарушая сложившегося равновесия, укрепил доверие бухарского эмира к туркестанскому генерал-губернатору и России в целом. В рапорте он указывал, что «по последним сведениям..., эмир твердо решил держаться союза с Россией», понимая, что самостоятельная внешняя политика с соседними странами «ускорит окончательное распадение» эмирата¹⁸³.

Стараясь держать в поле зрения соседние государства, местные власти не выпускали из виду и ситуацию в Китае. Еще в марте 1866 г. Г.А. Колпаковский, в «Журнале о положении дел и в военных событиях на Китайской границе и в сопредельных с Семиреченской областью землях»¹⁸⁴ предупреждал российские власти о возможных массовых миграциях «калмыков», «дунган» из Китая в связи восстанием и беспорядками в Восточном Туркестане. А в 1868 г. последовал рапорт¹⁸⁵ начальника штаба Туркестанского военного округа военному министру «о враждебных замыслах правителей Йеттишара», самопровозглашенного государства в китайском Туркестане в отношении России. Подобная корреспонденция в это время была частым явлением.

В 1873 г. 28 сентября туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом и бухарским эмиром Сейид-Музаффаром был подписан Шаарский договор. Кроме статей, регулирующих торговые дела между бухарскими и российскими купцами, были статьи (ст. 15, 16), которые определяли права сторон иметь в

¹⁸² Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. С. 46.

¹⁸³ Об отправлении в Бухару русского посольства под начальством полковника Носовича // ЦГРАУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 76. Л. 95.

¹⁸⁴ Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX–начале XX в.: Документы и извлечения. Барнаул, 2014. С. 158.

¹⁸⁵ Там же. С. 172.

Ташкенте и Бухаре своих доверенных лиц¹⁸⁶. Но бухарская сторона не воспользовалась этим правом. В письме начальника Зерафшанского округа (с 1 января 1887 г. – Самаркандская область) генерала Н.А. Иванова Кауфману от 31 августа 1877 г. говорилось о желательности иметь в столице округа городе Самарканде постоянного бухарского агента. 7 сентября того же года Кауфманом было получено письмо от своего чиновника под дипломатическим делам статского советника П.И. Вейнберга, в котором последний выражал несогласие с планами Иванова. Советник, во-первых, утверждал, что эмир по-прежнему предан генерал-губернатору, во-вторых, отсутствие бухарского представителя в Туркестане связано, по мнению Вейнберга, с «врожденной бухарцам нерадивостью и ленью»¹⁸⁷. В-третьих, по мнению Вейнберга, нахождение бухарского политического агента не в столице генерал-губернаторства, а во второстепенном городе, каковым являлся Самарканд, могло бы «обидеть» эмира, так как кокандский Худояр-хан в течение семи лет пользовался правом иметь своего агента в самом Ташкенте. В-четвертых, статский советник замечал, что нахождение бухарского политического агентства в Самарканде позволит начальнику Зерафшанского округа генералу Иванову «...практиковать и в отношении к Бухаре ту же привычную ему систему, что может повести к разного рода недоразумениям и неприятностям»¹⁸⁸. В-пятых, Вейнберг утверждал, что главное неудобство самаркандского агентства – это «раздвоение в глазах бухарцев власти в Туркестане», иными словами, могло создаться впечатление о двоевластии в крае, а это, на наш взгляд, в будущем могло вылиться в неподчинение эмирата туркестанским властям.

Шаарский договор 1873-го г. дополнил прежний, заключенный между эмиром и генерал-губернатором 23 июня 1868 г. Напомним, что согласно договору 1868 г., среди прочего, бухарский эмир обязывался выплачивать контрибуцию в размере 500 тысяч рублей. Вопрос о контрибуции был включен и

¹⁸⁶ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 138.

¹⁸⁷ Письма начальника Зерафшанского округа и дипломатического чиновника по вопросу об учреждении Бухарского агентства в Самарканде // ЦГРАУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 205. Л. 4 об.

¹⁸⁸ Там же. Л. 5 об.

в текст Гендемианского мирного договора с Хивой от 12 августа 1873 г. Размер контрибуции составлял 2 200 000 руб. График выплат был рассчитан на 20 лет, до 1893 г.¹⁸⁹. Так как военные действия несли для российской стороны большие расходы, ежегодная контрибуция с поверженных должна была восполнить эту брешь в бюджете. При полном присоединении указанных государств к России налогами собрать эти деньги было бы не возможно, не настроив против себя местное население. Этим проблем удалось избежать, возложив фискальную работу на самих местных правителей. Кроме того, при полном вхождении регионов в состав империи, российское правительство возлагало бы на себя ответственность по полному созданию и устройству всей системы государственного управления, а также несло бы ответственность за социально-экономическую политику в Бухаре и Хиве, что требовало немалых затрат.

Необходимо отметить, что полунезависимые ханства могли сыграть роль защитного пояса от влияния Англии из своих колоний в Индии и подчиненного ей Афганистана, а границы России и Англии были отдалены и не соприкасались. Английская пресса, пугавшая читателей российской угрозой в Индии, в свою очередь, должна была успокоиться тем фактом, что Россия в своем продвижении остановилась на указанных государствах, сохранив им автономию.

Независимость региона (хотя и частичная) сыграла на руку и экономическим интересам России. «Мастерская мира» Англия уже не могла свободно ввозить в Среднюю Азию свои товары, хивинский хан и бухарский эмир были лишены права вести внешнюю политику и не могли подписывать торговых договоров, и, как следствие, не могли гарантировать не только соблюдения прав английских агентов и купцов, но и их жизни. Таким образом, Средняя Азия становилась «собственным» рынком сбыта для российской промышленной продукции, где не было конкурентов. Такие привилегии были только у российских торговых людей и промышленников, которые сохраняли их вплоть до крушения империи.

¹⁸⁹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 133.

Особую роль играла конфессиональная политика на национальных окраинах, поскольку кроме обычной массы верующих здесь имелись различные религиозные объединения, ведущие активную деятельность. Религиозная политика в отношении мусульман Центральной Азии была формализована Временными положениями об управлении Западно-Сибирским, Оренбургским и Туркестанским генерал-губернаторствами 1867–1868 гг.¹⁹⁰, позднее – Положением об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей. Последнее было более демократичным и меньше регламентировало жизнь мусульман. Но, по-прежнему, сохранялся надзор за избранием мулл со стороны генерал-губернаторов.

От обращения восточных народов в христианство российские власти отказались. Другого выхода у властей быть не могло. В середине XIX в. туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман писал по этому поводу «...Мировоззрение у них мусульманское и... трогать их верование безнаказанно нельзя, как у настоящих, истых мусульман»¹⁹¹. Но необходимо указать на то, что в то же время государство понимало и поощряло переход населения имперских окраин в христианство, в частности в православие. Так в марте 1861 г. командующий войсками Западносибирского военного округа подал рапорт на имя военного министра, в котором, ссылаясь на командующего войсками Семиреченской области, докладывал о желании 1037 китайских эмигрантов «из кара-калмыков и даур-солонгов» перейти в российское подданство. В том же документе говорилось об их стремлении в православную веру. Это значит, что они не воспринимали православие и Российское государство враждебными себе. В целях поощрения для этой группы населения было дано распоряжение о выделении им необходимых участков для земледелия. Кроме того, от центрального правительства было получено разрешение о выделении 970 рублей

¹⁹⁰ Лысенко Ю. А. Развитие исламского общественного движения в Казахстане в начале XX в. и позиция региональных органов власти // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2013. № 4 (80). С. 32.

¹⁹¹ Генерал-адъютант Константин Петрович Кауфман как устроитель Туркестанского края (1867–1882). Ташкент, 1913. С. 79.

на 1868 г. для «содержания священника и учителя школы для китайских переселенцев»¹⁹².

Миссионерская деятельность православных священников в этом регионе была малоэффективной. Но важно другое, миссионерская деятельность заложила основы двустороннего диалога между двумя религиями. Кроме того, правительство, теперь уже понимая важность религиозного вопроса, более внимательно стало относиться к исламу, так как с присоединением в XIX в. Туркестана, не считаться с мусульманским населением и их мировоззрением было нельзя. Принципы исламской политики, заложенные вышеназванными положениями, сохранялись и конфессиональный курс правительства оставался неизменным вплоть до 1917 г.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. привела к осложнению геополитической ситуации и заставила задуматься о потенциальном конфликте с Великобританией как союзницей Османской империи. Войска в Туркестане получили подкрепление из Западной Сибири и Оренбургского округа. На этом фоне активизировалась дискуссия об оптимизации военного управления в Семипалатинской области: удобно ли оно «со стороны Западной Сибири» или из Ташкента? Автор аргументированной аналитической записки подполковник В.С. Проценко ставил вопрос о выгоде искусственного создания центров военного управления «там, где для них нет благоприятных условий»¹⁹³.

Осложнилась ситуация на китайском направлении. В феврале 1880 г. китайское правительство, недовольное договором 1879 г. об уступке Кульджи, проявляло опасные признаки. В Туркестанском крае был усилен военный потенциал на восточной границе, особенно в Кульджинском районе. Одновременно в Кашгар был направлен отряд из войск Ферганской области. Кашгарский поход стал одним из наиболее сложных походов российских войск

¹⁹² Рапорт командующего войсками Западно-Сибирского военного округа о желании 1037 человек китайских эмигрантов, кара-калпаков и др. перейти в русское подданство // ЦГАРУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 17. Л. 3.

¹⁹³ Записка подполковника Проценко «О неудобстве соединения Семипалатинской области с Туркестанской в один военный округ (копия) // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 695. Л. 7–8.

через ряд укреплений к урочищу Иркештам. Во время похода китайцы не проявляли активности, поэтому ситуация разрешилась дипломатически.

В 1884 г. туркменские районы были завоеваны к Российской империи, что завершило процесс присоединения Центральной Азии к России. В 1890-е гг. решалась задача присоединения Памира к России.

После присоединения Туркестанского края, на протяжении нескольких десятилетий он был оторван от внутренних губерний, поскольку пути сообщений не развивались. Поэтому правительство стремилось связать окраины с империей таким образом, чтобы местное население было довольно российскими властями на местах. В подобной тональности проводились и все земельные и фискальные мероприятия. «Колониальное правительство стремилось на деле доказать местному населению, что русское владычество для него не только не обременительно, но даже выгодно, и что для каких-либо мыслей об утрате независимости нет оснований»¹⁹⁴.

Л.И. Шерстова выделила особенность положения зависимых народов по евразийской политической традиции, когда власти оказывали минимальное вмешательство во внутренние дела населения, но в то же время в экономическом и политическом плане зависимые этнические группы были в полном подчинении. На базе этого принципа в 1822 г. был составлен «Устав об управлении инородцев». «Начиная с XVIII в. в образованных слоях как европейского, так и русского общества был эволюционизм, теоретически оправдывавший обязательное вмешательство европейцев в жизнь “примитивных” народов, т.е. политику колониализма. Однако в «Уставе об управлении инородцев» закреплялись права аборигенов на земли, «ими обитаемые», на создание собственных органов самоуправления»¹⁹⁵.

¹⁹⁴ Мамадалиев И. А. Экономический кризис как фактор социальной дестабилизации: Туркестан в конце XIX начале XX века // Вестн. Таджик. гос. ун-та права, бизнеса и политики. 2013. № 2 (54). С. 83.

¹⁹⁵ Шерстова Л. И. Евразийские константы в картине мира народов Северной Азии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 422. С. 193.

За управление краем шла борьба между МВД и Военным министерством. Последнее пыталось активно использовать конфессиональный фактор¹⁹⁶. Однако, как отмечает П.П. Литвинов, это успеха не имело, так как «этому противодействовали объективные обстоятельства специфики многих условий региона, развивавшихся более успешно при “военно-административной” системе»¹⁹⁷.

Следует отметить, что все ключевые посты в администрации края занимали русские чиновники, тогда как местным кадрам, как правило, не имеющим образования и политически неблагонадежным, отводилась второстепенная роль исполнителей. Русская администрация широко привлекала к реализации своей политики местных жителей на низшие административные должности в подчинении русским офицерам. Для придания легитимности «местной» части администрации, она формально избиралась населением на три года с утверждением русской администрацией. Так обеспечивалась легитимация нижнего (исполнительского) эшелона власти, что давало возможность именовать такую власть «военно-народной»¹⁹⁸.

В новейших исследованиях показано, что содержание местных представителей администрации целиком ложилось на население, что питало коррупцию. В итоге в Туркестане сохранялись обычаи традиционного общества, так как колониальная администрация не стремилась «вовлечь» местное население

¹⁹⁶ Ремнев А.В. Самодержавное правительство XIX – начала XX столетия: править и управлять // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. кн. 3, ч. 2. С. 103. (По оценке А. В. Ремнева, министры, получившие во многом бесконтрольную личную власть, создавали ситуацию, угрожавшую самостоятельности главы государства. Автор цитирует М.М. Сперанского, который описывал как кабинет государя «от утра до глубокой ночи» «облежали министры, все, работая без общего плана и идя в разные стороны», «представляя вместо дел частные подробности, развлекут, рассыпят его внимание и, исчисляя дела количеством бумаг, может быть, захотят уверить его, что судьба царства Российского зависит от передачи дел из одних рук в другие, потщатся уверить его, что не они делают все наилучшим образом, но и что делать сего иначе невозможно». В этой связи полученное одним министром монаршее одобрение могло быть оспорено другим и также подтверждено императорским согласием).

¹⁹⁷ Литвинов П. П. Органы департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам). Елец, 2007. С. 183.

¹⁹⁸ Абдурахманова Н. А., Рустамова Г. К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX–I четверти XX вв. Ташкент, 1999. С. 19–21.

в местные политические процессы. Частичное внедрение прогрессивного института выборов, никак не повлияло на «политическую жизнь» территории¹⁹⁹.

Волков И.Б., ссылаясь на церковное издание «Православный благовестник»²⁰⁰, в своей статье делает вывод, что наиболее эффективным методом управления считалось проведение политики русификации и постепенной аккультурации. «Этот процесс был рассчитан на длительный период и должен был проводиться постепенно – через принятие мусульманами системы ценностей, разделяемых и поддерживаемых православным населением России. При этом данный процесс не осуществлялся насильно»²⁰¹.

Выше мы указывали на инициативный характер действий российских военачальников. Помимо военных успехов, он, однако, порождал и значительные трудности. Экспедиции в Центральной Азии слабо или совсем не финансировались военным ведомством, острый недостаток в деньгах ощущался постоянно.

Генерал Д.И. Романовский вспоминал, что когда он прибыл в отряд, то «не нашел положительно никаких сумм» и должен был на все неотложные военные расходы тратить сначала свои деньги, а когда они закончились, – занятые у флигель-адъютанта графа И.И. Воронцова-Дашкова. В части укреплений в дело шли, в том числе и суммы частных переводов²⁰².

12 января 1866 г. М.Г. Черняев доносил о том, что «довольствие провиантом батальон найдет на месте», однако, деньги и остальное довольствие, а также жалованье генерал просил все же отпустить, напоминая, что в край пришли «два батальона совершенно без копейки». На финансы Туркестанской области надежды не было, так как они находились «в положении более, нежели

¹⁹⁹ Алимджанов Б. А., Жакпаров Ж. И. Русский Туркестан – неудачная попытка внедрения новых политических форм? // Молодой ученый. 2018. № 20. С. 358–360.

²⁰⁰ Православный благовестник. 1895. № 2.

²⁰¹ Волков И. В. Миссионерство и государственно-религиозные отношения в Туркестане // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2009. № 4. С. 206.

²⁰² Романовский Д. И. Указ. соч. С. 49, 51.

отчаянном»²⁰³. При этом постоянные прошения, заявления М.Г. Черняева на выделение финансирования оставались без последствий²⁰⁴.

Обратим внимание, что после денежной реформы Е.Ф. Канкрин (кстати, военного финансиста) в России была унифицирована денежная система и устранены разные и сложные (в зависимости от территории, вида и суммы платежа, вида платежных средств и т.п.) курсы рубля металлического к рублю кредитному (бумажному). В Туркестане армия покупала фураж и продовольствие у населения и маркитантов (мелких торговцев провиантом) за рубли, рассчитываясь кредитными билетами, а когда их (как правило) не было – расписками командующего. В сложившейся ситуации, когда войска недофинансировались, а включение новых территорий в финансовую систему ещё не планировалось, военные фуражиры сильно задолжали за купленный в долг провиант и фураж. М.Г. Черняев с тревогой отмечал: вследствие того, что «платить нечем, наш кредит в стране подорван, и моим распискам уже не верят... При таком состоянии нашего кредита бумажные деньги, до его поднятия, в употребление здесь войти не могут». Далее он просил «о присылке денег на все следующее довольствие... не иначе как монетой»²⁰⁵. По сути, это возрождало лажи и нарушало принципы денежного обращения, но иного пути не было. Разрешение вопроса М.Г. Черняев считал условием «поддержания чести и достоинства России в Средней Азии».

Масштаб присоединяемых территорий требовал значительного числа управленцев, которых также взять было неоткуда. Когда весной 1865 г. генерал Д.И. Романовский прибыл к месту службы, то обнаружил «чрезмерный

²⁰³ Там же. С. 170.

²⁰⁴ Правительство не предполагало «заложить в бюджет» взятие Ташкента, соответственно, как отмечает Д.И. Романовский «на предприятие это... никакой ассигновки сделано не было». В этой ситуации местное военное и финансовое начальство направляло на военные расходы, включая фортификацию, строительство казарм, лазаретов и т.п. суммы, ассигнованные на иные цели, что неизбежно породило «запутанность в денежных счетах». Кроме того, нарастающее число военных и гражданских служащих в области быстро вышло за пределы ранее утвержденных штатов, которые в свое время определялись по границам области в пределах Чимкента и по соответствующему личному составу. Интендантские документы требовали прохождения обязательных процедур, что занимало время. Сложность финансирования определялась и отсутствием «верных отчетов о произведенных расходах», вследствие чего было сложно «делать ассигновки на их покрытие». Пока эти отчеты составляли, новые военные действия, а также неизбежные в таких случаях непредвиденные расходы приводили их в негодность, а войскам приходилось выдавать деньги «из первых попадавшихся сумм».

²⁰⁵ Цит. по: Львов И. Указ. соч. С. 169.

недостаток лиц по гражданскому управлению краем». Минимальный штат из 18 должностей был заполнен лишь по восьми, только пять из которых были окончательно назначены и успели ознакомиться с делами²⁰⁶.

Подводя итоги, отметим, что идеология российской военной экспансии в Туркестан базировалась на общеевропейском представлении о цивилизаторской миссии и отсталости азиатских народов, а любые военные экспедиции рассматривались не как аннексия, а как естественная функция цивилизованной страны. Таким образом, в 1860-е гг. значительная часть региона была присоединена к России. При этом реализовывались разные модели управления приобретенными территориями. Прекратило существование Кокандское ханство, Ташкент вошел в состав России, а Бухара и Хива, стали протекторатами. Нельзя сказать, чтобы их потенциал мог укрепить российское присутствие в регионе. Бухарская армия никак не могла усилить российский контингент, так как при столкновении с англичанами, что всегда в то время принималось во внимание в первую очередь, на неё нельзя было надеяться, так как она могла занять любую сторону. Вариант о введении в бухарской армии новой российской пореформенной «правильной организации» вербовку солдат пришлось бы заменить на всеобщую повинность, что противоречило духу и традициям коренного населения и если бы Россия предприняла такую попытку, это бы восстановило против русских коренное население²⁰⁷.

На территории Центральной Азии в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с административным центром в Ташкенте. Его политико-административное деление не учитывало этнических границ и экономических связей. Хозяйственная интеграция фактически не предусматривалась, для азиатов действовали барьеры входа на внутренний российский рынок, хотя формально внутренние таможи были отменены ещё в 1754 г.

Российская экспансия в Туркестане была вызвана к жизни личной инициативой М.Г. Черняева, М.Д. Скобелева и других военачальников,

²⁰⁶ Романовский М. Д. Указ. соч. С. 171.

²⁰⁷ Секретная переписка по разным предметам // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1396. Оп. 2. Д. 140. Л. 48–49.

присоединявших территории «на свою личную ответственность», без формальной санкции Петербурга.

В 1890-е гг. формирование российского Туркестана было завершено, но местные обычаи традиционного общества преодолевались слабо, так как колониальная администрация не стремилась «вовлечь» местное население в политические процессы. Таким образом, цивилизаторская функция в освоении новых территорий не превалировала, доминировали функция обеспечения безопасности и геополитические интересы.

1.3 Туркестан в условиях расширения российской цивилизации

Редкий топоним вызывает в современном географическом, историческом и геополитическом дискурсе столько споров, сколько «Туркестан», имеющий не одно и не два значения, в пользу которых сторонники приводят веские аргументы²⁰⁸. В научном дискурсе «обращаются» «Туркестан», «Русский Туркестан», «Туркестанский край», «Западный Туркестан» и др. Острая политическая дискуссия идет вокруг понятия «Восточный Туркестан», появившегося в литературе в начале XIX в. Современные споры связаны с его отнесением только лишь к Синьцзян-Уйгурскому автономному району (СУАР²⁰⁹) и/или Кашгарии²¹⁰. В современном Китае за «Восточным Туркестаном» признают лишь территорию уйгурских сепаратистов, считающихся экстремистами. Таким образом, это понятие официально признано не географическим, а политическим, введенным «старыми колонизаторами» для «расчленения Китая»²¹¹. С середины 2000-х гг. действует Уйгурский национальный конгресс, а в Вашингтоне –

²⁰⁸ Джандосова З. А. Десять Туркестанов: разные значения одного топонима // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Алматы, 2014. С. 56–65.

²⁰⁹ СУАР является крупнейшей административной единицей КНР площадью 1,3 млн. кв. км, это почти шестая часть всей территории страны. Кроме того, регион граничит с семью государствами, в том числе и Россией.

²¹⁰ Крючкова К. С. О содержании понятия «Восточный Туркестан» и топонима Синьцзян // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. 2005. № 4. С. 97–100.

²¹¹ Там же. С. 99.

Правительство Республики Восточный Туркестан в изгнании²¹². Таким образом, топонимы, производные от «Туркестан» имеют весьма актуальное политическое наполнение, что делает их актуальными для исследования.

Современные таджикские исследователи, анализируя финансовые вопросы, связанные с окраинами Российской империи, указывают, что им «приходится употреблять сконструированный военно-политический термин “Туркестан”, “Русский Туркестан” в противовес таким историческим названиям, как “Вароруд” или “Мавераннахр”»²¹³.

Исторический топоним «Туркестан» в значении «страны тюрков», встречается в арабских и персидских документах начиная с VII в. н. э. как наименование макрорегиона Мавераннахр, лежащего севернее и восточнее междуречья Амударьи и Сырдарьи. Актуальность обсуждения генезиса развития названия «Туркестан» в новейших геополитических исследованиях объясняется потребностью ухода от конкуренции географических и политических терминов. В данном случае, исторический топоним «Туркестан» способен заменить спорный топоним «Центральная Азия» и весьма громоздкий – «Казахстан и Средняя Азия». В пользу «Туркестана» говорят его прочные исторические корни, четкость идентификации территории и удобство употребления²¹⁴. При этом важно подчеркнуть, что Туркестан никогда не обозначал мононациональное государство, а лишь – территорию, населенную тюркскими народами.

Истоки происхождения топонима «Туркестан» являются предметом обсуждения в исторической топонимике России и стран Центральной Азии. До переселения в регион тюркских племён, восточные иранцы называли регион междуречья Амударьи и Сырдарьи – Туран. В архаичных сасанидских источниках встречается наименование Турестан (страна туров). Тюркские народы

²¹² Шихор И. «Шагая на двух ногах»: организации уйгурской диаспоры и перспективы независимости Восточного Туркестана // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №. 6 (54). С. 136–145.

²¹³ Мамадалиев И. А., Махмудова Н. С. «Русский Туркестан» цена окраин для имперского бюджета // Учен. зап. Худжанд. гос. ун-та им. академика Б. Гафурова. Сер. гуманитарно-общественных наук. 2013. № 4 (37). С. 180–191.

²¹⁴ Шибутов М. О возрождении термина «Туркестан». Пора уйти от конкуренции географических и политических терминов [Электронный ресурс] // REGNUM: информ. агенство. Электрон. дан. [Б. м.], 199-2018. URL: <https://regnum.ru/news/2429990.html>, (дата обращения: 26.07.2018).

модернизировали название региона в «Туркестан», который географически существенно расширил прежний Туран. Также территория Туркестана идентифицируется с территорией Тюркского каганата²¹⁵.

В российской литературе рубежа XIX–XX вв. понятия Туркестан и Туран чаще всего использовались как синонимы и подразумевали «обширную страну», расположенную в Западно-Центральных частях Евразии, населенную тюркскими народами. Географически эта территория определялась:

- от р. Урал и Каспийского моря на Запад
- до Алтая и границы с Китаем на Восток;
- от Персии (совр. Ирана) и Афганистана на Юг;
- до Тобольской (совр. Тюменская обл.) и Томской губерний на Север.

Таким образом, Туркестан как обширная «страна», занимал площадь до третьей части Европы). Региональное деление было условным – так, Северная, преимущественно степная часть именовалась «Киргизская степь» (в составе Степного генерал-губернаторства). Южная часть, считалась собственно Туркестаном²¹⁶.

Многие темы, связанные, в том числе и с современным развитием России, по образному выражению Л.И. Шерстовой, «упираются в вопрос, поставленный» в XIX в., когда часть русской элиты стала рассуждать о природе нашего государства и общества. Дискуссия между славянофилами и западниками хотя и выявила разницу во взглядах, так и не дала «ответа на вопрос о сущности Российского государства, представляя его, то частью “просвещенной” Европы, то частью “дикой” Азии»²¹⁷.

Под «Русским Туркестаном» принято понимать территории Центральной Азии без территорий Бухарского эмирата и Хивинского ханства, так как они формально являлись самостоятельными²¹⁸.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1901. Т. 67. С. 174.

²¹⁷ Шерстова Л. И. Евразийские константы в картине мира народов Северной Азии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 422. С. 191.

²¹⁸ Литвинов П. П. История деятельности царской власти по применению административной ссылки в Русском Туркестане в 1865–феврале 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Елец, 2004. С. 19.

Российская геополитика в конце XIX – начале XX вв. была занята проблемой теоретического осмысления развития российского государства и выработки его основных стратегических принципов с учетом географических особенностей евразийского пространства. Туркестан, ставший в XIX в. объектом активной колониальной экспансии Российской империи, привлекал особое внимание.

Н.Я. Данилевский, на базе анализа обширного исторического материала, провел сравнительно-исторические параллели между европейской «агрессивной» (и «угасающей») и «славянской» (русской) цивилизациями. Данилевский полагал, что именно вторая в форме «всеславянского союза» сменит западно-европейскую цивилизацию²¹⁹. Его главная идея – обоснование «Славянского союза» с центром в Константинополе и под эгидой России, как закономерный итог исторического, культурно-духовного и военно-политического развития русского и других славянских и неславянских народов. Рассуждая о природе русского государства, Н.Я. Данилевский отмечал в числе его отличительных черт «неудержимое расширение во все стороны... и уподобление себе включенных в ее государственные границы инородческих поселений»²²⁰. В этом смысле Сибирь он рассматривал не как колонию в европейском смысле, а как продолжение России. Также воспринимается и Туркестан, который должен был с течением времени быть заселен и экономически освоен. Здесь следует учесть, что к Турции и мусульманам («магометанам») отношение Н.Я. Данилевского было враждебным, а тюркские («татарские») народы он считал «дикими племенами»²²¹.

При анализе геополитического положения России, Н.Я. Данилевский особое внимание уделял преимуществам обладания Черным морем и районом Босфора-Константинополя-Дарданелл. Отмечая изолированность Аральского моря и его геополитическую бесполезность («...ровно никуда не годится»), автор предлагает

²¹⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. 2-е изд. М., 2011. С. 582.

²²⁰ Там же. С. 583.

²²¹ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 378–379, 445.

«было бы даже полезнее его высушить, направив впадающие в него Дарьи в Каспийское море»²²².

Идеи Данилевского развил К.Н. Леонтьев, также сторонник теории культурно-исторических типов, соответственно считавший, что у России и восточного христианства (православия) свой особый путь развития. Он разделял и идею противостояния России и Европы и верил в фундаментальные основы России: монархическое государство, сильную православную церковь и самобытную русскую культуру. В то же время, некоторые идеи своего учителя – Н.Я. Данилевского – он критиковал, со скепсисом относясь к идеям славянофильства и «Всеславянского союза». Чтобы успешно противостоять романо-германской Европе, в отличие от Н.Я. Данилевского, необходимо: «вера в дальнейшее и новое развитие византийского (Восточного) христианства (Православия), в плодотворность туранской примеси в нашу русскую кровь...»²²³. Таким образом, К.Н. Леонтьев, в борьбе с либеральным Западом, предлагает опереться на союз с мусульманским Востоком, Индией, Китаем, но главную опору видел в союзе с туранской цивилизацией.

Осознанию места Азии в истории и пути России были посвящены труды Г. В. Вернадского, который в «Начертании русской истории» писал: «Нет *естественных границ* между “Европейской” и “Азиатской” Россией. Следовательно, нет двух России – “Европейской” и “Азиатской”. Есть только одна Россия – Евразийская, или Россия Евразия. Евразия и представляет собою ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу»²²⁴. Ученый последовательно развивает одну мысль – сама географическая среда (автор применяет термин *месторазвитие*) определила особенности исторического развития русского народа и российского государства. Далее Вернадский продолжал развивать свою мысль: «история распространения русского

²²² Там же. С. 454.

²²³ Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского [Электронный ресурс] // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». Электрон. дан. [Б. м.], 2000-20016. URL: <http://www.vehi.net/leontev/soloviev.html> (дата обращения: 28.07.2018).

²²⁴ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М., 2007. С. 4.

государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также и приспособление всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа»²²⁵.

Вернадский считал, что освоение русскими Евразии «это неустранимая внутренняя логика “месторазвития”. В течение длинного ряда веков русский народ стремился освоить себе все пространство Евразии. От карпатско-черноморского (крайнего западного) угла Евразии русский народ стихийно стремился на восток... В середине XVII века поток русской колонизации дошел до Тихого океана, а в середине XIX века – до Тянь-Шаня. В этом движении русский народ обнаружил удивительную настойчивость, упорство и твердость»²²⁶. Однако, по мнению Г.В. Вернадского, долгое время русская история не совпадала с историческим развитием Евразии, изменения проявились только в конце XIX в., когда Российская история слилась с историей Евразии. Проведя исторический экскурс он пришел к выводу, «что вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого “всеевразийского государства”. Попытки эти шли с разных сторон – с востока и запада Евразии. К одной цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-русов»²²⁷. Автор отмечал, что только последние смогли достичь успеха в этой исторической борьбе. Он считал, что именно Российская империя в последней четверти XIX – начале XX вв. наиболее полно претворила в жизнь идею создания евразийского государства.

Некоторое внимание Центральной Азии в своей известной работе «Цивилизация и великие исторические реки» уделял ученый Л.И. Мечников. Им плодотворно развивалась теория «речных цивилизаций», которая выводила обусловленность развития человеческих обществ от условий географической среды. Л.И. Мечникова в большей степени интересовали закономерности возникновения и развития ранних цивилизаций, нежели современные ему общества. Так признавая, что территория между Гиндукушем и Каспийским морем имела свою цивилизацию, которая зародилась вне зависимости от других

²²⁵ Там же. С. 6.

²²⁶ Там же. С. 7.

²²⁷ Там же. С. 8.

четырех великих цивилизаций древности, он сделал существенную оговорку, что «в силу того, что Окс и Яксарт [Амударья и Сырдарья] не имели выхода к настоящему внутреннему морю, соединяющемуся с океаном, их цивилизация смогла влиться в общую сокровищницу человечества только косвенным путем, отдав свои силы и завоевания более мощной цивилизации Месопотамской долины»²²⁸.

Анализу геополитического положения России и места в нем Туркестана уделяли внимание – В.П. Семенов-Тянь-Шанский и А.Е. Вандам. Первый считал, что необходимо поменять представление о России, как разделенную Уралом на Европу и Азию. «Нам более чем кому-либо на свете не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно целое, в противовес доктрине Азия для азиатов»²²⁹. Его геополитической идеей была идея контроля «от моря до моря»²³⁰. Для осуществления данной концепции политический центр государства следовало переместить к истинному географическому центру Российской империи – Уралу – путем создания культурно-экономических «колониционных баз»²³¹. Они должны стать базами ускоренного развития. К четырем уже сформировавшимся таким базам: Галицкой и Киево-Черниговской, Новгородско-Петроградской, Московской и Средневожской необходимо было в азиатской части империи создать четыре аналогичные базы: Уральскую, Алтайскую, Туркестанскую с Семиречьем и Прибайкальскую²³². Таким образом, Семенов-Тянь-Шанский широтную русскую колонизацию признавал естественной и в культурно-экономическом освоении азиатских владений видел залог прочности российской государственности.

Укрепление России «от моря до моря» должно идти «не только с запада на восток, но и с севера на юг»²³³. В работе «Наше положение» он пишет: «Упираясь

²²⁸ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 235.

²²⁹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии // Рождение нации. («Арабские истории»). Вып. 7) / сост. А. И. Куркчи. М., 1996. С. 604.

²³⁰ Василенко И. А. Геополитика современного мира: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2010. С. 200.

²³¹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Указ. соч. С. 606.

²³² Семенов-Тянь-Шанский В. П. Указ. соч. С. 608–609.

²³³ Василенко И. А. Указ. соч. С. 204.

тылом во льды Северного океана, правым флангом в полузакрытое Балтийское море и владения Германии и Австрии, а левым – в малопригодные для плавания части Тихого океана, Россия имеет не три, как это обыкновенно считается у нас, а всего лишь один фронт, обращенный к югу, и простирается он от устья Дуная до Камчатки. Посередине этого фронта лежат пустыни Монголии и Восточного Туркестана, поэтому наше движение на юг должно идти не по всей линии фронта, а флангами, и преимущественно ближайшим к центру правым флангом. Наступая через Черное море и Кавказ к Средиземному морю и через Среднюю Азию к Персидскому заливу, в случае успеха мы сразу же выходили бы на величайший из мировых торговых трактов – так называемый Суэцкий путь»²³⁴. Поэтому Туркестан/Средняя Азия рассматривался Вандамом в качестве важной опорной базы для дальнейшего наступления на Ближний Восток с конечными целями – Суэцкий канал и Персидский залив.

В цивилизационном плане приход России в Среднюю Азию сопровождался превращением новых территорий во внутреннюю окраину империи, что привело к нарушению конфессионального баланса в пользу мусульман, число и пропорция которых резко возросла. Во второй половине XIX в. ислам стал второй по численности верующих российской конфессией. При этом мусульмане Степного и Туркестанского генерал-губернаторств составили 90 % от общего количества мусульман империи.

Российские военные понимали сложность этноконфессионального фактора, и высказывались мнения против административно-территориального соединения регионов, где проживали разные народы (например дунгане и казахи, узбеки)²³⁵.

Ю.А. Лысенко обращает внимание на провал религиозной политики России в отношении ислама в XIX в. Видный ориенталист XIX в. М.А. Миропиев видел в исламизации жителей окраин большую опасность для страны. «Будучи, – писал он, – еще недавно язычниками, киргизы, с легкой руки Императрицы Екатерины II, усердно заботившейся о распространении между ними ислама, в котором она

²³⁴ Вандам А. Е. Наше положение (изд. 1912 г.) // Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 29–30.

²³⁵ Записка подполковника Проценко «О неудобстве соединения Семипалатинской области с Туркестанской в один военный округ (копия) // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 695. Л.7–8.

стремилась видеть переходящую ступень от язычества к христианству, делаются все более и более мусульманами, чему особенно способствуют рьяные пропагандисты ислама – татары с севера и сарты с юга, а также и наша православная Казань, которая посредством своих типографий – университетской и частных, с большой энергией, распространяет мусульманские издания по всей России, в том числе, между киргизами. Грустно и больно видеть, как под русским знаменем и даже при помощи его, в Киргизской языческой степи насаждается ислам, а не православное христианство»²³⁶.

Лишь во второй половине XIX в. правительственный курс в религиозной политике был скорректирован в сторону ограничения влияния и распространения ислама из-за опасения его радикализации и роста этнического самосознания мусульманских народов²³⁷, а значит и сепаратизма.

Итак, нахождение в составе России, для новых народов, с одной стороны, вело к некоторому сокращению (в Туркестане в меньшей степени, чем в Сибири) этнической территории, вызванному русской миграцией и развитием производства, что, в то же время, усиливало консолидационные процессы, стирая прежние культурные различия между местными народностями. С другой стороны, как отмечает Л.И. Шерстова, минимальное вмешательство российской власти во внутренние дела способствовало сохранению культурного наследия и определяло этническое своеобразие населения²³⁸.

1.4 Военно-политические факторы присоединения Западного Туркестана к Российской империи

Современная геополитическая теория представляет *экспансию* одним из важнейших направлений развития государства и общества. Отношения экспансии,

²³⁶ Цит. по: Лысенко Ю. А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII–начало XX в.) // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2010. №4–3 (68). С. 73.

²³⁷ Там же. С. 75.

²³⁸ Шерстова Л. И. Этническая консолидация или конструирование: проблема генезиса традиционных культур // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 402. С. 179.

как форма властных отношений, являются базовым элементом взаимодействия субъектов международной жизни – государств.

Применительно к теме нашего исследования, как это сделано в разделе 1.1, государства, участники геополитических процессов в Центральной Азии XIX в. были поделены на акторов экспансии (Россия²³⁹, Китай, Британия) и ее объекты (государства Центральной Азии). В данном разделе остановимся на внешней военной экспансии России в Центральной Азии, т.е. на территориальных приобретениях, а также на распространении и укреплении российского влияния в регионе.

Традиционным подходом, например, для британского колониализма, был так называемый непрямой контроль, при котором имперский центр (метрополия), определяя внешнюю политику и идеологию, определял непрямыми методами внутреннюю политику своих «союзников», марионеток и протекторатов. Такой подход минимизировал военное вмешательство. Ситуации, когда империи использовали прямую военную интервенцию для удержания власти, свидетельствовали не столько об «апофеозе их мощи, сколько о провалах политики непрямого контроля»²⁴⁰. Присоединяемые к Российской империи территории Туркестана ранее не находились под влиянием России и не подпадали под такой контроль, для них предполагалось прямое управление.

Таким образом, возможно сосредоточиться на прямой или территориальной экспансии, хотя и косвенная (экспансия влияния) также имела место. Российская территориальная экспансия включала исключительно континентальный вариант, так как присоединялись сопредельные и прилежащие территории и не включала колониальную. Россия, за исключением Аляски, не присоединяла заморские владения.

²³⁹ На примере присоединения Сибири хорошо видно, что экспансия реализуется как на международной арене, так и на внутригосударственном уровне, когда её объектом становится географическая среда. При этом оба уровня экспансии (внешний и внутренний) тесно взаимосвязаны. Так, плохо освоенные и, соответственно, незащищенные территории одного государства, как свидетельствует исторический опыт, становятся объектом притязаний соседей.

²⁴⁰ Миллер А. И. Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука: Современные империи: сб. науч. тр. / ред. и сост. А. И. Миллер. М., 2004. С. 9.

Экспансия влияния в российском варианте в Туркестане имела в основном военно-политическую составляющую, ее дополняли экономическая и идеологическая. Российская военная экспансия в Туркестане не ограничивалась завоеванием территории, а включала целый комплекс процессов и явлений: административное присоединение территорий, их хозяйственное освоение, переселение, создание буферных зон и «поясов безопасности», расширение сфер влияния, поддержание марионеточных режимов, экспорт системы ценностей, религии и идеологии.

В 1860–1870-е гг. внимание правительства и русского образованного общества было сосредоточено на Балканах и Черноморских проливах. Военные мероприятия на других направлениях нередко рассматривались как ненужное распыление средств, но в то же время формировали у значительной массы населения убеждение в необходимости цивилизаторской миссии в Туркестане.

Информация о военных действиях в Туркестане доходила до общества не прямыми путями, поскольку военное ведомство не выпускало пресс-релизов, не проводило пресс-конференций и не имело своего официального печатного органа. Цензурный комитет не одобрял журналистскую инициативу, как и проявления мемуаристики участников военных действий в регионе. Циркуляр Главного управления по делам печати от 18 декабря 1885 г. ориентировал органы печати на перепечатку материалов из «Русского инвалида», позиция которого считалась официальной²⁴¹.

Конец XIX в. в истории присоединения и вхождения в состав России земель Центральноазиатского региона был отмечен занятием российскими войсками Памира. Активность Великобритании в регионе в 1890-е гг. могла помешать интересам Российской империи. В целях доказательства местному населению и соседним странам Азии, что территория Памира по российско-английскому договору 1872–1873 гг. является частью России, было принято решение о

²⁴¹ Алексеенко В. Н. Освещение вопроса вхождения Средней Азии и Казахстана в состав России на страницах журнала «Русский вестник» // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985. С. 5–28.

направлении на Памир рекогносцировочного отряда, которые дислоцировались до этого в Ферганской области, под командованием полковника М.Е. Ионова.

Задача первой группы отряда заключалась в движении к Мазар-Баб-Дабо, севернее перевала Кизил-Арт. Оттуда его путь лежал на Памир к верхнему течению реки Ак-Байтал. Вторая группа отряда, пройдя вдоль пограничной линии, должна была обследовать местность по обе примыкающую к перевалу Уз-Базель и пройти в высокогорье и далее отправиться к озеру Кара-Куль. Параллельно отдельным отрядам была поставлена задача изучить местность в горах в районах рек Ак-Байтал, Пшарт, Мургаб.

Данная рекогносцировка открыла новый, более удобный и короткий перевал через Гиндукуш, позволявший переходить из Туркестана в Индию. Кроме того, была пресечена деятельность китайских, афганских и английских эмиссаров и разведчиков на Памире, как части российских владений, а также произведена съемка дорог и троп, не известных российским войскам.

Сразу же после возвращения рекогносцировочного отряда на зимние квартиры в Ферганскую долину, афганцы, китайцы снова вторглись в урочище Сумэ. Дабы закрепить за Россией право на часть Памира, которая досталась как наследие от Кокандского ханства, российские власти приняли меры – российские посты должны были нести дозорную службу в этом районе.

Главному памирскому отряду было дано задание: заявить перед соседними странами право Российской империи на Памир и восстановить суверенные права России на данном участке границы, перешедший в наследство от кокандских ханов, по линии: хребет Сары-Коль – река Пяндж. В Памирском отряде состояли «2-й Туркестанский линейный батальон, охотничьи команды усиленного состава от 4-го, 7-го, 15-го, 16-го, 18-го и 20-го линейных батальонов, три сотни 6-го Оренбургского казачьего полка с его штабом и четыре орудия Туркестанской конно-горной батареи. Общее начальство над отрядом принял командир 2-го линейного батальона полковник М.Е. Ионов»²⁴².

²⁴² Ионов М. Е. // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого. СПб., 1913. Т. 5. С. 141.

Отметим, что туземное население Памира было довольно прихотливо к российским подразделениям, видя в них защитника от грабежей и издевательств со стороны афганцев. Не довольствуясь поборами с коренных жителей, афганские военные, дислоцировавшиеся в этой местности, не гнушались открыто насиловать женщин и девушек, а юношей отбирали и отправляли в Афганистан на службу в войска. Любое неповиновение могло повлечь самое жестокое наказание со стороны афганцев.

В небольших по масштабам боях афганские сторожевые посты были разбиты. А в 1892 г. российские войска закрепились на Памире. Пребывание российских вооруженных сил в этом районе, имевшее временный характер, не могло обеспечить полного обладания этим краем. После ухода русских войска, Памир был снова занят китайскими и афганскими отрядами.

Для закрепления за Россией Памира из вышеназванного Памирского отряда была сформирована рота в 160 человек, один взвод конно-горных орудий и команда казаков численностью 44 человек. Самостоятельный отряд составили части под командованием капитана генерального штаба М.К. Кузнецова. Отряд, пребывая на Памире, должен был защищать интересы России в этом районе и охранять местное население от грабежей со стороны китайских и афганских соседей.

Урочище Ша-Джан на берегу р. Мургаб было выбрано местом дислокации данного отряда. Это место обладало преимуществом, а именно, тут находилась наиболее удобная переправа через реку, кроме того, тут располагался перекресток дорог, ведущих к китайскому Таш-Кургану, в Шугнан и Вахан, к озеру Большой Кара-Куль и далее в Алайскую долину.

Трудные условия на Памире, в которых приходилось нести службу, требовало постоянного увеличения количества российских военных подразделений. Осложнялось это еще и тем, что на большом горном пространстве российские посты были разбросаны далеко друг от друга. Поэтому от руководства Туркестанского генерал-губернаторства требовалось увеличивать количество

подразделений, «их своевременную замену и материально-техническое обеспечение, что и производилось систематически и постоянно»²⁴³.

Считаем, что присоединение Туркестанского края и создание на этой территории генерал-губернаторства, содержало в себе колониальные черты. Во-первых, это особый правовой статус края; во-вторых, географическая отдаленность от центра страны; в-третьих, этно-культурные отличия жителей от остальной части империи; в-четвертых, существовавшие государственные образования после военных действий были лишены политической независимости и превращены в российские протектораты. В то же время, процесс присоединения отличался от вооруженного завоевания Африки, Азии европейскими странами. Покоренные европейскими государствами Индия, Индокитай, Северная Африка и другие для промышленно развитой Европы играли роль рынков сбыта, использовались и как источники сырья. Также, указанные регионы территориально не составляли одного целого с метрополиями. Отличным в завоевании Россией Центральной Азии было то, что этот регион территориально слился с основной частью страны и стал составной частью российского государства.

В итоге, после присоединения Центральной Азии здесь было покончено с феодальной раздробленностью, прекратились междоусобные войны, которые разоряли местное население. Даже в полузависимых Хивинском ханстве и Бухарском эмирате были ликвидированы внутренние столкновения в социальных верхах, сопровождавшиеся большим количеством погибших. Внутривнутриполитическая стабильность даже при сохранении феодализма способствовала сохранению и развитию производительных сил от уничтожения и дала региону шанс на мирное развитие.

Процесс покорения Россией Центральной Азии имел свои отличия от методов, используемых европейцами при завоевании восточных стран, народов Африки, и индейцев Нового Света. Хотя не стоит отрицать и неизбежные в любом процессе завоевания факты, когда местное население было объектом и

²⁴³ Соколов В. В. Указ. соч. С.117.

грабежа, и кровавых схваток. Российские военные политики при заключении соглашений с правителями Хивы, Бухары и Коканда требовали контрибуцию не соизмеримо большую, чем мог бы позволить бюджет этих стран для выплаты. Но все-таки, сам процесс завоевания не сопровождался массовым мародерством, грабежами, как в случае завоевания европейцами Азии, Африки, Америки. Касательно Англии, стоит отметить, что она рассматривала Центральную Азию как плацдарм в возможном противостоянии с Российской империей. В силу отдаленности Центральной Азии от Англии, от морских путей, эта страна не смогла бы развивать среднеазиатскую экономику в случае захвата.

Кроме того, расширение английского влияния в регионе, неизбежно означало бы отвлечение военных сил от жемчужины британской короны – Индии. Именно в этой плоскости ситуацию рассматривали российские администраторы. Так, оренбургский генерал-губернатор, излагая свои соображения об устройстве администрации Туркестанского генерал-губернаторства, прямо писал о необходимости «держать Англию в постоянном страхе за Индию», т.е. поддерживать в макрорегионе геополитическую напряженность²⁴⁴.

Россия, вставшая на путь капитализма, так же как и европейские страны использовала Центральную Азию как источник сырья и рынок сбыта для промышленных товаров. Но в России имеется своя особенность. Как отметил В.В. Шевцов в монографии «Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века)», «в истории России организатором модернизационных процессов всегда выступает государство, преобразующее социальные и экономические отношения, политическую систему, изменяющее международный статус страны и весь облик российской цивилизации»²⁴⁵. В этом проявляется стремление государственно-бюрократического аппарата контролировать процессы, происходящие в стране. На Западе государство, в большей мере, создавало условия для модернизации с передачей большего объема

²⁴⁴ Записка Оренбургского генерал-губернатора об устройстве администрации Туркестанского генерал-губернаторства (копия) // РГАДА. Ф. 1385, Оп. 1. Д. 697. Л.1–2.

²⁴⁵ Шевцов В. В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX–начало XX века). Томск, 2016. С. 8.

прав и полномочий общественным и коммерческим институтам. После присоединения Туркестана Российское правительство и тут смогло позаботиться об интересах российского капитала. Рынки Центральной Азии постепенно были открыты для российских купцов и промышленников. В отношениях с сопредельными странами империя добивалась не только геополитических уступок, но и торговых. Но вместе с тем и среднеазиатские купцы получили доступ на российский рынок. Торговля расширялась и за счет перехода ее из рук знати и ханов в руки купцов.

Вместе с российским капиталом в присоединенную часть Азии проникли капиталистические отношения. К положительным результатам территориального присоединения Центральной Азии к России можно отнести и сближение народов. Русский народ к народам присоединенных территорий относился без высокомерия и презрения, с позиций добрососедства, так как еще со времени Московского государства, когда Россия уже включала в себя десятки этносов, русский народ вступил в тесные отношения с этими этносами, а это подпитывало дружеские чувства и сотрудничество. Лорд Керзон, посетив азиатские территории после их вхождения в Российскую империю, отмечал, что «Россия, бесспорно, имеет замечательный дар добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается от души. Он полностью свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который более вызывает злобу, чем сама жестокость»²⁴⁶.

В то же время, каково бы ни было позитивное значение присоединения Центральной Азии к Российскому государству, эта политика оставалась по сути колониальной. Прогрессивным, по нашему мнению, было не стремление правительства завоевать и присоединить Центральную Азию в геополитических и экономических интересах, а те перемены, которые объективно и закономерно произошли в Центральной Азии в соответствии с формирующейся новой исторической конъюнктурой.

²⁴⁶ Цит. по: Боронин О. В. К вопросу о периодизации политики России в Центральной Азии во второй половине 60-х первой половине 80-х гг. XIX в // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2005. № 4. С. 152.

Завоевая Центральную Азию, Россия способствовала осуществлению перемен в жизни Центральной Азии, которые в условиях традиционализма не могли в скором времени наступить при усилиях самих народов этого региона. Эта роль в отношении народов Центральной Азии проявилась в политике, культуре, экономике. Россия, как и Англия в своих колониях, «выполняла двоякую миссию: разрушительную и созидательную, – с одной стороны, разрушалось старое азиатское общество, а с другой стороны, – закладывалась материальная основа западного общества, т.е. капитализма, в Азии»²⁴⁷. Изменения традиционного уклада не могли происходить без острых социальных потрясений. Но в Центральной Азии в результате таких изменений появилось то, чего не было в британской Индии, – это формирование национальной интеллигенции и ее объединение с российским революционным рабочим классом.

Религиозная политика России в третьей четверти XIX в. в Туркестане еще не имела системного характера. Задачи Русской православной церкви в регионе еще только формировались. Приходы Туркестанского края подчинялись разным епархиям. Так, например, приходы в Семиреченской области с 1865 по 1917 гг. были подчинены Томской епархии, а в Сырдарьинской области – Оренбургской епархии. Но ни один из архипастырей никогда не приезжал в эти отдаленные места, таким образом, подчинение церкви в Туркестане вышеуказанным епархиям было формальным. После этого, явным сделался тот факт, что присоединенный край требует самостоятельной архиерейской кафедры. 4 мая 1871 г. был издан указ об открытии Ташкентской и Туркестанской епархии, которая начала функционировать ровно через год, в мае 1872 г. с прибытием в г. Верный первого архиепископа Ташкентского и Туркестанского Софония (в миру Стефана Васильевича Сокольского).

Военная администрация Туркестана встретила создание епархии без энтузиазма. Считалось, что духовная власть может подорвать авторитет военно-гражданской. Более того, генерал-губернатор К.П. фон-Кауфман, относившийся к этой идее резко отрицательно, не дал своего согласия на размещение в столице

²⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 311.

генерал-губернаторства г. Ташкенте Епархиального управления, добавив: «Я не потерплю в Ташкенте ни архиерея, ни жандармов»²⁴⁸.

Что же касается российской экспансии, то здесь нужно выделить три важных обстоятельства: 1) экспансия проходила постепенно, в форме различных притязаний; 2) необходимость защиты жизни и коммерческих интересов российских купцов от недоброжелательного а, иногда и открыто враждебного отношения хивинских конкурентов и представителей власти Российского государства; 3) обоснованное стремление российских властей к расширению границ в центрально-азиатском направлении и их обороне, а также защита своих подданных от набегов и грабежей кочевников.

Российское правительство объявляло присоединенные земли государственными. Не изымались в пользу государства только те участки, на которые имелись правоустанавливающие документы. Тем самым был нанесен удар по владельцам крупной собственности и земель. Начатые изменения коснулись и амляковых²⁴⁹ и, частично, вакуфных²⁵⁰ земель. Новые и старые владельцы наделов обязаны были платить налоги, а те, кто имел привилегии раньше, при новой власти были их лишены. Участки, являвшиеся амляковыми, а также наделы, принадлежавшие ранее прежним собственникам, были преданы крестьянам, которые их обрабатывали. Государственная земля, таким образом, отдавалась в наследственное пользование новым владельцам на условиях ее обработки.

Вместе с тем, российское правительство уменьшило размеры налога и ликвидировало некоторые натуральные повинности. Теперь, крестьяне уплачивали налог в размере 10 % от дохода. Ранее они платили 20 и более

²⁴⁸ Волков И. В. Миссионерство и государственно-религиозные отношения в Туркестане // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2009. № 4. С. 204.

²⁴⁹ Джурабаев Д. Х. К вопросу о формах собственности в Бухарском ханстве во второй половине XVIII в. // Вестн. Таджик. гос. ун-та права, бизнеса и политики. 2016. № 1 (66). С. 47. (Амляковые земли – государственные земли, составлявшие самую значительную часть земель. Они передавались общинам, либо отдельным лицам на правах пользования при условии уплаты государству налога. Купившие эти земли, не имели права ее завещать, продавать, закладывать и т.п.).

²⁵⁰ Там же. С. 49. (Вакуфные земли и имущество – движимое и недвижимое имущество (земли, мельницы, каналы, мастерские, лавки, караван-сарай), завещанное в пользу религиозных учреждений, гробницам святых государей и т.д.).

процентов. Налоги в пользу чиновников хана (кафсаны, ушри) были ликвидированы. Крестьяне, которые обрабатывали земли крупных землевладельцев и бравшие ее в аренду, в соответствии с договором, платили от трех четвертей до половины урожая. Именовались они, как и прежде, чайрикерами.

Такие изменения в жизни населения кишлаков не избавили их полностью от феодальной зависимости. Владельцы земли по прежнему старались эксплуатировать крестьян-чайрикеров. В неудобном положении оказались и те, кто обрабатывал бывшие амляковые земли. Новые хозяева, как правило, происходили из крестьянской среды и ранее обрабатывали землю феодала рабочим скотом, инструментами, семенным материалом самого землевладельца. Теперь же, не имея всего этого, они вынуждены были просить все это либо в аренду у тех же феодалов, либо брали деньги в долг у ростовщиков и тем самым снова оказывались в экономической зависимости.

Так или иначе, это были те самые коренные изменения, которые не произошли бы в Центральной Азии самостоятельно, без вмешательства извне. Большое количество участков досталось крестьянам, фактически обрабатывавшим их, а это способствовало развитию капитализма в сельской местности. Для Туркестанского края это было не маловажно, так как он в этом плане был экономически отсталым аграрным регионом.

Традиционно, Туркестан являлся территорией кочевого и оседлого населения. Процесс перехода к оседлости проходил непрерывно вплоть до 1917 г., хотя темпы к этому году и замедлились, но по прежнему кочевое население преобладало. «В Семиреченской области число кочевников составляло 986 тыс. человек, в Сырдарьинской области кочевников было 40 % от общего числа населения. В остальных областях Туркестанского края господствовал оседлый образ жизни. В Ферганской области кочевников насчитывалось всего 135 тыс. человек, а оседлых 1,9 млн., в Самаркандской, соответственно, 102 тыс. и 694 тыс., в Закаспийской – 123 тыс. и 345 тыс. Оседлое население Туркестана, в

большинстве своем узбеки и таджики, занималось преимущественно земледелием. Большинство туркмен также вело оседлый образ жизни»²⁵¹.

У российских властей уровень доверия к оседлому населению проявлялся в большей степени, чем к кочевому. В дискуссии о проекте «Положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» 1868 г. высказывались сомнения в применении к Оренбургским киргизам Основных начал управления в силу того, что они были «хищны, дерзки и к устройству и порядку не склонны»²⁵², чего не говорилось об оседлых народностях.

Развивающиеся капиталистические отношения в аграрном секторе Туркестана способствовали все большему стремлению кочевников-скотоводов переходить к оседлости, что способствовало увеличению значимости земледелия. К примеру, киргизы, жившие в равнинных районах, к началу Первой мировой войны практически полностью перешли к оседлому образу жизни и занимались земледелием. Согласно статистическим материалам по землепользованию, можно сделать вывод о том, что во многих туркестанских равнинных уездах, преимущественно находившихся в пределах Ферганской долины, большая часть киргизских хозяйств уже перешла к земледелию. В «Пишпекском уезде из 31 886 хозяйств 29 636 возделывали сельскохозяйственные культуры, в Пржевальском на долю сеющих хозяйств приходилось 26 328 из 28 034 хозяйств, в Ошском, Скобелевском и Кокандском – 8347 из 8 875, в Андижанском - 11 291 из 11 405, в Наманганском 6 345 и 7 458. В сельском хозяйстве горных районов Киргизии вплоть до Октябрьской революции преобладало кочевое скотоводство, в предгорных – занятие отгонным скотоводством сочеталось с земледелием»²⁵³.

Участки земли хотя и были закреплены за обрабатывавшими их декханами, все же находились в дефиците. Большая часть сельского населения ощущала

²⁵¹ Росляков А. А. Большевики Туркестана в борьбе за власть Советов. Ашхабад. 1961. Т. 1. С. 66.

²⁵² Возражения члена Государственного Совета И. П. Левшина на проект «Положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 656. Л. 2–3.

²⁵³ Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959. С. 30.

земельный голод. Это говорит о том, что земельная политика властей не могла решить главной проблемы – нехватки орошаемой земли.

Туркестанский край имел огромные земельные просторы, которые могли быть пригодны для земледелия. Но в то же время на 1915 г. «посевная площадь, включая орошаемые и богарные (неполивные) земли, составляла всего 3 288 331 дес., из них 894 649 дес. располагала Сырдарьинская область, 886 933 – Ферганская, 682 363 – Самаркандская, 653 589 – Семиреченская и 170 797 дес. Закаспийская область. В Казахстане же при его обширной земельной территории культурному воздействию накануне Октябрьской революции подвергалось всего 4 млн. га»²⁵⁴.

Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей, доказывают факт крестьянского малоземелья в Центральной Азии на 1917 г. Например, в «Ферганской области 16 тыс. байских хозяйств владели 311 625 десятинами земли, т. е. 31,3 % всего количества обрабатываемой земли, а 232 971 бедняцкое хозяйство, составлявшее 51 % хозяйств Ферганы, имело только 98 022 десятины, или 9,8 % земли. На каждое хозяйство этой группы землевладельцев не приходилось даже и по одной десятине обрабатываемой земли. 30 % хозяйств области владели от 1 до 3-х десятин, или 23 % всей земли»²⁵⁵. В итоге малоземельных хозяйств в Ферганской области было свыше 80 %, но они не владели даже 30 % земли, пригодной для земледелия. Подобная ситуация была и в других областях Туркестана – в Самаркандской и Закаспийской.

Большая часть наиболее бедных крестьян Туркестанского края абсолютно были безземельными и их количество доходило до 30 %, а то и 40 % в отдельных уездах²⁵⁶. Таким образом, земельная политика властей постепенно изменяла и социальную структуру общества в Туркестане, и изменяла пропорции каждой прослойки. Вспомним, что до вхождения этого края в состав Российской империи тут преобладало феодальное землевладение с соответствующим способом

²⁵⁴ Баишев С. Б. Победа социализма в Казахстане. Алма-Ата, 1961. С. 83.

²⁵⁵ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Ташкент, 1924. Вып. II. С. 53.

²⁵⁶ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, С. 198.

производства и агрокультуры. Местное общество включало в себя феодалов из числа высшей знати и духовенства, крестьян, как попавших в зависимость к феодалам, в том числе чайрикеров, так и свободных, вольнонаемных ремесленников, самостоятельных кустарей.

В целом, следует сделать вывод о том, что Бухарский эмират, Кокандское, Хивинское ханства, включая бекства, как составные части этих государств, были присоединены к России с помощью силы и оружия. Включены в состав империи в разной форме – либо путем преобразования в область, как в случае с Кокандом – в Ферганскую, либо превращены в зависимые протектораты с урезанными полномочиями правительств и попавшими таким образом в военную, экономическую, политическую зависимость. Все территории были подчинены туркестанскому генерал-губернатору, который управлял регионом, имея самые широкие полномочия от имени императора в силу удаленности края.

Коренное население сражалось против российского вторжения, что видно на примере штурма Ташкента и осады Ходжента, восстаний в Коканде и Андижане, боев во время войны с Хивинским ханством, в ходе Алайского похода, и военной экспедиции на Памир и других операциях российских военных.

Приход российских войск приветствовала лишь часть пророссийски настроенного коренного населения, купцы, безземельное крестьянство. Во многом они были недовольны экономической политикой ханов и беков и своим социальным положением, а также надеялись на большие выгоды, чем они имели при ханской власти. Из этих групп, наибольшую поддержку российской власти оказывали представители оседлого населения. Горцы, кочевое население, по большей части консервативное и свободолюбивое, не признавало новую власть и длительное время ей сопротивлялось. Но в силу разрозненности и малочисленности, а так же слабой организации и ограниченности ресурсов для ведения войны, успеха их деятельность не имела.

В этой связи отметим характерную особенность принятия русского подданства местным населением. Российские войска, а затем и местная власть представляли цивилизованную европейскую державу, а это накладывало

отпечаток на всю деятельность. От властей требовалось великодушное и миролюбивое, внимательное и гуманное отношение к коренному местному населению. Тем более, что вопросы, касающиеся религии, традиций, семейных отношений, судопроизводства (по незначительным правонарушениям и если в судебную тяжбу не втянут переселенец из внутренних губерний империи) власти существенно не меняли. Все это оставалось на попечении низовой местной администрации, исламских священников, руководствовавшихся обычным правом и религиозными предписаниями. Данные мероприятия позволили избежать религиозной войны, которая грозила начаться, так как мусульманское духовенство и феодальная знать пытались поднять народ на борьбу против «неверных». В этом случае, религиозно-национальный подъем и военные действия, выглядели бы не только как религиозная война, но имели бы форму национально-освободительного движения. В целом, продуманная и гуманная дальнейшая внутренняя политика в Центральной Азии позволила избежать нежелательного сценария развития событий и открыла дорогу к мирному развитию этого региона, который постепенно включался в общеимперскую жизнь.

2 Туркестан в составе Российской империи

2.1 Туркестанское генерал губернаторство: административно-территориальное деление и структуры управления

Распространение Российской империи на Восток и Юго-Восток, присоединение новых территорий стимулировали поиск путей оптимизации системы и структур регионального управления. Вопрос об административно-территориальном обустройстве владений России в Центральной Азии обсуждался в Особом комитете по устройству среднеазиатских областей с начала 1865 г. Тогда было принято решение пока не объединять казахские степи (территории Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств²⁵⁷), но для оптимизации управления («устранения существующих ныне неудобств»), а также демаркации государственной границы в юго-восточной части всю региональную внешнюю политику поручить оренбургскому генерал-губернатору, тогда как аналогичные полномочия по сношениям с Китаем передать, соответственно, генерал-губернатору Западной Сибири²⁵⁸. Таким образом, упомянутые генерал-губернаторства сохранились как отдельные единицы. Туркестанскую область, сформированную объединением Зачуйских земель и Сырдарьинской линии передали в подчинение оренбургскому генерал-губернатору²⁵⁹. В целом, Особый комитет действовал в большей степени ситуативно, не имея сколько-нибудь четкой даже краткосрочной концепции государственной региональной политики в Центральной Азии. Вероятно, эту концепцию должен был бы разработать сам

²⁵⁷ Западно-Сибирское генерал-губернаторство – учреждено в 1822 г. с центром в Омске. В 1882 г. преобразовано с сохранением административного центра в Степное генерал-губернаторство.

²⁵⁸ Васильев Д. В. К истории образования Туркестанского генерал-губернаторства (1864–1867 гг.) [Электронный ресурс] // Воен.-ист. журн. 2017. № 11. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://history.milportal.ru/2017/10/k-istorii-obrazovaniya-turkestantskogo-general-gubernatorstva-1864-1867-gg> (дата обращения: 04.08.2018).

²⁵⁹ Нельзя не указать на возрождение рассматриваемого административно-территориального деления в современных условиях. 19 июня 2018 г. указом президента Казахстана Н. Назарбаева Южно-Казахстанская область переименована в Туркестанскую область с переносом административного центра из Шымкента [Электронный ресурс] (получил статус города республиканского значения) в г. Туркестан // Публичное подписание Указа «О некоторых вопросах административно-территориального устройства Республики Казахстан» от 19 июня 2018 г. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/publicnoe-podpisanie-ukaza-o-nekotoryh-voprosah-administrativno-territorialnogo-ustroistva-respubliki-kazahstan, (дата обращения 02.09.2018). В данном случае играет роль соперничество за историческое наименование между Казахстаном и Узбекистаном.

Комитет и передать затем на обсуждение и утверждение в Государственный Совет, но этого сделано не было, а все вопросы решались в формате оперативных совещаний. В ходе обсуждений четко прослеживалась лишь вектор на развитие исключительно военно-административного (пока ещё не военно-гражданского) управления.

В этом русле, реализуя идеи «единоначалия», Особый комитет рекомендовал передать управления казахскими регионами, которое было поделено Комитетом министров между военным министерством и МВД.

По воспоминаниям военного министра Д.А. Милютина ещё в 1865 г., при обсуждении у императора Александра II, бывший директор Азиатского департамента МИД генерал-лейтенант Е.П. Ковалевский предлагал вместо присоединения новых территорий в Центральной Азии к уже существовавшим генерал-губернаторствам, учредить с центром в Ташкенте новую, самостоятельную административно-территориальную единицу. На тот момент эта идея не нашла поддержки в МИД. Решение нашли в обособлении Туркестанской области в составе Оренбургской губернии²⁶⁰.

В ходе начавшегося административно-территориального районирования выполнение политических задач рассматривалось через призму перемещения пределов Семипалатинской и Туркестанской областей в таких отклонениях, которые бы не нарушило «политическое равновесие, определенное для этих пограничных областей». Администрация Туркестана видела опасность нарушения пограничных и этнографических условий, полагая, что административное деление должно совпадать с географическим и этническим. Таким образом, в качестве границ предлагались русла рек, маршруты кочевков и горные хребты²⁶¹.

Весной 1866 г. после взятия М.Г. Черняевым Чимкента и Ташкента, оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский подтвердил желательность оставления этих территорий в его губернаторстве, попросив лишь увеличить штат

²⁶⁰ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865-1867 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2005. С. 116, 117.

²⁶¹ Журнал комиссии, учрежденной в Ташкенте главным начальником Оренбургского края, для составления положения об устройстве Туркестанской области в гражданском отношении (копия) // Рос. гос. архив древних актов (РГАДА). Ф. 1385. Оп. 1. Д. 680. Л. 1-4.

и ввести должность вице-губернатора по гражданским, финансовым, судебным и административным делам. В перспективе оренбургский губернатор видел образование Среднеазиатского генерал-губернаторства»²⁶².

Эта идея была развита в письме Н.А. Крыжановского от 1 июля 1866 г. его подчиненному – военному губернатору Туркестанской области Д.И. Романовскому²⁶³, где шла речь о проекте разделения Туркестанской области на Туркестанскую и Ташкентскую область. Смысл был в том, что первая территория уже прочно вошла в состав России, тогда как вторая ещё оставалась прифронтной территорией, где требовалось выстраивать систему управления. Согласованной позиции по данному вопросу на тот момент не было.

В начале 1867 г. Главный штаб подготовил аналитическую записку об управлении Туркестанской областью, где, прежде всего, отмечалась очевидное неудобство удаленного управления из Оренбурга²⁶⁴. Главный штаб, следуя за выводами Степной комиссии рекомендовал «отделить Туркестанскую область от Оренбургского края»²⁶⁵.

В марте 1867 г. Александр II вновь учрежденный Особый комитет по устройству среднеазиатских владений, также согласившись с этой позицией, постановил путем выделения из состава Оренбургского генерал-губернаторства образовать отдельное Туркестанское генерал-губернаторство, включив в него Туркестанскую область, Ташкентский район, территории, присоединенных в 1866 г. за Сырдарьей, а также часть Семипалатинской области. Таким образом, Туркестанское генерал-губернаторство теперь состояло из двух областей: Сырдарьинской (центр и резиденция генерал-губернатора в Ташкенте) и Семиреченской (центр – г. Верный). Это решение 11 июля 1867 г. было утверждено Александром II²⁶⁶.

²⁶² Васильев Д. В. Указ. соч. С. 77.

²⁶³ В марте 1866 г. он сменил на этой должности М. Г. Черняева, см. гл. 1 диссертации.

²⁶⁴ Записка Генерального штаба об улучшении управления Туркестанским генерал-губернаторством (копия) // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 682. Л. 7.

²⁶⁵ Васильев Д. В. Указ. соч. С. 78

²⁶⁶ Тухтаметов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: вторая половина XIX века : Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2003. С. 17.

Эта позиция была одобрена и Н.К. Гирсом²⁶⁷, который в специальной записке об устройстве Туркестанского генерал-губернаторства изложил позицию участников заседания Государственного совета (Заседание от 3 марта 1867 г.), которые пришли к мнению, что Туркестанскую область нужно отделить от Оренбургского генерал-губернаторства. Большинство участников одобрило учреждение Туркестанского генерал-губернаторства²⁶⁸.

Таким образом, формирование статуса нового генерал-губернаторства прошло длительный путь межведомственных согласований, экспертных оценок и было высочайше утверждено как позиция коллегиального органа, что в целом соответствовало административной и законотворческой практике того времени.

Обратим внимание, что заинтересованный орган – Главный штаб, анализируя пути улучшения управления Туркестанским генерал-губернаторством, акцентировал внимание на крайнем неудобстве управления Туркестаном из Оренбурга. При этом военный орган исходил не из своих узко ведомственных интересов, отказавшись полагаться исключительно на «на верность заявления об этом местных властей», т.е. своих подчиненных. Главный штаб запросил «мнение беспристрастное», имея ввиду специальную комиссию, которая, будучи создана по Высочайшему повелению, единогласно высказалась в пользу отдельного управления²⁶⁹.

Учреждение Туркестанского генерал-губернаторства подразумевало ликвидацию высшей «туземной» власти, отстранение от власти ханов и упразднение системы ярлыков. Отстранение от политической власти наследственной земельной аристократии и исламского духовенства можно рассматривать как прогрессивное явление.

В современных исследованиях Туркестанский край принято считать территорией с «особым административным статусом», также как, например,

²⁶⁷ Гирс Николай Карлович (1820–1895) – российский дипломат, в 1882–1895 гг. – министр иностранных дел России.

²⁶⁸ Записка Гирса об устройстве Туркестанского генерал-губернаторства (копия) // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 696. Л. 1, 9.

²⁶⁹ Записка Генерального штаба об улучшении управления Туркестанским генерал-губернаторством (копия) // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 682. Л. 1–2.

Кавказское наместничество, «отличающейся установлением военно-административной системы управления с сохранением элементов самоуправления местного населения»²⁷⁰. Соглашаясь в целом с данной позицией, полагаем необходимым сразу внести в неё существенные коррективы, во многом определяющие наши подходы к анализу вопросов данной главы. Во-первых, речь в большей степени идет не о военно-административной, а о военно-гражданской системе управления. Административно-полицейская специфика в генерал-губернаторстве состояла в смешивании гражданских и военных функций управления, практике совмещения должностей, а также упрощенной, по сравнению с внутренними губерниями, организацией органов администрации, полиции и суда. Во-вторых, целесообразно вести речь не о «сохранении элементов самоуправления местного населения», а об опоре на него. В ряде исследований прямо указывается на наличие в Туркестане «пророссийской партии» из местных сторонников сближения с Россией, которые опасались «английских колонизаторов»²⁷¹. Более убедительно все же выглядит прагматический подход, в рамках которого российские власти, обосновано стараясь не вмешиваться в традиционный местный уклад, сохранили низовой полицейский аппарат, ранее подчинявшийся миршам («правителям ночи»), которые отвечали за охрану общественного порядка. В генерал-губернаторстве высшие и уездные полицейские должности заняли российские чиновники, но в функции местного самоуправления они предпочитали не входить, поэтому в кишлаках и аулах административно-полицейские функции выполняли старосты – аксакалы, совместно с мухтасибами, следившими за соблюдением, в том числе, и норм шариата.

Имперский характер Российского государства проявлялся в специфическом отношении к формированию структур управления на вновь присоединенных территориях, определении их статуса и места в структуре регионального управления. Всякий раз включение в состав империи иноязычных и иноверных

²⁷⁰ Бахлов И. В. Напалкова И. Г. Национальная периферия в Российской империи: специфика положения и организация системы управления // Федерализм. 2011. № 1 (61). С. 182.

²⁷¹ Васильев Д. В. Указ. соч. С. 78.

территорий ставило перед центральной властью проблему их включения в имперскую административную и правовую систему²⁷². Принимая во внимание этноконфессиональное разнообразие, разницу в экономическом и политическом развитии, наличии элементов государственности, процессе и характере присоединения, отношении к России местного населения, для этих территорий формировались системы управления, имевшие (а точнее, приобретающие в процессе «обкатки») соответствующие особенности. Но в рамках рассматриваемого нами хронологического периода организационно-правовые формы зависимости от Российской империи, считаем, регулировались все же общеимперским законодательством, пусть и со своими особенностями.

В этой связи для вновь присоединенных, удаленных от Центра и обширных территорий реализовывалась генерал-губернаторская модель управления, обусловленная не столько административными, т.е. чисто управленческими, сколько геополитическими факторами. Для Петра I и его преемников «важнейшей задачей стало выстраивание эффективной вертикали власти на всей территории складывающейся империи»²⁷³. К моменту присоединения Туркестана эта модель прошла успешную апробацию на других окраинах империи: в Сибири, Новороссии, Оренбуржье, а затем и на Кавказе. Например, для управления отдельными макрорегионами, были введены в действие Сибирское учреждение (1822 г.), Туркестанское положение (1867 г.). В рамках уже отработанной в Сибири модели, генерал-губернатор был представителем императора на присоединенной территории, «главным блюстителем» не только «неприкосновенности верховных прав самодержавия», но также назначался и для «пользы государства». Генерал-губернатор выполнял и функции надзора за точным исполнением «законов и распоряжений высшего правительства», причем, не только по военным, но и «по всем частям управления во вверенном крае». К середине XIX в. российский институт генерал-губернаторства трансформировался

²⁷² Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX–начало XX вв.). СПб., 1998. С. 221.

²⁷³ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Генерал-губернаторский корпус Сибири: социальный портрет // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. № 5 (31). С. 4.

из административно-хозяйственной в большей степени – в чрезвычайную, политическую²⁷⁴ власть, а так же, военную. В виду отдаленности регионов это было оправдано. Так, когда с момента образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. периодически имели место военные действия вплоть до середины 70-х гг., с помощью войск Кауфман постепенно подчинил Бухару, Хиву и Коканд. После покорения этих государств, войска требовались и для подавления восстаний, и для демонстрации военной мощи, поскольку Британская империя являлась конкурентом России в Азии. Таким образом, посредством военной инфраструктуры Российская империя усиливала свои позиции во всем Центрально-Азиатском регионе, так же как это происходило и в Восточной Сибири, например, когда происходил процесс демаркации границы с Цинским Китаем.

Можно также отметить большой уровень доверия правительства и даже императора к генерал-губернаторам, поскольку неограниченные полномочия, которые не имели регламентированных верхних пределов в Сибирском учреждении и в Положении об управлении Туркестаном, говорят об этом. В последствии, с утверждением российской власти на окраинах порядок менялся, инструкции дополнялись отдельными указами. В Туркестане, например, в последующем были разработаны и внедрены новые законы (Положения по управлению от 1867, 1884, 1886 гг.).

Несмотря на своевременность принятия Сибирского учреждения в 1822 г., Туркестанского положения 1867 г. они подвергались критике. В частности в 1865 г, командированная в степи Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств комиссия в объяснительной записке, признавая заслуги Сперанского, указывала на несоответствие Сибирского положения 1822 г. «...настоящему положению степи и народа»²⁷⁵. Туркестанский генерал-

²⁷⁴ С принятием в 1822 г. Учреждения для управления Сибирских губерний, для Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского генерал-губернаторств сложился «особый» порядок управления, учитывающий особенности макрорегиона // Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1830. Т. 38. № 29.125. С. 345–394.

²⁷⁵ Выписка из объяснительной записки комиссии к проекту положения об управлении в казахских степях, док. № 115 // Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Алма-Ата, 1960. С. 206.

губернатор К.П. Кауфман, признавая, что за три года действия документ выполнил свои задачи и требовал изменений, в свою очередь, в начале 70-х гг. готовил новые проекты по управлению краем, но министерства государственных имуществ, внутренних дел, военное отклоняли эти проекты, внося в него свои изменения²⁷⁶. В итоге, следующий закон по управлению был принят только в 1884 г.

Анализируя правовой статус Туркестана в Российской империи Ф.Т. Тухтаметов, прослеживает «тенденцию усиления власти губернаторов» с 1837 г. (что никак автором не поясняется). В этой связи, по мнению указанного автора, Петербург в целях обеспечения полного контроля за работой местных властей учредил институт наместников и генерал-губернаторов. С данной позицией сложно согласиться. Во-первых, Петербург не стремился к тотальному контролю местной власти (уровень самоуправления), как правило, сохраняя здесь местные традиционные институты. Во-вторых, генерал-губернаторы (за исключением Московского) назначались не столько затем, чтобы контролировать местные органы, сколько для защиты, освоения и закрепления новых территорий в составе империи, ещё не включенных в общую систему гражданского управления.

«Сущность реформы» [учреждения института генерал-губернаторов] Ф.Т. Тухтаметов видит в сосредоточении «основного руководства ряда губерний и областей России» «в руках военного служащего, царского наместника – генерал-губернатора», чтобы «монарху было более сподручно управлять империей через руководителей укрупненных территориальных образований»²⁷⁷. Данная позиция также представляется не вполне корректной, так как генерал-губернаторы, как правило, назначались не в российские губернии и области, а на новые территории, которые в литературе позже нередко называли колониями. Эта же практика существовала и у большинства метрополий. Что касается «сподручности», то российское, а после и советское правительство, путем частых административно-

²⁷⁶ С замечаниями министерств на проект положения 1871 г. // Центральный гос. архив Республики Узбекистан (ЦГАРУз). Ф. И-1. Оп. 20. Д. 5134.

²⁷⁷ Тухтаметов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века: Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2003. С.11.

территориальных преобразований (делений и укрупнений) эмпирически пыталось найти более эффективную модель управления огромными многонациональными территориями.

Институт генерал-губернаторства не был российским изобретением. Европейские метрополии, особенно Великобритания, широко использовали его в своей колониальной политике, назначая должностных лиц, которые представляли монарха в управлении колонией, а позже – доминионом. Та же практика была и в Азии, когда японское правительство в начале XX в. назначало своих генерал-губернаторов в Корею и на Тайвань.

В России генерал-губернаторы выполняли функции исключительно на вновь присоединенных территориях, входящих в состав империи. Крушение империи означало и ликвидацию этого института. На Западе все было иначе, генерал-губернаторы назначались и работали также и в уже формально независимых государствах. Так, например, с 1867 г. институт генерал-губернаторства существует в Канаде и в ряде малых, в основном, островных государствах.

Нормативно-правовой основой статуса (совокупности прав, обязанностей и полномочий) генерал-губернатора Туркестана являлась «Общая инструкция генерал-губернаторам», входившая в «Общее учреждение губернское»²⁷⁸. Полномочия подчиненных генерал-губернатору военных губернаторов областей также определяло Общее Учреждение губернское (статьи 264–428)²⁷⁹. Таким образом, по своему статусу они приравнивались к губернаторам внутренних губерний России. А.Д. Тимошевская указывает на равенство их компетенций²⁸⁰, с чем сложно согласиться, так как российские гражданские губернаторы не имели военных полномочий, которые имели начальники областей.

²⁷⁸ Свод Законов Российской империи (СЗРИ): в 16 т. М., 1910. Кн. I, т. II: Свод губернских учреждений, гл. VIII. Ст. 12.

²⁷⁹ Там же. Ст. 44.

²⁸⁰ Тимошевская А. Д. Создание Туркестанского генерал-губернаторства и формирование его полицейской системы во второй половине XIX–начале XX в. // Тр. Академии управления МВД России. 2014. № 4 (32). С. 92–96.

Кроме того, генерал-губернаторы управляли на основе Положений по управлению Туркестанским краем, прежде всего, Положения 1867 г., подробный анализ которого будет дан в разделе втором настоящей главы.

Территория генерал-губернаторства менялась. В 1882 г. Семиреченская область была передана в состав Степного генерал-губернаторства²⁸¹, но в 1897 г. возвращена. Таким образом, на рубеже XIX–XX веков в Туркестанский край входили четыре области: Сырдарьинская, Ферганская, Самаркандская и Семиреченская. В 1906 г. под «главный надзор» Туркестанского генерал-губернатора перешла Закаспийская область, где управление осуществлялось на основе специального регулирования²⁸².

Реорганизации административно-территориального деления, временный статус значительной части нормативных положений, свидетельствовали: во-первых, об отсутствии единой концепции государственной региональной политики в крае, а во-вторых, об эмпирическом поиске наиболее оптимального варианта модели регионального управления. В рамках этого поиска и отработывались проекты по управлению областями края.

Сложность состояла не только в обширности территорий, но и в разном геополитическом положении. Так, Закаспийская область с центром в Асхабаде имела беспокойную границу с Персией и Афганистаном, а также соприкасалась с формально независимой Хивой. Областью руководил начальник, подчинявшийся Туркестанскому генерал-губернатору, а также Военному министру²⁸³, но он не имел полномочий, как это нередко бывало, например, в Сибири, решать вопросы внешней политики, которые относились к исключительным полномочиям Туркестанского генерал-губернатора²⁸⁴. Именно он как представитель монарха, на основании ст. 12 Положения об управлении Туркестанским краем, мог

²⁸¹ Степное генерал-губернаторство (Степной край) – административно-территориальная единица Российской империи на территории современных России, Казахстана и Киргизии в 1882–1918 гг. Административный центр – г. Омск. Генерал-губернатор края, помимо гражданского управления, командовал войсками Омского военного округа и был наказным атаманом Сибирского казачьего войска.

²⁸² Временное положение об управлении Закаспийской области 1892 г.// СЗРИ. М., 1910. Кн. I, т. II: Свод губернских учреждений, гл. VII. Ст. 1–39.

²⁸³ Там же. Гл. II. Ст. 7.

²⁸⁴ Там же. Ст. 6, прим.

осуществлять дипломатические сношения с Бухарским эмиром и Хивинским ханом.

Анализируя реализацию генерал-губернатором функции охраны государственной безопасности, следует указать на полномочие высылать «вредных туземцев», как политически неблагонадежных лиц на срок до 5 лет, а также высылать за пределы империи иностранных подданных, заподозренных или уличённых во вредной деятельности.

Ещё одной особенностью аппарата туркестанского генерал-губернатора было отсутствие в штате чиновника по делам полиции, которые служили при других генерал-губернаторах (например, в Варшаве). Таким образом, полицейские вопросы генерал-губернатор «замыкал» на себя. Так, он имел исключительное полномочие виновных в совершении тяжких преступлений «с высочайшего разрешения» предавать военному суду с применением законов военного времени. Исходя из того, что речь шла не только о государственных преступниках, а вообще о тяжких и особо тяжких уголовных преступлениях, в указанных случаях проявляется прифронтовой характер территории и, соответственно, управления.

Примечательно, что туркестанский руководитель имел в штате помощника по «исполнению всех частей гражданского управления», в то время как все военные вопросы он решал сам. Таким образом, генерал-губернатор в большей степени был все же генералом и лишь затем – губернатором.

Военные губернаторы осуществляли общее руководство в областях Туркестанского края, имея более широкие, по сравнению со своими российскими коллегами, полномочия. Так, военный губернатор был полномочен применять особые меры для охраны общественного порядка, т.е. арестовывать представителей местного населения, а также местной администрации на срок до месяца.

Полномочия военного губернатора Семиреченской области расширились за счет статуса Наказного атамана казачьих войск. Он же, в случаях,

предусмотренных законом, мог исполнять обязанности генерал-губернатора Туркестанского края.

Начальник Закаспийской области имел полномочия равные губернаторским во внутренних российских губерниях и совмещал их с обязанностями по охране границ и осуществлению приграничной дипломатической деятельности. Так же он имел полицейские полномочия и командовал войсками, расквартированными в области. При этом начальник области, в отличие от губернатора внутренней губернии, имел существенно больше самостоятельности в действиях.

Нам сложно согласиться с тем, что он пользовался «известной независимостью от центральных властей», как указывает А.Д. Тимошевская²⁸⁵. В Российской империи вообще мало кто пользовался «известной независимостью», скорее это были расширенные в связи с удаленностью и геополитической ситуацией в регионе, полномочия оперативного реагирования.

В то же время, как и во всей России, ключевое место в управлении краем играли уездные начальники. Хрестоматийной стала знаменитая фраза Николая I о том, что «Россией не я управляю; Россией управляют сорок тысяч столоначальников»²⁸⁶. А. де Кюстин писал из Петербурга в 1839 г.: «Из своих канцелярий эти незаметные тираны безнаказанно угнетают страну, даже императора, стесняя его в действиях»²⁸⁷. Именно в руках уездных начальников сосредоточилась военная и гражданская власть, хотя формально они имели лишь статус равный исправнику во внутренних губерниях.

Генерал-губернатор распределял участковых приставов по уездам. Сыр-Дарьинская область была поделена на 17, Ферганская – на 20, а Самаркандская область – на 11 участков. Помимо участковых приставов военный губернатор назначал в уезд полицмейстера и команду полицейских приставов, имевших аналогичные с их коллегами во внутренних губерниях права и обязанности. Местная специфика заключалась в предоставлении определенных полномочий в

²⁸⁵ Тимошевская А. Д. Создание Туркестанского генерал-губернаторства и формирование его полицейской системы во второй половине XIX - начале XX в. // Тр. Академии управления МВД России. 2014. № 4 (32). С. 92–96.

²⁸⁶ Цит. по: Займовский С. Г. Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризмы. М., Л., 1930. С. 313.

²⁸⁷ Кюстин А. Россия в 1839 году. Т. 2. М., 1996. С. 215.

отношениях с местным населением, в основном касавшиеся поддержания общественного порядка. Яркое выражение эти особенности получили в 1906 г., когда под влиянием событий первой русской революции были ужесточены наказания за нарушение правопорядка местными жителями, в регионах Туркестана, бывших на положении усиленной охраны. В данном случае арест мог составлять уже месяц, а штраф увеличивался до 30 руб., что было явной дискриминацией, так как к не местным нарушителям, т.е. не представителям местных народов, был применен лишь трехсуточный арест, а штраф не превышал 15 руб.

Особое «Положение для управления» было принято для Семиреченской области. В основном оно соответствовало «Положению по управлению Туркестанским краем», но с рядом отличий. Так, уездные начальники в Семиречье нанимали вольных кандидатов на полицейскую службу. В 1906 г. область была поделена на три участка: Бахтинский, Нарынкольско-Чарынский и Атбашинский под руководством участковых начальников, имевших компетенцию участковых приставов²⁸⁸. Начальники также могли вести «пограничные сношения», руководствуясь, при этом межведомственной инструкцией военного министра и министра иностранных дел. Обязанности участковых начальников были существенно шире, чем у участковых приставов Туркестанского края, к которым они формально были приравнены по статусу.

Согласно ст. 44 «Положения об управлении Степных областей» 1892 г. участковые начальники трех приграничных участков могли по определению туркестанского генерал-губернатора исполнять обязанности уездных начальников, что свидетельствовало об особом статусе новых полицейских должностей.

Приграничное местоположение Закаспийской области во многом определяло структуру и полномочия местного полицейского аппарата. При этом должности уездных начальников замещали исключительно военные,

²⁸⁸ Семиреченская область // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрона: в 86 т. СПб., 1899. Т. 57. С. 457.

исполнявшие обязанности по общим правилам уездной полиции, применимым к местным условиям²⁸⁹.

Кроме того, в Мангышлакском и Краснодарском уездах начальники имели полномочия воинских начальников, когда во вверенном им уезде не служило лицо старшее по чину.

Порядок соподчиненности и взаимодействия уездных начальников Закаспийской области с местными военными начальниками отдельных укреплений либо постов, определялся Сводом военных постановлений, т.е. кодифицированным актом российского военного права. В целом можно сделать вывод о военизированном характере полиции в Туркестанском генерал-губернаторстве²⁹⁰.

Городское управление. В соответствии с Положением об управлении Туркестанского края статус города имели населенные пункты, где располагались областные и уездные управления, а также Старый Маргелан, Туркестан, Чуст, Уратюбе и Пенджикент. Система городского управления устанавливалась сообразно местным условиям. Так, военный губернатор с разрешения генерал-губернатора был вправе вводить упрощенное общественное управление городского старосты²⁹¹. В иных случаях порядок в городе поддерживал уездный начальник либо участковый пристав. Как и в большинстве колониальных владений города Туркестана были поделены на российские и «туземные» кварталы.

Приграничный и колониальный статус Туркестана существенно усиливал здесь российскую административную традицию назначения военных на руководящие гражданские должности. Находясь в ведомственном подчинении военного министерства, территория управлялась по схеме военно-полицейской организации. Так, Ташкентом руководил начальник города, как правило, военный, имевший права и обязанности уездного начальника. Как и в других городах

²⁸⁹ СЗРИ : в 16 т. М., 1910. Кн. I. т. II: Свод губернских учреждений, гл. VII. Ст. 21.

²⁹⁰ Крупенкин Е. Н. Опыт управления Сибирью в Туркестанском генерал-губернаторстве // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 407. С. 93–97.

²⁹¹ СЗРИ : в 16 т. М., 1910. Кн. I, т. II: Свод губернских учреждений, гл. VIII. Ст. 67.

региона военная и гражданская власти в Ташкенте не были разделены. Так, в «туземных» районах Ташкента полицейская власть принадлежала аксакалам, выборным городским старшинам во главе со старшим аксакалом, назначенным военным губернатором²⁹².

В российской части города с 1894 г. назначался полицмейстер. Постепенно аксакалов заменяли полицейскими либо местными жителями, не обязательно жителями или уроженцами Ташкента. Таким образом, полицейская функция постепенно сосредотачивалась в полицейских управлениях в подчинении уездных начальников, а в Ташкенте в подчинении начальника города. Штат полицейского управления включал руководителя – полицмейстера, приставов, а также полицейской команды, исполняющей «низшие полицейские обязанности» по охране общественного порядка и безопасности. Один городской приходился на 500 жителей, но штат полицейской команды по каждому городу определял военный министр по представлению генерал-губернатора Туркестана.

Органы местного самоуправления в Туркестане. Низовой единицей сельского сообщества для оседлых местных жителей считалось аксакальство, для кочевников – аульное общество. Местное самоуправление структурировалось по волостям во главе с выборным и утверждаемым военным губернатором, волостным управителем, подчиненным (в делах охраны общественного порядка) уездному начальнику, который также утверждал выборных сельских старшин.

Позднее, в 1867 г., с образованием Туркестанского генерал-губернаторства был утвержден Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями²⁹³.

В целом, государственная региональная политика России в Центральной Азии представляла собой постепенное, в значительной степени эмпирическое формирование оптимальной модели управления. При этом на начальном этапе

²⁹² История Ташкента (с древнейших времён до победы Февральской буржуазно-демократической революции) / отв. ред. Х. З. Зияев, Ю. В. Буряков. Ташкент, 1988. С. 112–113.

²⁹³ Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, док. № 117 // Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Алма-Ата, 1960. С. 282–316.

доминировали принципы военного управления при сохранении самоуправления коренного населения.

Практика управления в Туркестане показывает отсутствие общей модели управления окраинами при схожести подходов, что предполагало поиск и подработку действующих моделей в процессе освоения присоединенных территорий. В данном случае, степень предоставляемой автономии (самоуправления) была связана с лояльностью местных властей (аристократии, старшин) и российской власти.

2.2 Нормативно-правовая основа управления по Положению об управлении Туркестанским краем 1867 г. и её развитие в проектах 1871 и 1873 гг.

Особенностью государственного регионального управления на колонизируемых окраинах Российской империи традиционно было некоторое опережение практической деятельности органов государственной власти, которые создавались ранее, чем нормативная база, на основании которой они должны были действовать. Так было в Сибири, Малороссии, на Кавказе, так было и в Туркестане. Отсутствие стройной, научно обоснованной концепции государственной региональной политики, заставляло российское руководство постоянно приспособливать российские и местные политические и административные институты друг к другу в поиске оптимального варианта. В процессе этого эмпирического поиска большинство нормативных актов, регулирующих вопросы управления имели временный характер рабочих положений (проектов), действующих до какого-то окончательного утверждения, которое нередко происходило совсем для других документов и территорий. В условиях быстро менявшейся ситуации в регионе разрабатывались проекты Положений по управлению краем 1871 и 1873 гг., которые существенно корректировали временно действовавшее Положение 1867 г.

В 1867 г., одновременно с учреждением нового Туркестанского генерал-губернаторства, началась подготовка проекта положения о его управлении. Базовым принципом нового административно-правового института стало сосредоточение гражданской, административной и военной власти в руках генерал-губернатора, что обосновывалось прифронтовым статусом территории, геополитической ситуацией в макрорегионе, необходимостью оперативного подавления возможных внутренних возмущений. Вторым базовым принципом, на котором строилась разработка новых институций для края стало сохранение местного самоуправления по вопросам местного значения. Здесь российские власти стремились содержание туземного управления возложить на общество, как это было предусмотрено проектом Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством²⁹⁴.

В том же 1867 г. специальная комиссия подготовила Проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях», передав его на рассмотрение первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана.

Проект состоял из девяти разделов: 1) структуры администрации; 2) областного управления; 3) местного управления; 4) судоустройства; 5) хозяйственных органов; 6) налогов, сборов и повинностей; 7) финансовых органов; 8) организации почтовой связи; 9) организации здравоохранения²⁹⁵.

В целом генерал-губернаторство находилось в подчинении Военного министерства. Главное управление новой военно-административной единицы состояло из: генерал-губернатора, канцелярии генерал-губернатора и аппарата чиновников. Областное управление включало военных губернаторов областей, их помощников, коллегиальных исполнительных органов – областных правлений во главе с председателем, в составе трех отделений: распорядительного, хозяйственного и судебного, во главе с начальниками²⁹⁶.

²⁹⁴ Объяснительная записка к проекту положения об управлении в Киргизских степях // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 660. Л. 12.

²⁹⁵ Проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях». СПб. 1867.

²⁹⁶ Васильев Д. В. Организация и функционирование главного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве (1865–1884) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1999. № 3. С. 49.

Военные губернаторы получили статус схожий со статусом губернаторов внутренних губерний, но с местными особенностями, обусловленными военным характером власти. В частности военные губернаторы не имели типичных для внутренних регионов, губернских канцелярий, а действовали, полагаясь на областные правления, которые фактически приобрели совокупный статус губернских правлений, казенных и судебных палат. Включение в состав компетенций областных правлений судебной власти, вероятно, было необходимо до завершения шедшей в те годы судебной реформы.

В соответствии с Проектом, в административном плане области были поделены на уезды, которыми управляли уездные начальники, опиравшиеся на свои канцелярии и двух помощников, один из которых обязательно был местным уроженцем.

При этом в части «военно-народного» управления уездный начальник руководствовался Проектом Положения 1867 г., тогда как в деле военного командования – «Временным положением о военном управлении Туркестанской областью» 1865 г.

Территории проживания местного кочевого населения по Проекту административно делились на волости, состоящие из 1000–2000 кибиток. Таким образом, волость была не родовым, а в большей степени административно-территориальным объединением соседних аулов и зимних стойбищ²⁹⁷. Местному населению предоставлялось право избирать волостных управителей и старшин аулов. От идей прямой демократии российская администрация первоначально отказалась в силу невозможности обеспечить привлечение всей массы коренного

²⁹⁷ Заложенная Степной комиссией в Положении 1867 г. сегментация местного населения, применительно к целям управления, налогообложения и подсудности на две группы: киргизов и сартов была изначально дефектна, в силу грубой и некорректной дифференциации всех кочевников как «киргизов», а оседлых народов как «сартов». Нечто подобное длительное время наблюдалось в Сибири, где все местные народы именовались «татарами». Действовавшая по Положению 1867 г. система предусматривала: у кочевников, градацию по числу кибиток. В состав аула входило 100–200 кибиток, соответственно в волость – 5–10 аулов. Оседлое население управлялось аксакалами кишлаков, т.е. здесь была одна ступень управления.

Предельно упрощенное представление о «киргизах» как обязательно кочевниках и сартах, обязательно земледельцах, равно как и об оседлости казахских зимовок не соответствовали реалиям. Среди кочевников всегда был определенный процент земледельцев, которых становилось все больше. На практике получалось, что жители одного селения, имея общность хозяйственных интересов, были разобщены в управлении, в налогообложении и подсудности.

населения к выборам. Прорабатывались вопросы пропорционального представительства выборщиков от числа кибиток. Российская власть в целом искренне стремилась к устранению имущественного ценза и к тому, чтобы коренное население избирало лиц, действительно пользующихся его доверием и уважением²⁹⁸.

Проект также предусматривал регламентацию вопросов городского управления. В частности в Ташкенте предусматривалось общественное управление, тогда как г. Верным руководил городничий²⁹⁹. В прочих городах вводилось упрощенное городское управление.

Сохранение российской администрацией в Туркестане демократии на уровне местного самоуправления по разному оценивается в литературе. Мы исходим из того, что этот подход: во-первых, был обусловлен идеологией земской и городской реформ, которые проводились или готовились во внутренних регионах России, а во-вторых, был продиктован чисто утилитарными соображениями. Российской военной администрации было бы крайне затруднительно входить в вопросы местного хозяйственного и бытового укладов. Кроме того, допущение местного «туземного» самоуправления формировало определенный «демократический» образ новой власти, максимально не вмешивающейся в местные дела.

В то же время, администрация края уже в момент введения видела, что «дарованное» «туземцам» избирательное право, по сути на практике было лишь легитимизацией прав знати, а никак не подлинными выборами. Такое положение «лишало правительство гарантии благонадежности выборных лиц»³⁰⁰. Право выбора не должно было быть привилегией, а свободно реализуемым правом.

Управление в казачьих станицах и районах Семиреченской области по Проекту 1867 г. определялось специальным «Положением о Семиреченском

²⁹⁸ Объяснительная записка к проекту положения об управлении в Киргизских степях // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 660. Л. 8–9.

²⁹⁹ Проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях». СПб., 1867. Ст. 788–792.

³⁰⁰ Объяснительная записка к проекту положения об управлении в Киргизских степях // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 660. Л. 8–9.

казацьем войске»³⁰¹, а кроме того, Высочайшим Е.И.В. постановлением «Об общинном городском управлении от 8 декабря 1873 г.

Судебная система Туркестана по Положению 1867 г. включала для местного населения народные суды избираемых населением казиев и биев, кроме дел по государственным преступлениям и о нарушении общественного порядка.

По законам Российской империи действовали уездные суды, которые, в том числе, рассматривали гражданские дела между русскими и мусульманами; а также уездные судьи. Они назначались правительством и в их подсудность входили дела, определенные Судебным Уставом 20 ноября 1864 г. мировым судьям. Государственные (политические) преступления рассматривали военно-судные комиссии. Функции судебных палат (действовавших во внутренних губерниях) исполняли областные правления. Они рассматривали уголовные дела по преступлениям средней тяжести против собственности и общественного порядка³⁰².

Проект Положения 1867 г. регламентировал и основы налоговых отношений. В частности, с кочевого населения взимался кибиточный сбор (от 2,75 руб. с кибитки). Оседлые местные жители уплачивали натуральный харадж (подать с продуктов земледелия), составлявший десятую часть урожая или, в торговой сфере, подать с оборотного капитала – сороковую часть стоимости оборачивающихся товаров. Кроме того, для земледельцев – садоводов и овощеводов устанавливалась танапная подать, определяемая по танапу (примерно 1/8 десятины) и видам культур. Подати не суммировались, что определяло весьма либеральный режим налогообложения для местного населения. Также следует отметить, что система налогообложения в Туркестане стала переходной по сравнению с ясачной податью в Сибири к практике подворного налогообложения во внутренних губерниях России.

³⁰¹ Леденёв Н. В. История Семиреченского казачьего войска. Верный. 1909. (Семиреченское казачье войско было сформировано 13 июня 1867 г. из девятого и десятого казачьих полков Сибирского казачьего войска, переведенных на пограничную службу в Туркестан. В 1875 г. к войску были присоединены казаки Уральского казачьего войска, не признавшие введенную по военной реформе Д. А. Милютина всеобщую воинскую повинность. Войско несло пограничную стражу, подавляло волнения местного населения, участвовало в Кульджинском (1871 г.), Хивинском (1873 г.) и Кокандском (1875 и 1876 гг.) походах).

³⁰² Ст. 129–145 Положения 1867 г.

Важным аспектом нормативного регулирования управления новой территорией наряду с Проектом «Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями», стала подготовка Главным штабом Проекта «Положения о Туркестанском военном округе». Ситуация в регионе развивалась столь быстро, что прежнее «Положение о военном управлении Туркестанской областью» 1865 г., оперативно введенное в момент присоединения Туркестана, уже перестало отвечать не только стратегическим, но и оперативным задачам усиления российского присутствия в Туркестане.

Опыт применения Положения 1867 г. стимулировал руководителей края к корректировке действовавшего нормативного регулирования. Таким образом, уже в 1871 г. был подготовлен Проект нового Положения, разработчики которого уже не видели препятствий для пусть постепенного, но все же распространения на макрорегион внутреннего российского административного права. В то же время и новое Положение предлагалось как временное. В этом смысле для современного российского исследователя будет интересна, а для законодателя, возможно, полезна модель «плавающего», временного регулирования, приспособляющегося к быстро меняющимся условиям.

В данном случае, предлагая не столько устойчивые институты, сколько временно действующую переходную модель, разработчики Проекта исходили исключительно из практического опыта, отрицая «неверные теоретические соображения, натянутые выводы и фиктивные факты» и базируясь на управленческом опыте в регионе.

В целом Проект 1871 г. представлял собой первый шаг постепенной трансформации военно-административного управления в военно-гражданское, а затем и в гражданское. Д.В. Васильев детально изучил и сравнил, опираясь на первоисточники, Проекты 1871 и 1873 гг.³⁰³. Автор пришел к выводу, что «исследование двух законопроектов показывает не только различие во взглядах местной и центральной администраций на место Туркестанского края в составе

³⁰³ Васильев Д. В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. [Электронный ресурс] // Науковедение: Интернет-журн. 2014. № 5 (24). С. 1–23. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23039565_60676858.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

империи, но и демонстрирует те направления, по которым в дальнейшем и развивалось имперское законодательство о регионе»³⁰⁴. Сами Проекты носили гибкий характер относительно применения, а попытка формализовать эластичность, по сути, означала стремление легализовать правоприменительную практику руководства Туркестана. Это проявлялось в создании, например, нового коллегиального органа – Совета главного управления под председательством генерал-губернатора с широкими полномочиями. Фактически, в Проекте 1871 г. описывалась структура, примененная в современной системе органов государственной власти субъектов Российской Федерации, где при губернаторах действуют коллегии администрации³⁰⁵, но с добавлением кассационных, земских, поземельных функций. Генерал-губернатору, таким образом, оставались политические, внешнеполитические, часть административных и военные вопросы. В тексте Проекта 1871 г. уже не было обозначения действовавшей системы управления как «военно-народной», а она характеризовалась как «гражданская» либо «административно-полицейская» (§ 37)³⁰⁶.

Проект Положения 1871 г. ограничивал полномочия уездной администрации вопросами общественной безопасности и надзора за «туземными» должностными лицами. В то же время реальная власть на местах принадлежала не уездной администрации, а избираемым местным населением волостным учреждениям. Уездные власти могли лишь отменить их решения.

Фактически в Проекте проявилось стремление туркестанской администрации разделить военную и гражданскую власть в уезде, а также создать единую систему управления местным туземным населением, что упрощало полицейскую функцию и организацию на уездном уровне, позволяло российской власти привлечь местных должностных лиц к обеспечению порядка. Унификация местного управления давала возможность уравнивать права и обязанности представителей власти, которые бы руководили одним народом, а не кочевниками и оседлыми жителями по отдельности.

³⁰⁴ Там же. С. 20.

³⁰⁵ Владимирская, Кемеровская и др. области.

³⁰⁶ Васильев Д. В. Организация управления в Русском Туркестане... С. 4.

Межведомственное рассмотрение Проекта 1871 г. в Петербурге было неоднозначным. Так, МИД не мог согласиться с неоправданным расширением полномочий туркестанского генерал-губернатора, с выведением края из под апелляционных функций Сената, с правом Совета толковать Шариат³⁰⁷.

МВД также не поддержало Проект. В российской административной традиции министерские и иные советы всегда имели не более чем совещательное, консультативное значение, служили площадкой для обсуждения и принимали лишь Проекты решений, которые затем утверждались (или не утверждались) министром. Таким образом, Совет главного управления в Туркестанском крае никак не мог получить статус высшей судебной инстанции. В МВД предложили ряд мер по достижению большей самостоятельности Совета, но не более той, которая бы вписывалась в сложившуюся административную систему.

Таким образом, Проект 1871 г. был возвращен в Ташкент разработчикам с таким набором замечаний, который потребовал в будущем создания специальной комиссии. В её работе прямо и косвенно приняли участие многие военачальники и администраторы края. К началу 1873 г. комиссия предоставила новый Проект.

Переработанный Проект 1873 г. принципиально отличался от своего первого варианта отсутствием Совета главного управления. Таким образом, разработчики, пожертвовав коллегиальной формой, вернулись к структуре Положения 1867 г., где во главе макрорегиона стоял исключительно генерал-губернатор с широким кругом полномочий, который по Проекту одновременно командовал войсками Туркестанского военного округа (§ 13)³⁰⁸, а роль военных в управлении сохранялась. Но объем власти, переходивший на уровень областного губернского управления увеличивался, по сравнению с Проектом 1871 г. Редакция Проекта 1873 г. предусматривала ведение делопроизводства в канцелярии областного правления в составе трех основных отделений, а также

³⁰⁷ Васильев Д. В. Организация управления в Русском Туркестане... С. 10.

³⁰⁸ Там же. С. 12.

специальных отделов: «врачебного, строительного, лесного, горного, межевого»³⁰⁹.

По Проекту 1873 г. прослеживается эволюция военно-народного управления. В Проекте 1871 г. уездный начальник считался гражданским чиновником, а в 1873 г. он уже возглавлял «военно-народное управление» и ему подчинялись войска, расположенные в уезде. В то же время, Проект содержал и уточнение в соответствии с которым эти командные функции исполнялись лишь во время волнений и восстаний, подавление которых требовало военной силы. В мирное спокойное время уездный начальник войсками прямо не командовал (§ 58)³¹⁰.

Кроме того, разработчики Проекта 1873 г. стремились к унификации управления путем стирания различий между оседлым и кочевым населением, с максимальным приближением его к управлению во внутренних частях империи. Этот курс означал стремление к дальнейшей максимальной интеграции территорий края. Об этом свидетельствует и то, что «административно-полицейское и общественное устройство русских переселенцев предполагалось установить также по аналогии с устройством коренного населения (§ 140–145)»³¹¹.

Проект 1873 г. предполагал учреждение в городах Туркестана (областных центрах – Ташкенте, Верном и Самарканде полицейских управлений в подчинении областного управления. При этом предполагалось, что они будут работать по общему законодательству, т.е. также как и во внутренних частях империи. Сохраненный «народный» суд, с введением должностей биев и казиев, по Проекту 1873 г. не предполагал общественного или государственного финансирования, а работал на принципе «самоокупаемости», за счет традиционного бийлыка, т.е. штрафа, взимаемого с виновного лица в пределах

³⁰⁹ Васильев Д. В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. [Электронный ресурс] // Наукоедение: Интернет-журн. 2014. № 5 (24). С. 4. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf> (дата обращения: 14.05.2018).

³¹⁰ Там же. С. 13.

³¹¹ Там же. С. 17.

10% стоимости гражданского иска, либо суммы по обычаю при разрешении уголовных дел³¹².

Таким образом, Проект 1873 г. предполагал одинаковое устройство народного суда у оседлых жителей и кочевников края, только у первых судопроизводство велось на базе шариата, тогда как у вторых – адата.

Разработчики проекта стремились добровольно приобщить местное «туземное» население к российскому реформированному судопроизводству, гражданскому и уголовному закону, исключив жестокие и негуманные меры пресечения и наказания. В этой части Проект требовал доработки. Учтя критику МИДа, разработчики Проекта убрали как институт Совет главного управления, так и тезис о толковании шариата российскими уполномоченными органами. Также разработчики отказались от замены низового народного суда российским коронным судом первой инстанции. В то же время, в Проекте 1873 г. осталось право уездных начальников и военных губернаторов разрешать сложные брачно-семейные дела, руководствуясь при этом шариатом и адатом.

Проект 1873 г., хотя и был откорректирован по замечаниям МИДа и МВД, все же не получил поддержки в Петербурге. Обсуждение возобновилось в 1881 г. и продолжалось до 1886 г., когда, наконец, было принято Положение об управлении Туркестанского края.

В целом, проекты 1871 г. и 1873 г. отражали позицию военно-народной администрации Туркестанского края. Концентрация власти у генерал-губернатора с ликвидацией традиционных административных и судебных институтов, уравнивание в правах кочевников оседлых жителей края, приближение их к статусу податного населения внутренних губерний, предоставление российской администрации прав толкования российских актов региональной политики и шариата не были утверждены в Петербурге.

Редакция Проекта 1871 г. позволила минимизировать внутренние противоречия Проекта 1873 г., должны была сузить полномочия российской краевой власти, обосновано акцентируя внимание на областном и уездном

³¹² Там же. С. 18.

управлении, развивая концепцию унификации управления кочевого и оседлого населения. Авторы Проекта 1873 г. несколько затормозили административное сближение края с внутренними частями империи, в том числе и консервацией традиционных институтов, что свидетельствовало об отказе от политики интенсивной принудительной интеграции и инкультурации.

Таким образом, мы видим, что попытки реформировать систему управления в крае осуществлялись. В различных вариациях местные чиновники готовили проекты, в которых нашло отражение понимание архаичности Положения 1867 г. В то же время, ни местная администрация, ни правительство не стремились к полной унификации местных законов по отношению к общеимперским. Было стремление лишь наметить пути к унификации. Как отметила И.Л. Дамешек, «с точки зрения государственного устройства Российская империя XIX в. представляла унитарное и централизованное государство»³¹³, но при этом она выделила такую особенность как «территориально-законодательное устройство империи»³¹⁴, то есть, законодательство, которое действовало на определенной территории, как правило на окраине империи. Это говорило о гибкости правительства в управлении отдаленными регионами, поскольку полностью подчинить их общим юридическим нормам не представлялось возможным. Невозможность на тот момент подчинить общим нормам проекты Положений выразилась в несогласии различных ведомств и министерств утвердить законопроекты.

³¹³ Дамешек И. Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Изв. Иркутск. гос. ун-та. Сер. История. 2012. № 2 (3). С. 54.

³¹⁴ Там же. С. 54.

2.3 Эволюция и особенности системы управления Туркестанским краем по Положению 1886 г.

Всю первую половину 1880-х гг. шло интенсивное обсуждение путей унификации системы управления Туркестанским краем с общей имперской административной моделью, при максимально возможном сохранении местных традиционных учреждений. В рамках этих дискуссий обсуждалась и возможность тестирования новых элементов управления, планируемых к введению во внутренних губерниях России. В 1886 г. было принято новое Положение об управлении Туркестанским краем в составе Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей³¹⁵. Статусы Семиреченской и Закаспийской областей отличались. Первая, став частью Туркестанского генерал-губернаторства, оказалась в ведении Военного министерства. Вторая была передана только под надзор генерал-губернатору.

Текст Положения с момента принятия стал рабочим документом, в который непрерывно вносились корректировки, обусловленные эмпирическим поиском путей совершенствования механизма и институтов управления в крае.

В соответствии с Положением управление Семиреченской областью основывалось на Положения об управлении Степных областей. Для Закаспийской области было свое Временное Положение. Предполагалось, что со временем будет сформировано общее управление объединенными областями генерал-губернаторства. В 1897 г. генерал-губернатору было предоставлено право (в пределах полномочий) решать вопросы правоприменения, которые могли возникнуть по действующим в Закаспийской и Семиреченской областях положениям³¹⁶. Самаркандская область делилась на четыре уезда

В соответствии с Положением Ферганская и Сырдарьинская области делились на пять уездов каждая, но последняя включала в себя еще и

³¹⁵ Свод Законов Российской Империи : в 5 кн. СПб., 1912. Кн. I, т. 2. С. 427–446.

³¹⁶ Именной Высочайший указ, данный Сенату: «О разделении Сибири и среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления». 26 декабря 1897 года. // ПСЗРИ-3. СПб., Т. 17. Отд. 1. № 14818. С. 711.

Амударьинский отдел. В 1908 г. в соответствии с Высочайшим повелением областной город Фергана был переименован в город Скобелев³¹⁷. Примечательно, что одним из результатов активной дискуссии в российской прессе об увековечении заслуг российских военачальников, отличившихся в Туркестане, по Высочайшему повелению была отменена установка бюстов Скобелева, Черняева и некоторых других офицеров³¹⁸.

Положение определяло право генерал-губернатора определять и изменять границы уездов, исходя из «ближайших соображений местных условий», уведомляя о своих решениях военного министра (ст. 5 Положения)

По Положению край получал новую структуру управления, в которую входили: главное управление, отраслевые управления и местные органы. Последние делились на областные, уездные, городские, сельские и судебные.

По своему кадровому составу управление Туркестанского края оставалось военно-гражданским, так как должности замещались как военными, так и гражданскими чинами. Но на должности губернаторов могли быть назначены только военные (прим. 4 к ст. 6). О военно-гражданском управлении свидетельствовало и то, что все вопросы, кроме суда, финансов, почтово-телеграфной связи, просвещения, оставались под руководством Военного министерства.

Главное управление размещалось в Ташкенте, а областные: Сырдарьинское – также в Ташкенте, Ферганское в Новом Маргелане, Самаркандское – в Самарканде. Центром Амударьинского отдела было Петро-Александровское укрепление. Уездные управления размещались в своих уездных центрах.

Положение не содержало отдельной главы, в которой бы закреплялись основные права и обязанности коренного населения. В то же время, уже в Преамбуле (ст. 9) декларировалось, что «туземцы Туркестанского края» как кочевые, так и оседлые пользовались всеми правами сельских обывателей, так же как городские жители – правами городских обывателей Российской империи.

³¹⁷ В 1924 г. городу было возвращено историческое название.

³¹⁸ Статьи газет об известиях из Туркестана (о торговле с сопредельными странами, об русских интересах // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1 Д. 641. Л. 65.

Кроме того, все преимущества, которые могли приобрести подданные империи, могли приобрести и «туземцы» на основании общих законов.

В соответствии с Положением, управление краем вверялось генерал-губернатору, назначаемому императором в форме указа Сенату. Аппарат генерал-губернатора состоял из помощника, также назначаемого императором Сенатским указом. По невозможности генерал-губернатора исполнять обязанности их исполнял помощник. В данном случае речь фактически шла о должности вице-губернатора, которая, так и не была учреждена, хотя неоднократно предлагалась в проектах.

Определяя правовой статус туркестанского генерал-губернатора, его подчиненность верховной власти и взаимодействие с государственным и местным органами власти, Положение отсылало к статьям 208–252 Общего Учреждения губернского. Кроме обязанностей военно-гражданского управления генерал-губернатор был полномочен входить в дипломатические сношения с Бухарой и Хивой, которые на то момент уже были российским протекторатами. Таким образом, это полномочие было не столько дипломатическим, сколько военно-административным.

Примечательно, что в делах отраслевого управления полномочия генерал-губернатора в сфере образования определялись уставами высшей школы, а также законодательством об образовании.

В городах Туркестана, где не действовало Городовое Положение 1870 г. генерал-губернатор руководил городским хозяйством «впредь до особых распоряжений», фактически на правах министра внутренних дел. Исключение делалось лишь для полномочий о списании недоимок в суммах до 10 тыс. рублей, когда требовалось разрешение МВД.

По Положению (ст. 14) генерал-губернатор утверждает результаты торгов по казенным поставкам и подрядам, их проекты и сметы, договоры с казной частных лиц до 30 тыс. рублей, а также выбирал в рамках закона способы производства работ в пределах смет.

В части политической, генерал-губернатору получил право высылать политически неблагонадежных коренных жителей в местности, определенные МВД до пяти лет, аргументировано информируя военного министра и МВД.

Также генерал-губернатор был вправе высылать за границу подданных соседних ханств и других иностранных подданных, если они вели вредную деятельность. Те же права он имел на высылку за пределы Бухарского и Хивинского ханств подданных Российской империи, чья неблагонадежность или порочность была установлена российским политическим агентом в Бухаре, а также начальником Амударьинского отдела. Положение предусматривало обязательную аргументацию и обоснованность каждой высылки.

Положением 1886 г. определялась структура и правовой статус местного управления, куда были отнесены, прежде всего, областные установления.

Областное управление по Положению состояло из военного губернатора и областного правления (ст.43). Правовой статус первых, как и статус генерал-губернатора, определялся, положениями Общего Учреждения Губернского (статьи 264–428), а также Положением (ст.44). Революция 1905 г. заставила в 1906 г. Правительство предоставить военным губернаторам право удовлетворять ходатайства землевладельцев об учреждении на условиях частного финансирования отдельных исполнительных полицейских должностей, а также должностей низших полицейских чинов. Также военный губернатор имел полномочие разрешать формирование команд пешей либо конной полицейской стражи, по правилам Учреждения Губернского (ст. 642)³¹⁹.

В соответствии со ст. 45 Положения военные губернаторы назначались именными высочайшими указами Правительствующему Сенату по сложной процедуре по представлению военного министра, согласованному с МВД и Туркестанским генерал-губернатором.

В уездном и городском управлении Положение сосредотачивало административно-полицейскую власть в руках уездного начальника, правовой

³¹⁹ Дополнено постановлением Совета Министров от 13 июня 1906 г. (ст.1) // Собрание узаконений Российской империи. 1906. 13 июня. № 1562.

статус которого приравнивался к статусу уездного исправника (ст. 59). Аппарат уездного начальника состоял из помощника и канцелярии (ст. 60).

Управление участками в уездах возлагалось на участковых приставов, назначаемых Областным правлением и приравненных к станovým приставам внутренних губерний. Области делились на несколько десятков участков (Сырдарьинская область, включая Амударьинский отдел делилась на 17, Ферганская область – на 20, а Самаркандская, соответственно – на 11 участков).

По представлению губернаторов генерал-губернатор мог назначить начальников уездов. Помощники уездных начальников, а также участковые приставы, полицмейстеры и полицейские приставы могли быть назначены уже только военным губернатором.

Уездный начальник по Положению 1886 г. получил право подвергать коренных жителей за неисполнение законных распоряжений власти, равно как и за нарушения общественного порядка³²⁰ недельному аресту либо штрафу до 15 рублей. Помощник начальника и участковый пристав мог налагать те же санкции но в меньшем объеме – аресту до трех дней либо штраф – до 5 рублей. Примечательна специализация доходов, введенная Положением. Так, штрафы направлялись улучшение пенитенциарной системы края (ст. 64).

Нарастание революционной активности, в том числе на национальных окраинах империи заставляло Правительство усиливать полицейский аппарат и ужесточать санкции. Так, с 1898 г. в местностях Туркестанского края, на которые распространялось Положение об усиленной охране, по решению генерал-губернатора, уездные начальники, а также их помощники и участковые приставы получали дополнительные карательные полномочия. За те же деяния (ст. 64) они получали право строже наказывать местных жителей.

Положение (ст. 64.1) регулировало полномочия начальника при выявлении им неисполнения его законных распоряжений лицами крестьянского самоуправления (русское население), а также при выявлении начальником

³²⁰ Примечательно, что в этом пункте уравнивались непочтение и грубость к представителям власти и непослушание родителям и их оскорбление.

совершения этими лицами ряда проступков (в Положении не вполне корректно для данного контекста использовано понятие «поступков»). Речь шла о нарушении общественного порядка, неисполнения законных требований или решения власти, а также – «грубости властям». В этих случаях начальник был полномочен привлекать виновных к ответственности на свое усмотрение: в общем порядке, либо «без формального производства», арестовать на срок до трех дней либо штрафовать до 15 рублей³²¹.

Положение (ст. 65) предоставляло право (не конкретизируя кому, т.е. неопределенному кругу лиц) административного обжалования решений (постановлений), но не действий, уездных начальников, их помощников, а также участковых приставов по ограниченному кругу предметов, очерченных в статьях 64 и 64.1. военному губернатору, либо (на решения помощника или пристава) – уездному начальнику. Положение не предусматривало судебного обжалования, равно как и обжалования решений, вынесенных указанными должностными лицами по другим статьям. В этом проявилась ограниченность документа.

Подробно излагая диспозиции и санкции различных правонарушений, Положение, кроме собственно вопросов управления, фактически включало в себя региональные кодекс об административных правонарушениях и административно-процессуальный кодекс.

Городами в целях административно-территориального деления и управления признавались населенные пункты, где располагались областные и уездные управления, а также Старый Маргелан, Туркестан, Чуст, Уратюбе и Пенджикент. По своему усмотрению военный губернатор с разрешения генерал-губернатора был полномочен вводить упрощенное общественное управление в составе городского старосты. Аналогичное положение действовало и в других окраинах империи, в частности, в Сибири.

В соответствии со ст. 68 Положения до введения общественного управления, городские вопросы решали уездные начальники, а в городах, где их

³²¹ Штрафы, поступающие во исполнение постановлений уездных начальников, также направлялись на улучшение мест предварительного заключения и лишения свободы.

не было – участковые приставы³²². Эта сложная коллегиальная система была призвана подготовить городское сообщество и институты управления к введению самоуправления по нормам реализованной во внутренних губерниях, городской реформы.

Ташкентом управлял начальник города, имевший в штате помощника. Правовой статус начальника соответствовал статусу уездного начальника. В Ташкенте действовало и самоуправление, именуемое в Положении общественным управлением. Полицейские функции в русской и «туземной» частях Ташкента, а также в Новом и Старом Маргелане, а также Самарканде исполняли полицейские управления, чей статус определялся общими узаконениями, но при этом ташкентский полицеймейстер подчинялся начальнику города. Во всех других городах Туркестана полицией руководили уездные начальники или полицейские приставы.

В соответствии с Положением 1886 г. туркестанские города населенные коренными жителями делились на части, количество которых определяло областное правление или военный губернатор. Частями управляли избираемые населением старшины (аксакалы). Старший аксакал, назначенный военным губернатором осуществлял в городе «высший политический надзор», руководил низшими полицейскими чинами из числа местного населения, содержащихся, как и всё городское управление из городского бюджета.

Так определяло Положение, однако хронические дефициты городских бюджетов, особенно в малых городах, заставили руководство Туркестана «впредь до увеличения общественных доходов» назначать на полицейскую службу нижних чинов из расквартированных войск. Таким образом, в части расходов на полицейскую команду, расходы местного самоуправления замещались средствами государственного казначейства.

³²² Примечательно, что возложение указанных функций рассматривалось как совмещение или сверхурочная работа, за которую уездные начальники и участковые приставы получали доплату из городских средств. Такое положение противоречило российскому (противоречило бы и сегодня) законодательству, но в Туркестане считалось допустимым.

Выборы аксакалов производились на съезде городских выборных по правилам и в процедуре избрания волостных управителей (статьи 82, 83, 87, 89 и 90). Представители коренного населения (выборщики) избирались по кварталам (махалля) сходами домовладельцев также как это происходило при выборах на волостной съезд, т.е. по правилам статей 84 и 85 Положения.

Сход созывался старшинами, по указанию старшего аксакала. Ход схода контролировался старшим аксакалом (прим. 2 ст.71), который не мог вмешиваться в процесс выборов. То же относилось и к уездному начальнику и начальнику города, полицеймейстеру и участковому приставу, которые лишь наблюдали за порядком на сходе, но не могли в нём участвовать.

Старший аксакал, как и аксакалы, могли наказывать горожан за маловажные проступки, соразмерно наказаниями налагавшимся волостными управителями и сельскими старшинами (ст. 98 Положения)³²³. Действия аксакалов могли быть обжалованы в городскую полицию, начальнику города, уездному начальнику либо полицеймейстеру.

С постепенным введением общего имперского городского управления, институт аксакальства упразднялся. Первым это произошло в Ташкенте и Старом Маргелане.

По Положению (ст. 71.2) городские старшины имели обязанности волостных управителей (ст. 99), а также собирали с коренного населения налоги, контролировали исполнение повинностей, выдавали квитанции на собранные суммы. Съезд городских выборных назначал старшинам жалование, а также утверждал расходы на штат писарей и курьеров.

Ответственность аксакалов за должностные преступления и проступки также была аналогична ответственности волостных управителей (ст. 102–104, 105).

Итак, Положение 1886 г. все же не было целостным. Семиреченская и Закаспийская области управлялись на основании разных документов. Особое

³²³ Штрафы направлялись в городские доходы.

положение было у Амударьинского отдела, региона, включенного в Сырдарьинскую область. Но, относительно прежнего Положения, Положение 1886 г. было совершеннее. Так, в структуре местного управления прослеживалась более упорядоченная вертикаль – они делились на областные, уездные, городские, сельские и судебные органы. Должности в системе управления теперь замещались как военными, так и гражданскими лицами, кроме должностей губернаторов. Коренным жителям давалось право пользоваться правами сельских или городских обывателей наравне с остальными подданными государства. Полномочия генерал-губернатора по дипломатической части ограничивались сношениями с протекторатами Бухарой и Хивой, с правом высылки неблагонадежных лиц за пределы России жителей этих государств.

Положение более детально регулировало полномочия уездной администрации и делало понятной и прозрачной ее работу. Была подробно прописана система организации института аксакальств.

2.4 Проекты реформирования системы управления Туркестанским краем в начале XX в.

В начале XX в. в Туркестане продолжала функционировать «генерал-губернаторская» система управления. Российской государственную администрацию возглавлял назначаемый императором генерал-губернатор. Его аппарат состоял из Совета, чиновников особых поручений, а также переводчика. Документооборот шел через канцелярию.

В подчинении генерал-губернатора находились военные губернаторы, управлявшие областями. Уездами руководили уездные начальники. Волость во главе с выборным волостным управителем оставалась основной административно-территориальной единицей вне немногочисленных городов.

Примечательно, что в структурах управления отсутствовал орган специально отвечающий за развитие предпринимательства, инвестиционного климата. «Вестник финансов, промышленности и торговли» (13 (15) июля 1894 г.)

подчеркивал, что постепенное территориальное, пограничное и таможенное обустройство российской Средней Азии должно сопровождаться расширением заботы об экономическом развитии ³²⁴, чего на практике не наблюдалось. Правительство в большей степени было озабочено вопросами с трудом налаживаемого местного управления и самоуправления.

Оседлое коренное население, проживавшее в территориально обособленных районах – аксакальствах избирало своих аксакалов (сельских старшин), кочевники составляли аульные общества, которые также выбирали аульных старшин.

Особенностью правового статуса Туркестана была его неопределенность. С момента присоединения и до 1886 г. регион управлялся на базе временных актов. Речь идет о четырех «Временных положениях об управлении». Для Сырдарьинской и Семиреченской областей в 1867–1886 годах – действовало Временное положение 1867 г. Для Зеравшанского округа действовало также Временное положение 1868 г. (первого Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана). Амударьинский отдел управлялся по Временным правилам 1874 г., а Ферганская область – по проекту Положения 1873 г. (которое не было утверждено).

Эту ситуацию, с одной стороны, нельзя признать нормальной, но с другой следует признать обычной для России. Так Сибирское уложение было принято только в 1822 г., когда Сибирь уже не одно столетие входила в состав Российской империи. «Положения об управлении Кубанской и Терской областями и Терскими казачьими войсками» также долгое время действовали в проектах. Эти примеры можно продолжать.

Развитие края, потребности унификации управления, повышения его эффективности требовали закрепления постоянного правового статуса территорий. В этой связи 12 июня 1886 г. Александр III утвердил «Положение об управлении Туркестанского края», разработанное специально созданной для этого Комиссией при Военном министерстве.

³²⁴ Статьи, заметки из газет о Туркестане, Ср. Азии // РГАДА. Ф. 1385. Оп.1 Д. 643. Л. 82.

Новое Положение однозначно свидетельствовало об эволюции управления от военно-народного к военно-гражданскому. На административные посты в крае начали назначаться гражданские чиновники, тогда как ранее все должности замещались только военными. По сути, военными теперь оставались генерал-губернатор, одновременно бывший командующим войсками Туркестанского военного округа, а также военные губернаторы, командовавшие войсками в областях.

Как и следовало ожидать по опыту предшествующих проектов 1871 и 1873 гг., новое Положение, попало под «огонь» критики, прежде всего со стороны правоприменителя, т. е. туркестанской администрации. Г.П. Федоров³²⁵ признавал документ «при первом же применении на практике... никуда не годным»³²⁶. Критика была понятна, так как Положение 1886 г. фактически юридически оформляло сложившиеся в крае административные отношения территориальных учреждений министерств, Туркестанского генерал-губернатора, а также органов местного управления и самоуправления.

Сложно согласиться с тем, что эти отношения были не регламентированы³²⁷, они были регламентированы, но эта регламентация, считаем, не устраивала стороны административного взаимодействия – Санкт-Петербург и Ташкент.

В соответствии с Положением 1886 г. полномочия генерал-губернатора были сужены за счет исключения из его надзора судебных и финансовых вопросов, функций контроля, а также вопросов образования и связи, которые перешли соответствующим министерствам. Все прочие министерства в соответствии с «Общей инструкции генерал-губернаторам»³²⁸ должны были взаимодействовать с органами местной «профильной» власти через канцелярию генерал-губернатора. В то же время, начальники учреждений, образованных после

³²⁵ Фёдоров Георгий Павлович – российский государственный деятель, в 1870–1910 гг. служил в Туркестане, прошел путь от подпоручика до тайного советника, последние 10 лет руководил канцелярией генерал-губернатора.

³²⁶ Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае // Ист. вестн. 1913. Т. 134, № 11. С. 444–445.

³²⁷ Шушкова М. Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в. разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый ист. вестн. 2012. № 12. С. 7.

³²⁸ Свод законов Российской империи: Общие губернское учреждение. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1. С. 15.

принятия Положения 1886 г., могли прямо взаимодействовать с министерствами, получая директивы, минуя генерал-губернатора.

Все это сужало полномочия и объем власти туркестанского генерал-губернатора, наравне с которым, независимо, теперь действовали по инструкциям своих министерств их территориальные учреждения, реализуя помимо государственных, неизбежно, и свои ведомственные интересы, которые нередко вступали в противоречие с генерал-губернаторским видением ситуации в крае. Об этом руководители края постоянно напоминали императору³²⁹.

Примечательно, что начавшийся переход к военно-гражданскому управлению, встретил активное противодействие российских военных. Здесь нам сложно согласиться с М.Е. Шушковой в том, что дело было в привычке местного населения, видевшего авторитет только в военном управлении, устранение которого, по её мнению, «вело к падению престижа российских властей в Туркестане»³³⁰. «Престиж» обеспечивался не погонами и оружием, а привлекательностью власти, её способностью обеспечить соблюдение прав коренного населения, вести эффективную социально-экономическую политику в его интересах. Военные воспринимали ситуацию, иначе, полагая, возможно, край колониальным захватом, порабощенной территорией. Туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский в своем отчете за 1889–1895 гг. высказался резко против любых «опытов введения и насаждения в крае общегубернских порядков», так как такие попытки, по его мнению, не могли «рассчитывать на твердый устой», ввиду того, что край пока «не настолько благоустроен, а население его не настолько благонадежно и в гражданском отношении развито»³³¹. Местное коренное население генерал-губернатор считал не подданными Российской империи с равными правами, а «трехмиллионной, враждебной нам по своим религиозным убеждениям массой», которую следовало и далее «держат в послушании и покорности», опираясь при этом не «на гражданские учреждения, а

³²⁹ Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г. ... С. 3.

³³⁰ Шушкова М. Е. Указ. соч. С. 8.

³³¹ Цит. по: Шушкова М. Е. Указ. соч. С. 8.

на страх перед нашими военными гарнизонами»³³². Фактически руководитель края признавал крах проводившейся в течение почти трех десятилетий социально-экономической региональной политики, признавая Туркестан не более чем поработанной колонией.

Военные болезненно восприняли введение Положением 1886 г. гражданского управления вместо «военно-народного». Генерал-губернатор А.Б. Вревский, ссылаясь на непонимание нового статуса власти коренным населением, привыкшим, по его мнению, уважать только твердую и единую (т.е. военную) власть. Губернатору, как и всякому российскому военному и консерватору³³³, явно претила республиканская идея разделения властей в виде разрозненных, независимо и несогласованно действующих учреждений³³⁴. По мнению, генерал-губернатора «строгое согласие» могло обеспечить лишь единоначалие военной власти. Это подход явно противоречил концепции Петербурга о полной интеграции Края в состав империи и всех её пореформенных институтов.

Предметом постоянного конфликта стала организация переселенческого дела. Как и в российских регионах Сибири и Дальнего Востока для подготовки переселенческой кампании в Туркестане сформировали переселенческие партии. Их статус, в соответствии с указанной нами выше российской административной традицией, был временным, а соответственно – неопределенным. На практике руководитель партии получал указания как от краевых властей (генерал-губернатора и военных губернаторов), так и от Переселенческого управления, которое до 1905 г. входило в структуру МВД. Кроме того, переселенческая политика входила в сферу интересов Отдела земельных улучшений и Департамента земельных имуществ Министерства земледелия и государственных имуществ³³⁵.

³³² Там же. С. 8.

³³³ Вревский Александр Борисович (1834–1910) – российский военный деятель, генерал от инфантерии, Туркестанский генерал-губернатор в 1889–1898 гг.

³³⁴ Цит. по: Шушкова М. Е. Указ. соч. С. 12.

³³⁵ Пален К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1909. С. 27.

Конфликт между региональными властями и Переселенческим управлением возник на почве согласования предоставления земельных участков, лучшими из которых центральные власти планировали наделять переселенцев, категорически против чего выступал генерал-губернатор, опасавшийся бунтов коренного населения и без того страдавшего от орошаемого малоземелья.

Региональная власть предлагала центральной, наладить орошение новых земель и уже их предоставлять переселенцам. В свою очередь, Переселенческое управление изыскивало, по его данным, пустующие земли в Туркестане, предполагая их под переселение, за ненадобностью коренному населению³³⁶. В феврале 1908 г. военный министр А.Ф. Редигер предложил Совету Министров временно закрыть Туркестан для переселения, после чего на обложках переселенческих справочников появились предупреждения об отсутствии в Туркестане свободных земель³³⁷.

Примечательно, что под воздействием определенных успехов реформ П.А. Столыпина, в российской прессе и кулуарах власти началось обсуждение возможности распространения на Туркестан хуторского хозяйства. При этом высказывались как суждения, о том, что это «невозможно или затруднительно», так и о том, что это «естественно и легкоустроимо». В последнем случае, исключительно из соображений местных условий, его рекомендовано было вводить³³⁸, хотя администрация края не имела по этому вопросу четкой позиции.

Региональные власти в лице генерал-губернаторов А.Б. Вревского и А.В. Самсонова выступили резко против введенного Положением 1886 г. института Совета, имевшего совещательные функции в делах управления, кроме вопросов поземельных отношений и налогов, решение по которым принималось простым большинством голосов.

Позиция генерал-губернатора нередко расходилась с позицией Совета, что вынуждало генерал-губернатора апеллировать в Петербург. А.В. Самсонов

³³⁶ Пален К. Указ. соч. С. 29.

³³⁷ Цит. по: Шушкова М. Е. Указ. соч. С. 6.

³³⁸ Статьи газет об известиях из Туркестана (о торговле с сопредельными странами, об русских интересах // РГАДА. Ф. 1385. Оп.1. Д. 641. Л. 2.

считал, что серьезные вопросы в Совете решают люди, чья ответственность за результаты не определена. В результате Совет превратился в арену противоборства узких и ведомственных интересов³³⁹.

Сложно шло распространение на Туркестан российских пореформенных судебных установлений. Речь идет о выведении коронных и народных судов (шариат и адат) для коренного населения из подведомственности генерал-губернатора. Лишь первому Туркестанскому генерал-губернатору Кауфману император предоставлял судебные полномочия, последующие руководители края, в соответствии с Положением 1886 г., были отстранены от функций апелляции.

Переходный характер судебной системы Туркестана имел очевидные институциональные недостатки. Так, например, по жизненно важному для местной экономики вопросу орошения, возникали острые споры между волостями, расположенными выше по течению и теми, что располагались ниже. Первые по своим арыкам отводили столько воды, сколько считали нужным, в результате чего низовым жителям воды уже не хватало. Споры по этим вопросам рассматривали народные суды. Российская администрация сюда не вмешивалась, так как водопользование (ст. 256 Положения 1886 г.) было отнесено к подсудности народных судов. Ущемленная часть коренного населения, таким образом, лишалась возможности апеллировать к верховной власти в крае.

Передача Закаспийской и Семиреченской областей по высочайшему указу ³⁴⁰ от 26 декабря 1897 г. Туркестанскому генерал-губернаторству существенно осложнила практику управления в крае. Вторая, войдя в состав края, еще с 1882 г. входила в Степное генерал-губернаторство и теперь область управлялась по «Положению об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей» 1891 г. Отметим, что вокруг военно-административного подчинения Семипалатинской области шла активная дискуссия. Здесь интересна аналитическая записка подполковника В.С. Проценко,

³³⁹ Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г. ... С. 54.

³⁴⁰ Именной, данный Сенату, о разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответственными изменениями в устройстве их высшего гражданского управления. 23.12.1897 // ПСЗРИ. Собр. 3-е Т. 17. № 14818.

который акцентировал внимание на неудобстве соединения Семипалатинской и Туркестанской областей в один военный округ³⁴¹. Закаспийская область, относившаяся ранее к Кавказскому наместничеству и, соответственно, входившая в Кавказский военный округ с подчинением Военному министерству, управлялась по «Временному положению об управлении Закаспийской областью» 1890 г., где в соответствии со ст. 4 начальник области имел широкие полномочия, «заведывая местным населением во всех отношениях». В это же время, генерал-губернатор Туркестана, был к тому моменту уже ограничен во власти, так как из под его юрисдикции были выведены судебные, финансовые, контрольные, образовательные и почтово-телеграфные установления. Положение об управлении Семиреченской областью во многом соответствовало «Положением об управлении Туркестанского края» 1886 г., за исключением вопросов Семиреченского казачьего войска.

Анализируя Положение 1886 г. М.Е. Шушкова делает на наш взгляд, не вполне обоснованный вывод о том, что оно (в части «коренных областей»), т.е. Ферганской, Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей к началу XX в. не соответствовало экономической и политической ситуации в регионе.

Аргументы указанного автора сводятся к прокладке в 1888 г. Закаспийской военной железной дороги, превращению Туркестана в хлопковую сырьевую базу (Е.М. Шушкова полагает, что это произошло «благодаря американскому хлопку»). Также она исходит из того, что обширная территория края «играла большую роль в устройстве» малоземельного русского крестьянства.

Полагаем, что данные аргументы не относимы к критике собственно Положения 1886 г., как документа формирующего институциональную структуру и институциональную среду региона, регламентирующего систему и структуру органов государственного и местного управления, а также права и обязанности их должностных лиц. Прокладка железной дороги или развитие хлопководства никак не может дискредитировать указанный нормативный правовой акт. Интенсивное

³⁴¹ Записка подполковника Проценко «О неудобствах соединения Семипалатинской области с Туркестанской в один военный округ (копия) // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 695. Л. 1–8.

экономическое развитие края скорее свидетельствует в его пользу. Что касается переселения, то его проблемы были обусловлены сложными для крестьянства внутренних губерний природно-климатическими, этноконфессиональными условиями, удаленностью территории, т.е. объективными причинами³⁴², но никак не дефектностью нормативно-правового регулирования системы управления в крае.

Другое дело, когда три одновременно действующих положения о территориальном управлении усложняли процесс принятия решений. Этот момент требовал либо разработки единого акта, либо административного разукрупнения подведомственной территории.

Задача разработки объединенного документа была поставлена туркестанским генерал-губернатором Н.А. Ивановым в мае 1902 г. перед Особой комиссией под председательством опытного управляющего канцелярией генерал-губернатора К.А. Несторовского, который, не будучи политиком, скорее выполнял роль координатора нового органа, в состав которого вошли и.о. помощника управляющего канцелярией полковник Коишевский³⁴³, и.о. старшего штаб-офицера для особых поручений капитан С.А. Геппенер³⁴⁴, а также делопроизводитель канцелярии коллежский секретарь Каплун³⁴⁵.

Правовой статус комиссии, состоявшей исключительно из служащих управления края, вызывает большие сомнения. Получалось, что орган государственной власти (а точнее, вспомогательный персонал его аппарата, т.е. канцелярские служащие) сам разрабатывал положение о себе, тогда как такая прерогатива принадлежала верховной власти, т.к. планируемое положение имело статус если не закона, то нормативного правового акта и затрагивало права и

³⁴² Брежнева С. Н. Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением // Науч. вест. Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. 2016. Вып. 37, № 1 (222). С. 115–116.

³⁴³ Федоров Г. П. Указ. соч. С. 148. (По воспоминаниям Г. П. Федорова уездный начальник, полковник Коишевский относился к «бесспорно самым выдающимся в крае по своим блестящим способностям и безукоризненной репутации» офицерам).

³⁴⁴ Егоров Н.Д. Русский генералитет накануне Гражданской войны : материалы к биографическому справочнику. М., 2004. С. 172. (Геппенер Сергей Андреевич (1863–1937) – российский офицер, с 1890 г. служил в Туркестанском военном округе).

³⁴⁵ Шушкова М. Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2015. 313 с.

интересы (понятие «свободы» тогда не использовалось) не только населения, но и должностных лиц.

К сентябрю 1903 г. Комиссия, без привлечения экспертов и местного сообщества, подготовила проект нового Положения, которое не учитывало Закаспийскую область, где почти не было городов и большинства краевых учреждений. В 1901 г. военный министр просил императора продлить действие «Временного положения об управлении Закаспийской областью», что нашло понимание и действие документа было «продлено по 1 января 1908 г.»³⁴⁶.

Подготовленный комиссией проект нового Положения получил в целом отрицательную оценку министерств. Министерства выделили основное направление административной мысли разработчиков проекта нового Положения – рост штатов и содержания региональной администрации, что плохо согласовывалось с задачей интеграции системы управления краем в российскую систему управления.

На этом фоне Совет министров все более склонялся к выводу Туркестанского края из подведомственности Военного министерства с передачей в структуру Министерства внутренних дел, что означало интеграцию края в систему губернского управления.

17 апреля 1906 г. этот вопрос очередной раз рассматривался Советом министров, где военное управление считали не эффективным институтом регионального управления, как думала туркестанская администрация, а лишь временной и переходной, до завершения военных аспектов присоединения, мерой³⁴⁷. На фоне событий первой русской революции вопрос управления далеким Туркестаном не казался приоритетным, поэтому принятие решения затягивалось³⁴⁸.

С наступлением относительной политической стабилизации, летом 1907 г. в Петербурге было сформировано Особое совещание, целью которого было

³⁴⁶ Цит. по: Шушкова М. Е. Указ. соч. С. 11.

³⁴⁷ Об этом свидетельствует и частая сменяемость генерал-губернаторов Туркестана. В 1867–1917 гг. эту должность занимали 13 офицеров. Из них лишь К. П. Кауфман прослужил в должности 15 лет, А. Б. Вревский – 9 лет и А. В. Самсонов и Н.О. Розенбах – по 5 лет.

³⁴⁸ Особые журналы Совета министров царской России 1906–1917 гг.: 1908 год. М., 1984. С. 171–176.

создание нового документа по управлению Туркестанским краем под председательством того же К.А. Несторовского.

Это стало единственно возможным законным способом нормотворчества. Напомним, что в предыдущих случаях предпринимались попытки разработки нормативных документов органами, деятельность которых эти документы должны были регулировать. Первый год работы Особого совещания прошел безрезультатно, так как его участники не имели новых и актуальных сведений о положении региона, полученных из независимых источников. Лишь в марте 1908 г. Николай II инициировал ревизию Туркестанского края, поручив её сенатору К.К. Палену. Полученные данные предполагалось предоставить в распоряжение Особого совещания³⁴⁹.

К слову, тогда же в марте 1908 г. в «Новом времени» разгорелась активная дискуссия о памятнике К.П. Кауфману в Ташкенте, конкурс на проект которого объявила Туркестанская администрация, высоко ценившая заслуги первого генерал-губернатора. Академия художеств выбрала победителя и премировала его³⁵⁰, что вызвало бурную реакцию в прессе. Изготовленный на пожертвования³⁵¹ памятник был открыт 4 мая 1913 г., но простоял недолго и был демонтирован в 1919 г.

Ревизия К.К. Палена выявила отсутствие базовых сведений: о поземельном устройстве, темпах и масштабах колонизации, состоянии сельского хозяйства и в особенности ирригационных систем. Военное руководство края в свое время не уделяло этим вопросам пристального внимания. В связи с этим Военное ведомство просило приостановить работы Совещания до подведения итогов ревизии К.К. Палена³⁵². Кроме того, разработка нового документа затягивалась и сопровождалась межведомственными противоречиями и непрекращающимися согласованиями.

³⁴⁹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края... Краевое управление. СПб., 1910. С. 37.

³⁵⁰ Статьи газет об известиях из Туркестана (о торговле с сопредельными странами, об русских интересах // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 641. Л. 64.

³⁵¹ Там же. Л. 66.

³⁵² Особые журналы Совета Министров Российской империи 1909–1917 гг.: 1909 год. М., 2001. С. 74–75.

Выводы К.К. Палена фактически дискредитировали систему «военно-народного» управления, по крайней мере, в её «народной» части. Патриархальный уклад «туземцев» в действительности состоял в решении всех вопросов исключительно беями, состоятельными членами общества. Российские выборы должностных лиц фактически изначально превратились в фикцию. Местная демократия с предоставлением всем дворохозяевам пассивного избирательного права так и не была понята коренным населением. Российские власти, выступая «демократизаторами» попали в типичную институциональную ловушку, в которую в XX в. неоднократно попадали США, принудительно насаждая демократию и проводя выборы в странах, исторически с ней не знакомых и не подошедших к пониманию демократических порядков в западном смысле.

По сведениям К.К. Палена население Туркестана сознательно и самостоятельно не участвовало в выборах. При этом, так называемые избиратели были просто «пешками в руках немногих влиятельных лиц». Пален объяснял это отсутствием у коренного населения гражданской зрелости и, соответственно, сознательного отношения к общественному делу. Таким образом, «выборы» «туземных» должностных лиц превращались в единственный легитимный (с точки зрения российской администрации) способ достичь власти и богатства, что разительно контрастировало с миром сельских обывателей внутренней России, где выборные должности рассматривались как тягостная повинность³⁵³.

К.К. Пален развеял миф о том, что выборы поднимали гражданский уровень коренного населения Туркестана, будучи цивилизаторским элементом в отсталом регионе. Здесь Пален писал не об «отдельных недостатках» системы выборов, а о её полной несостоятельности. На практике «выборы» представляли собой манипуляции местной верхушки с разделами сельских обществ и волостей.

Отметим, что выводы ревизии не стали открытием. Ещё в 1868 г. в Объяснительной записке к проекту Положения об управлении в Киргизских степях туркестанская администрация указывала на цивилизационный конфликт,

³⁵³ Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К. К. Паленом. Т.6. Сельское управление. СПб., 1910. С. 10.

выразившийся в непригодности российских электоральных институтов для туркестанских условий³⁵⁴, когда избирательные принципы извращались до фикции, манипулируемой местной знатью.

Примечательно, что уже тогда в Туркестане использовали электоральную «карусель», считающуюся российским изобретением 1990-х гг. Прием состоял в фиктивных причислениях населения одной волости в другую для обеспечения победы определенного кандидата на «выборах». Эта незаконная, но нормальная с точки зрения туземцев, деятельность запутывала землепользование, стимулировала рост земельных споров, пребывание на выборных должностях не избранников народа, а марионеток верхушки. К.К. Пален пришел к однозначному выводу о крахе попыток привить коренному населению принципы пореформенного российского общественного самоуправления. В этой связи он считал невозможным на существующей системе сельского управления проводить какие-то реформы. Описанный Паленом строй, очевидно для ревизоров сдерживал экономическое и политическое развитие коренного населения и территории в целом³⁵⁵.

Доклад и предложения К.К. Палена в декабре 1910 г. легли в основу решения Совета министров о формировании третьего состава Особого совещания, под председательством Государственного контролера П.А. Харитонова³⁵⁶. Этот состав должен был на базе актуальных сведений ревизии выработать начала, т.е. общие принципы управления Туркестаном.

С 1911 г. Особое совещание работало постоянно с участием представителей заинтересованных министерств, а также сенатора К.К. Палена и Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова, который предлагал, прежде всего, существенно расширить полномочия генерал-губернатора, напрямую подчиненного императору. При этом власть генерал-губернатора, по мысли

³⁵⁴ Объяснительная записка к проекту положения об управлении в Киргизских степях // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 660. Л. 8–9.

³⁵⁵ Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К. К. Паленом.. СПб., 1910. Т.6: Сельское управление. С. 12.

³⁵⁶ Харитонов Пётр Алексеевич (1852–1916) – российский государственный деятель, юрист, в 1907–1916 – государственный контролер. Был зятем первого генерал-губернатора Туркестана К. П. Кауфмана.

Самсонова, должна была распространяться и на территориальные органы и учреждения «центральных министерств и главных управлений, за исключением Министерства императорского двора и уделов, Министерства Юстиции, Государственного контроля и Государственного банка»³⁵⁷.

А.В. Самсонов исходил из того, что в рамках действовавшего на тот момент Положения 1886 г., министерства не согласовывали свои действия с генерал-губернатором.

Таким образом, А.В. Самсонов исходил из консервации модели жестко централизованного военно-народного управления в крае с прямым подчинением Верховной власти, т.е. статуса, аналогичного Кавказскому наместнику, имевшему широчайшие полномочия решения любых вопросов, не требующих принятия новых законов. Так, наместник мог назначать и увольнять должностных лиц, привлекать их к ответственности, производить в чины, награждать и назначать пенсии³⁵⁸. В целом, Кавказский наместник в отличие от Туркестанского генерал-губернатора, не был стеснен полномочиями министерств.

Как и следовало ожидать предложения А.В. Самсонова не нашли поддержки в Особом совещании, в них усмотрели опасность обособления края, в противовес курсу на интеграцию окраин с внутренними частями губернии, с распространением на них общего управления. Кроме того, Совещание сочло важным предоставление министерствам полных полномочий в крае, что также бы означало и возложение на них ответственности.

В качестве компромисса Совещание включило в проект нового Положения обязательность получения министрами и главноуправляющими предварительного заключения Туркестанского генерал-губернатора по решаемым ими вопросам края.

Также генерал-губернатор получал право ревизовать край в целом и все подведомственные учреждения. По вопросу о подчинении «начальнику края» руководителей территориальных учреждений центральных министерств

³⁵⁷ Шушкова М. Е. Указ. соч. С. 13.

³⁵⁸ Шушкова М. Е. Указ. соч. С. 14.

развернулась дискуссия, результатом которой стало полномочие генерал-губернатора на ознакомление с перепиской руководителей территориальных органов министерств с министерствами.

По вопросу статуса уездной полиции, которая лишь формально существовала в Туркестане³⁵⁹. Признав необходимость существования уездной полиции, Совещание фактически не решило вопрос её статуса и финансирования, переведя его на всегда скудные местные средства, что обусловило не просто слабость, а фактической отсутствие полиции.

Особое совещание разрешило вопрос ведомственной принадлежности Туркестанского генерал-губернаторства, которое предлагалось, по примеру прочих окраин передать в подведомственность Министерства внутренних дел, что стало продолжением курса Совета министров, принимавшего решения об этом 16 апреля 1906 г. и 30 июля 1907 г. Сам момент передачи должен был состояться в момент введения в действие разрабатываемого Совещанием нового Положения. Таким образом, до этого момента генерал-губернаторство оставалось в ведении Военного министерства.

Результаты работы Особого совещания (осень 1912 г.) следует признать удовлетворительными. Были учтены мнения и позиции всех сторон, реальное состояние края, продолжен курс на его включение в империю на общих основаниях.

Предложения Особого совещания поступили на рассмотрение и утверждение Совета министров, которое состоялось в ноябре 1912 г. Пересмотр Положения 1886 г. Совет министров поручил Военному министерству.

При этом основные положения нового документа на базе рекомендаций Совещания, готовил туркестанский генерал-губернатор. Военное министерство, в свою очередь, обеспечивало межведомственное согласование и направляло готовый проект Совету министров, который вносил его в Государственную думу. Столь сложная процедура обрекала проект на длительный процесс принятия.

³⁵⁹ По действовавшему на тот момент Положению 1886 г. уездная полиция содержалась за счет российских переселенцев, что для них было крайне обременительным.

Возложение на туркестанского генерал-губернатора функций не просто координатора, а фактически автора проекта Положения, вызывало обоснованную критику министров и главноуправляющих. Со своей позицией выступил Главный штаб, предложив подготовить проект в своей Азиатской части с участием представителей администрации Туркестанского края и заинтересованных министерств, против чего выступил генерал-губернатор Самсонов. Он считал, что главный штаб «мало сведущ» относительно ситуации в крае и не знает его особенностей. При этом А.В. Самсонов поставил Главный штаб в известность, что разработка проекта уже идет в администрации Туркестана. Таким образом, А.В. Самсонову удалось «продать» свои интересы.

С октября 1914 г. генерал-губернатором Туркестана был назначен генерал Ф.В. Мартсон, совершенно незнакомый с ситуацией в крае и деталями обсуждения проекта Положения, соответственно и подготовка проекта нового Положения осложнялась массовой мобилизацией офицеров туркестанской администрации в действующую армию.

Новый руководитель, солидаризируясь с позицией Самсонова об исключительно местной разработке проекта нового Положения, уведомлял Главный штаб о вынужденном замедлении работ по объективным причинам. Летом 1916 г. туркестанский генерал-губернатор признал невозможность в военных условиях завершить работу над проектом.

22 июля 1916 г. эстафету подготовки проекта перенял последний генерал-губернатор Туркестана генерал А.Н. Куропаткин. Завершить его не удалось.

Таким образом, с момента присоединения на протяжении 50 лет Туркестан так и не получил полноценного законодательного (не временного и не ведомственного) акта, способного обеспечить правовое регулирование системы управления, а также складывающейся и развивавшейся сложной совокупности общественных отношений в крае. Российской административной системе не всегда удавалось оперативно реагировать на вызовы времени. Порой она не справлялась с задачей согласования позиций и интересов управляемой территории и управляющего центра. По этой причине не были решены и задачи

завершения эволюции «военно-народного» в гражданское управление. Но тем не менее, это не означало отсутствие такой эволюции, которую длительное время игнорировали в российской литературе. Её подтверждением стал отказ (пусть и половинчатый) от проекта приравнивания управления в Туркестане к исключительно военному управлению как в Кавказском наместничестве. Совет Министров, не всегда последовательно и настойчиво, но отстаивал идею совершенствования управления на базе постепенного сближения с действовавшей во внутренних губерниях российской административной моделью управления.

Заключение

Эволюция военно-административного управления Туркестаном по направлению к гражданско-административному носила сложный и противоречивый характер. Один правовой режим управления не перешел последовательно и напрямую в другой. Происходила их параллельная коэволюция, сопровождавшаяся конфронтацией различных управленческих подходов. Медлительность коэволюции обусловила специфичность ситуации, при которой сложно формально определить какой режим управления следовало называть «старым», а какой «новым», хотя формально туркестанская администрация отставала первый, а правительство (министерства) – второй. Обе стороны, игнорируя мнение как местного, так и российского общества, непрерывно спорили о приоритетах, канализируя дискуссию в процессы бюрократических взаимодействий и согласований, которые по обычаям делового оборота того времени, воспринимались как основа административных преобразований.

В целом, направление развития систем государственного регионального управления и местного «народного» самоуправления, в присоединенном к Российской империи Туркестане, отражало общий политический курс российского правительства на постепенную, без реформаторских «прорывов», интеграцию национальных окраин в губернскую структуру. Данные процессы следует оценивать как позитивные, поскольку коренное «туземное» население получало легитимную ненасильственную возможность реализовать европеизированную пореформенную систему регионального управления и судопроизводства.

Российское правительство не смогло выработать стройную теоретическую концепцию и практическую программу государственной региональной политики, осознавая и формулируя лишь её основные приоритеты, основанные на геополитических представлениях российских военных и служебно-административных интересах имперской администрации Туркестана. В

результате вопрос о цели присоединения и ориентирах развития края так и остался открытым и дискуссионным, без достижения консенсуса между военной, политической и общественной элитой.

Правовое нормотворчество и практика административного управления Российской империи не знало среднесрочного и стратегического планирования, а оперативные планы были направлены лишь на решение текущих задач. Именно в этих условиях, естественная эволюция управления краем стала приоритетной, что позволяло постепенно (путем решения проблем по мере их возникновения) приблизить региональное управление, как к интересам империи, так и к интересам региона (как его понимали в Петербурге и местном региональном центре – Ташкенте).

Позиция российского правительства, как и большей части российского образованного общества, основывалась на европоцентристских цивилизационных представлениях об отсталости азиатских народов, которых империя «подтягивала» до своего уровня. Таким образом, российская экспансия в Центральной Азии рассматривались самими ее агентами не как завоевание и аннексия, а как естественная в то время для любой европейской страны, цивилизаторская миссия. Отсюда предполагалось, что присоединение к более «прогрессивному» государству было во благо присоединяемых народов и территорий.

В отношении распространения в Центральной Азии пореформенных институтов управления, самоуправления и судопроизводства (которые пока получали «обкатку» во внутренних губерниях России), следует отметить, что российская либеральная общественность видела в новых территориях возможность максимальной реализации своей модели, в особенности в сфере гражданского управления и суда. Такая позиция, с одной стороны, соотносилась с позицией правительства, стремившегося на общих основаниях интегрировать региональное управление в систему имперских институтов, с другой стороны, носила чрезмерно модернистский характер по отношению к многовековым традиционным институтам.

Российские военные (военно-гражданская администрация Туркестана, Военное министерство и Главный штаб) видели в присоединенных территориях, прежде всего геополитический плацдарм для создания буферной зоны против потенциальной британской угрозы и для охраны российских границ от «вторжений немирных киргизов». Этот южный форпост, по их мнению, необходимо было удерживать, прежде всего, военными методами, подчиняя если не враждебное, то этнически и религиозно чуждое население. Для этого требовалась сильная, централизованная военно-административная власть, а гражданское управление понималось как неэффективное и создающее угрозу национальной безопасности.

Действие двух противоположных векторов развития российской государственной политики в Туркестане обусловило медленность процессов эволюции военно-административного управления Туркестана в гражданско-административное, которое в большей степени представлялось неким идеалом, чем реальной достижимой целью. Отсутствие институтов гражданского общества не просто наложило отпечаток на эволюцию системы управления, а существенно замедлило её переход к гражданскому управлению.

Российский монарх, формально являясь системообразующим актором всех процессов управления, определял векторы административного взаимодействия по правилам, слабо согласованным на региональном и центральном уровнях управления. Об этом свидетельствовали несистемный характер согласования интересов различных российских государственных учреждений в отношении Туркестана, значительная роль личного кадрового фактора (позиция генерал-губернаторов и их лобби в Петербурге), манипулирование «высочайшей волей» через группы и каналы влияния на монарха при принятии им управленческих решений.

Процесс разработки и корректировки многочисленных проектов управления Туркестаном показывал, что в системе российского государственного управления нарушалась формальная соподчиненность управляющей (правительство) и управляемых (генерал-губернаторство) подсистем, которые формировали и

отстаивали разное понимание политического развития в крае. Нахождение баланса интересов туркестанской администрации, Военного министерства, МВД, других министерств, Совета Министров и иных заинтересованных органов и их должностных лиц занимало годы, а как показала практика разработки проектов положений об управлении краем – десятилетия.

Возможно поставить под сомнение наличие понимания со стороны центрального правительства управления окраинами Российской империи как системы в её современном научном понимании. Полувековой опыт административного строительства в Туркестане, свидетельствует не столько о построении системы, сколько об эволюции совокупности институций. Причина отсутствия в течение полувека российского присутствия в Центральной Азии концепции регионального управления и консенсуса участников политического процесса по путям распространения на Туркестан общероссийских институтов управления находилась в сфере дефицита информации о присоединенной территории.

Для Туркестана была характерна историческая особенность российского управления, где традиционно с первой половины XVIII в. доминировал аппарат (канцелярия) над «присутствием», т.е. высочайше назначаемыми политическими фигурами. Так было и в Туркестане, где после К.П. Кауфмана практически управляли руководители канцелярии генерал-губернатора.

В Положениях и проектах положений об управлении Туркестаном 1865, 1871, 1873 и 1886 г. прослеживается временность и неопределенность статуса края и его структур управления. Начиная с присоединения и вплоть до 1886 г. Туркестан управлялся по временным актам: четырем «Временным положениям об управлении» областями, округами и отделами. С современных позиций теории государственного управления, формирования региональных институтов власти и эффективности административной практики, это положение не следует считать нормальным. В то же время, временный статус указанных документов, обеспечивал их «мобильность» и гибкость для приспособления к меняющимся условиям.

Утверждение постоянного правового статуса Туркестана в 1886 г. «Положением об управлении Туркестанского края» формально стало звеном эволюции военно-административного в гражданско-административное управление, однако разработан переход к гражданскому управлению был военными, выступавшими против такого направления эволюции.

Заложенные при разработке Положения 1886 г. противоречия, обусловили его противоречивое место в эволюции управления Туркестаном. Критикуемое правоприменителем, туркестанской администрацией, Положение 1886 г. юридически оформило фактически сложившиеся на тот момент административные отношения, взаимодействие Туркестанского генерал-губернатора, территориальных учреждений министерств и органов местного управления и самоуправления. В то же время, состояние такого взаимодействия не устраивало никого. В этой связи Положение вместо прочной и стабильной правовой основы управления, стало очередным звеном эволюции.

Ограничение полномочий и объема власти туркестанского генерал-губернатора территориальными учреждениями министерств, не обеспечило стройность наполовину гражданского управления. Министерства, обеспечивая, в том числе и узковедомственные интересы, часто и неизбежно вступали в противоречие с позицией генерал-губернатора, чей аппарат считал эволюцию к гражданскому управлению преждевременной.

В то же время, политика России в Азии во второй половине XIX в. определялась не только, а на начальном этапе и не столько, потребностями быстрой интеграции территорий, сколько сложной геополитической ситуацией в регионе, где соперничали за влияние две великие империи: Российская и Британская. В центре этого соперничества оказался Туркестан.

За решением геополитических задач последовала стабилизация, которую предстояло использовать для ускорения эволюции системы управления, однако, этого не произошло. Медлительность административного аппарата, комплекс неразрешенных межведомственных противоречий и сложность нормотворческой практики – все это, в том числе, не позволило использовать время для завершения

стабильной и отвечающей требованиям современности законодательной базы. Восстание 1916 г. в Центральной Азии было своего рода испытанием, с которым сложившаяся система не справилась. Немногочисленные и небольшие по личному составу уездные полицейские участки содержались не за счет казны, а за счет русского населения и это влияло на их количество и способность поддерживать порядок в уездах. В 1916 г. последовал указ о призыве 480 тыс. «инородцев» на строительство военных сооружений на фронте. Местное население в ответ подняло восстание. Так, из-за того, что уездная полиция в крае практически отсутствовала, подавить восстание было некому. Хотя на Особых совещаниях за несколько лет до этого эти вопросы обсуждались. Решение было известным – оставить все как есть. Рост революционного и национально-освободительного движений, войны и революции не позволили довести эволюцию системы русского управления Туркестаном ни до цели, обозначенной императорским правительством, ни до законодательного акта, всесторонне регламентирующего систему такого управления. С другой стороны, военно-административная модель управления, эволюционируя сама, приводила к позитивным результатам – 50 лет нахождения Туркестана в составе России обеспечили краю экономическое развитие и модернизацию.

Для дальнейшей разработки темы представляются перспективными сюжеты, связанные с институциональными особенностями управления национальными окраинами Российской империи, опытом экономического взаимодействия приграничных территорий с сопредельными странами, возможностями и пределами применения в условиях Центральной Азии концепции фронта. Изучение трансформации системы управления регионами, имеющими свои особенности, может способствовать пониманию историко-культурных оснований системы государственного управления в современных условиях, прогнозирования возможных тенденций ее будущего развития.

Список использованных источников и литературы

Источники

I. Законодательные и нормативные документы

1. Временное положение об управлении Закаспийской области 1892 г. // Свод законов Российской империи. – М., 1910. – Кн. I, т. II: Свод губернских учреждений, гл. VII. – Ст. 1–39.
2. Дополнено постановлением Совета Министров от 13 июня 1906 г. (ст. 1) // Собр. узаконений Российской империи. – 1906. – 13 июня. – № 1562.
3. Именной Высочайший указ, данный Сенату: «О разделении Сибири и среднеазиатских областей на военные округа с соответствующими изменениями в устройстве их высшего гражданского управления» от 26 дек. 1897 г. // Полное собрание законов Российской империи. – 3-е собр. – СПб., 1900. – Т. 17, отд. 1. – № 14818. – С. 711.
4. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1909 год / Федер. архив. служба России, Рос. гос. ист. архив, отв. сост., авт. введ. и примеч. Б.Д. Гальперина. – М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 494 с.
5. Высочайше утвержденное временное Положение об управлении Туркестанской областью от 6 авг. 1865 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. – Собр. 2-е. – СПб., 1867. – Т. 40, отд. 1. – № 42372.
6. Именной, данный Сенату, о разделении Сибири и Среднеазиатских областей на военные округа с соответственными изменениями в устройстве их высшего гражданского управления от 23 дек. 1897 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. – Собр. 3-е. – СПб., 1898. – Т. 17. – № 14818.
7. Высочайше утвержденные: I. Положение об управлении Туркестанского края и II. Правила о введении поземельно–податного устройства в Туркестанском крае от 12 июня 1886 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. – Собр. 3-е. – СПб., 1888. – Т. 6. – № 3814.

8. Высочайше утвержденное временное Положение об управлении Закаспийской области от 6 февр. 1890 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. – Собр. 3-е. – СПб., 1893. – Т. 10, отд.1. – № 6576.

9. Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края от 25 марта 1891 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. – Собр. 3-е. – СПб., 1894. – Т. 11. – № 7574.

10. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров о гражданском переустройстве Среднеазиатских областей от 10 авг. 1899 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. – Собр. 3-е. – СПб., 1902. – Т. 19, отд.1. – № 17177.

11. Высочайше утвержденные основные государственные законы от 22 апр. 1906 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. – Собр. 3-е. – СПб., 1909. – Т. 26, отд. 1. – № 27805.

12. Учреждение для управления Сибирских губерний от 22 июня 1822 г. [Электронный ресурс] // Полн. собр. законов Рос. империи. – СПб., 1830. – Т. 38., № 29.125. – С. 345–394.

13. Положение об управлении Туркестанского края [Электронный ресурс] // Свод законов Рос. империи : в 5 кн. – СПб., 1912. – Кн. 1, т. 2. – С. 427–446. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/172/426.html#img427> (дата обращения: 07.01.2018).

14. Общая инструкция генерал-губернаторам [Электронный ресурс] // Свод законов Рос. империи : в 16 т. – М., 1910. – Кн. 1, т. 2: Свод губернских учреждений, гл. 8. – Ст. 208–252. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/172/18.html#img19> (дата обращения: 10.03.2018).

15. Уездное управление [Электронный ресурс] // Свод законов Рос. империи : в 16 т. – М., 1910. – Кн. 1, т. 2: Свод губернских учреждений, гл. 7. – Ст. 21. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/172/424.html#img425> (дата обращения: 07.02.2018).

16. Права и обязанности начальника области [Электронный ресурс] // Свод законов Рос империи : в 16 т. – М., 1910. – Кн. 1, т. 2: Свод губернских учреждений, гл. 2, отд. 1. – Ст. 6, 7. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/172/423.html> (дата обращения: 07.01.2018).

17. О губернаторах [Электронный ресурс] // Свод законов Рос. империи. : в 16 т. – М., 1910. – Кн. 1, т. 2: Свод губернских учреждений, гл. 8. – Ст. 44, № 263–420. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/172/23.html#img24> (дата обращения: 07.01.2018).

II. Отчеты по ревизиям Туркестанского края

18. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Сельское управление: Русское и туземное. – СПб.: Сенат. тип., 1910. – 226 с.

19. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Краевое управление. – СПб.: Сенат. тип., 1910. – 270 с.

20. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. – СПб.: Сенат. тип., 1910. – 430 с.

III. Делопроизводственная документация

21. Возражения члена Государственного Совета И.П. Левшина на проект «Положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно–Сибирского генерал–губернаторств // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 656. – Л. 2–3.

22. Выписка из дел, хранящихся в архивах министерств: Военного, Иностранных дел, Морского и Финансов о видах и распоряжениях нашего правительства относительно Восточного берега Каспийского моря // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 670. – Л. 3–4.

23. Выписка из объяснительной записки комиссии к проекту положения об управлении в казахских степях, док. № 115 // Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России

до Великой Октябрьской социалистической революции). – Алма-Ата, 1960. – С. 206.

24. Журнал комиссии, учрежденной в Ташкенте главным начальником Оренбургского края, для составления положения об устройстве Туркестанской области в гражданском отношении (копия) // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 680. – Л. 1–4.

25. Записка Генерального штаба об улучшении управления Туркестанским генерал-губернаторством (копия) // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 682. – Л. 7.

26. Записка Гирса об устройстве Туркестанского генерал-губернаторства (копия) // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 696. – Л. 1, 9.

27. Записка Оренбургского генерал-губернатора об устройстве администрации Туркестанского генерал-губернаторства (копия) // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 697. – Л. 1–2.

28. Записка подполковника Проценко «О неудобствах соединения Семипалатинской области с Туркестанской в один военный округ (копия) // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 695. – Л. 1–8.

29. Объяснительная записка к проекту положения об управлении в Киргизских степях // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 660. – Л. 12.

30. Письмо генерал-майора М. Черняева к министру финансов о необходимости изменить систему управления Туркестанским генерал-губернаторством (копия) // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 686. – Л. 13.

31. Письмо генерал-майора М. Черняева к министру финансов о необходимости изменить систему управления Туркестанским генерал-губернаторством (копия) // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 686. – 13 л.

32. Записка Н. Северцова «Естественные условия Аулиеата, как административного центра». (копия) // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 655. – Л. 2.

33. Секретная переписка по разным предметам // Рос. гос. воен.-ист. архив. – Ф. 1396. – Оп. 2. – Д. 140. – Л. 48–49.

34. Об отправлении в Бухару русского посольства под начальством полковника Носовича // Центральный гос. архив Республики Узбекистан. – Ф. И–1. – Оп. 34. – Д. 76. – Л. 3.

35. Письма начальника Зеравшанского округа и дипломатического чиновника по вопросу об учреждении Бухарского агентства в Самарканде // Центральный гос. архив Республики Узбекистан. – Ф. И–1. – Оп. 29. – Д. 205. – Л. 4 об.

36. Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, док. № 117 // Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). – Алма-Ата, 1960. – С. 282–316.

37. Рапорт командующего войсками Западно-Сибирского военного округа о желании 1037 человек китайских эмигрантов, кара-калпаков и др. перейти в русское подданство // Центральный гос. архив Республики Узбекистан. – Ф. И–1. – Оп. 34. – Д. 17. – Л. 3.

38. С замечаниями министерств на проект положения 1871 г. // Центральный гос. архив Республики Узбекистан. – Ф. И–1. – Оп. 20. – Д. 5134.

39. С секретными бумагами. Донесения разведчиков о событиях в Бухарском и хивинском ханствах, о приезде, без разрешения в Туркестанский край итальянских подданных Бонам и Венециани, о возможности распространения христианства между кочевниками и др. // Центральный гос. архив Республики Узбекистан. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 2934. – Л. 48–49.

40. С секретными бумагами. Донесения разведчиков о событиях в Бухарском и хивинском ханствах, о приезде, без разрешения в Турк. край итальянских подданных Бонам и Венециани, о возможности распространения

христианства между кочевниками и др. // Центральный гос. архив Республики Узбекистан. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 2934. – Л. 48–49.

41. Сношения с Кокандским ханством // Центральный гос. архив Республики Узбекистан. – Ф. И–1. – Оп. 34. – Д. 44.

IV. Документальные публикации

42. Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. – Ташкент: ЦСУ Турк. республики, 1925. – Вып. 2: Поволостные итоги Ферганской области. – 71 с.

43. Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX–начале XX в. : документы и извлечения. – Барнаул: [Азбука], 2014. – 624 с.

44. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / сост. И. В. Козьменко. – М.: Госполитиздат, 1952. – 464 с.

45. Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской государственной границы от Шабин Дабага до хребта Цуклин [Электрон. ресурс] // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. – Электрон. дан. [Б. м., б. г.], – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Rus_kit_dog_prav_akt/21-40/22.htm (дата обращения: 25.09.2018).

V. Периодическая печать

46. Статьи газет об известиях из Туркестана (о торговле с сопредельными странами, об русских интересах // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп.1. – Д. 641. – Л. 30.

47. Статьи, заметки из газет о Туркестане, Ср. Азии // Рос. гос. архив древних актов. – Ф. 1385. – Оп.1. – Д. 643. – Л. 82.

VI. Источники личного происхождения

48. Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867 : историческая литература / Д. А. Милютин; под ред. Л. Г. Захаровой. – М.: РОССПЭН, 2005. – 695 с.

49. Мы стали твердою ногою на Аму-Дарье. Хивинский поход 1873 г. в описании великого князя Николая Константиновича [Электронный ресурс] //

Источник. Документы русской истории. – 2002. – № 4 (58). – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860–1880/Romanov_N_K/briefe_chiv_pochod_1873.htm, (дата обращения: 30.07.2018).

50. Валиханов Ч. Ч. Сочинения / Ч. Ч. Валиханов; под ред. [и с предисл.] д. ч. Н. И. Веселовского. – СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1904. – XLVI, [3], 533, XXXII, 2 с.

51. Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего. Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // DrevLit.ru. Библиотека древних рукописей. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2008–2018. – URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860–1880/Kaufman/briefe_miljutin_1.php (дата обращения: 26.07.2018).

52. Костенко Л. Ф. Туркестанский край : в 3 т. / Л. Ф. Костенко. – СПб., 1880. – Т. 1. – 488 с.; Т. 2. – 267 с.; Т. 3. – 311 с.

VII. Историко-статистические сочинения

53. Гагемейстер Ю. А. Взгляд на промышленность и торговлю России // Рус. вестн. – 1857. – № 1. – С. 5–52.

54. Грум-Гржимайло Г. Е. Краткий очерк о результатах экспедиции в Приалайские страны // Изв. Рус. географ. об-ва. – 1884. – Т. XX. – С. 660–673.

55. Грум-Гржимайло Г. Е. Очерк Припамирских стран // Изв. Рус. географ. об-ва. – 1886. – Т. XXII. – С. 8–109.

56. Львов И. Завоевание Туркестана. // Рус. вестн. – 1868. – № 7. – С. 152–178.

57. Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу / Д. И. Романовский; с прил. и карт. Туркестан. генерал-губ. [сост. ... штабс-кап. Люсилиным]. – СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1868. – 291 с.

58. Радлов В. В. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. // Изв. Рус. геогр. общ. – 1870. – Т. VI. – С. 96–100.

59. Первая поездка на Тянь-Шань, или Небесный хребет, до верховьев системы р. Яксарта, или Сыр-Дарьи, действительного члена П.П. Семенова в 1857 г. [Электронный ресурс] // Вестн. Император. Рус. географ. об-ва. – СПб., 1858. –

Ч. 23, кн. 5. – С. 1–24. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/73670/1/RuPRLIB12047680.pdf> (дата обращения: 05.02.2018).

60. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Поездка из укрепления Верного через горный перевал к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г. Отрывок из путевых записок [Электронный ресурс] // Зап. Рус. географ. об-ва. Отд-ние общей географии. – 1867. – Т. 1. – С. 180–254. – Электрон. версия печат. публ. – URL: https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-63/002_R/index.html (дата обращения: 05.02.2018).

61. Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае // Ист. вестн. – 1913. – Т. 134, № 11. – С. 444–445.

62. Федченко А. П. В Кокандском ханстве // Путешествие в Туркестан / А. П. Федченко. – СПб., 1875. – Т. 1, ч. 2. – С. 64.

63. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом : в 2 т. / Д. Н. Логофет. – СПб.: Изд. В. Березовского, город, 1911. – Т.1–2. – 340 с.

64. Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары: (Очерки Средней Азии) / Д. Н. Логофет. – СПб.: Тип. Г. Шумахера и Б. Брукера, 1913. – 619 с.

65. Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии // Рождение нации. («Арабески истории». Вып. 7) / сост. А. И. Куркчи. – М., 1996. – С. 593–616.

66. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1836–1857 гг. / П. П. Семенов-Тянь-Шанский. – М.: Географгиз, 1958. – 276 с.

67. Мак-Гахан Я. А. Движение соединённых колонн // Военные действия на Оксусе и падение Хивы. – М., 1875. – Ч. 2, гл. 7. – С. 157–170.

68. Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны [Электронный ресурс] // Зап. Рус. географ. об-ва. – 1861. – Кн. 4. – С. 79. – Электрон. версия печат. публ. – URL: https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-184/002_R/index.html (дата обращения: 05.02.2018).

69. Мушкетов И. В. Памир и Алтай // Живописная Россия. – СПб., 1885. – Т. X: Русская Средняя Азия. – С. 299–332.

Литература

Монографии

70. Абашин С. Н. Центральная Азия в составе Российской империи / С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.
71. Абдурахимова Н. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. / Н. Абдурахимова, Г. Рустамова. – Ташкент: ФАН, 1999. – 540 с.
72. Байбулатов Б. Социально–экономический строй в Киргизии до Великой Октябрьской социалистической революции / Б. Байбулатов. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1958. – 96 с.
73. Баишев С. Б. Победа социализма в Казахстане / С. Б. Баишев. – Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1961. – 326 с.
74. Бейсембиев К. Идеино–политические течения в Казахстане в конце XIX – начале XX в. / К. Бейсембиев. – Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1961. – 378 с.
75. Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России / Е. Б. Бекмаханов. – М. : АН СССР, 1957. – 337 с.
76. Бекмаханов Е. Б. Социально–экономические отношения в Казахстане в период империализма / Е. Б. Бекмаханов. – Алма-Ата, 1957. – 36 с.
77. Бертольд В. В. История культурной жизни Туркестана / В. В. Бертольд. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – 256 с.
78. Богоутдинов А. М. Очерки истории таджикской философии / А. М. Богоутдинов. – Душанбе : Таджикгосиздат, 1961. – 332 с.
79. Брайнин С. Восстание казахов Семиречья в 1916 году / С. Брайнин, Ш. Шадгиро. – М.; Алма-Ата: Казах. Краев. Изд-во, 1936. – 103 с.
80. Вахабов М. Г. Формирование Узбекской социалистической нации / М. Г. Вахабов. – Ташкент: Госиздат Уз. ССР, 1961. – 587 с.
81. Василенко И. А. Геополитика современного мира: учеб. пособие / И. А. Василенко. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2010. – 320 с.

82. Вернадский Г. В. Начертание русской истории / Г. В. Вернадский. – М.: Алгоритм, 2007. – 336 с.
83. Вяткин М. П. Монополистический капитал в Средней Азии / М. П. Вяткин. – Фрунзе: Изд-во Акад. наук Кирг. ССР, 1962. – 162 с.
84. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования / Е. А. Глущенко. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. – 575 с.
85. Границы Китая: история формирования / под ред. В. С. Мясникова, Е. Д. Степанова, А. А. Бокщанина. – М.: Памятники ист. мысли, 2001. – 470 с.
86. Данилевский Н. Г. Россия и Европа / Н. Г. Данилевский. – 2-е изд. – М.: Ин-т рус. цивилизации, Благословение, 2011. – 816 с.
87. Джамгерчинов К. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России / К. Джамгерчинов. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1960. – 189 с.
88. Джунушев К. Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии / К. Джунушев. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1962. – 129 с.
89. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А. Г. Дугин. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. – 924 с.
90. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.) / В. С. Дякин. – СПб.: Лисс, 1998. – 1000 с.
91. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1968. – 368 с.
92. Жантуаров С. Б. Гражданская война в Киргизии / С. Б. Жантуаров; под ред. П. И. Кабанова. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1963. – 239 с.
93. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие / С. В. Жуковский. – СПб.: Типо-литография Н.И. Ефстифеева, 1915. – 225 с.
94. Займовский С. Г. Крылатое слово: справочник цитаты и афоризма / С. Г. Займовский. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. – 492 с.
95. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.

96. Захарьин И. Н. (Якунин). Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву [Электронный ресурс] / И. Н. Захарьин. – СПб., 1901. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://rus-turk.livejournal.com/187638.html> (дата обращения: 05.03.2018).
97. Захарьин И. Н. Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву : в 2 ч. / И. Н. Захарьин. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1901. – Ч. 1–2. – 347 с.
98. Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане / А. И. Зевелев. – Ташкент: Госиздат Уз ССР, 1959. – 607 с.
99. Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции / А. Г. Зима. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1959. – 113 с.
100. Зорин В. Ю. Национальный вопрос в Государственных Думах России (опыт законотворчества) / В. Ю. Зорин, Д. А. Аманжолова, С. В. Кулешов. – М.: Рус. мир, 1999. – 501 с.
101. Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения / О. В. Зотов. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
102. Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России / В. А. Иванов. – Калуга: КГПИ, 1994. – 229 с.
103. Из беседы с А. Коллонтай (ноябрь 1939 г.) // Сочинения / И. В. Сталин. – Тверь, 2006. – Т. 18. – С. 607.
104. Иркаев М. И. История гражданской войны в Таджикистане / М. И. Иркаев. – Душанбе: [Б. и.], 1963. – 760 с.
105. Исаев И. А. Топос и номос: пространства правопорядков / И. А. Исаев. – М.: Норма, 2007. – 415 с.
106. История Казахской ССР : в 2 т. / редкол. С. Н. Покровский [и др.]. – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз. ССР, 1959. – Т. 2. – 734 с.
107. История Казахской ССР : в 2 т. / сост. тома Е. И. Агеева [и др.]; редкол. М. О. Ауэзов [и др.]. – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз. ССР, 1957. – Т. 1. – 608 с.
108. История Киргизской ССР : 2 т. / ред. кол. К. К. Каракеев [и др.]. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – Т. 1. – 708 с.

109. История Киргизской ССР: в 2 т. / ред. кол. К. К. Каракеев [и др.]. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – Т. 2, кн. 1: Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма. (1917-1937). – 532 с.
110. История коммунистических организаций Средней Азии. – Ташкент: Узбекистан, 1967. – 783 с.
111. История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. / П. Н. Поспелов [и др.]. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 1. – 632 с.; 1966. – Т. 2. – 774 с.
112. История народов Узбекистана: в 2 т. / гл. ред. А. Аскарлов. – Ташкент: Фан, 1993. – Т. 2. – 450 с.
113. История народов Узбекистана: учеб. пособие : в 2 т. / под ред. А. Аскарлова. – Ташкент: Фан, 1992. – Т. 1. – 184 с.; 1993. – 219 с.
114. История Ташкента (с древнейших времён до победы Февральской буржуазно–демократической революции) / Б. В. Лунин [и др.]; отв. ред. Х. З. Зияев, Ю. В. Буряков. – Ташкент: Фан, 1988. – 293 с.
115. История Туркменской ССР: в 2 т. – Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1957. – Т. 2 : Апрель 1917–1957. – 719 с.
116. История Узбекской ССР : в 4 т. / ред. кол. Р. Х. Аминова [и др.]. – Ташкент: Фан, 1967. – Т. 1: С древнейших времен до середины XIX века. – 770 с.; 1968. – Т. 2: От присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции. – 662 с.
117. Исхаков Ф. Б. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917) / Ф. Б. Исхаков. – Ташкент: Фан, 1997. – 135 с.
118. Капырин П. И. Социалистические нации нового типа / П. И. Капырин. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 96 с.
119. Карпов Г. И. Восстание тедженских туркмен в 1916 году / Г. И. Карпов. – Ашхабад : Туркменгосиздат, 1935. – 72 с.
120. Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 253 с.
121. Кастельская З. Д. Восстание 1916 г. в Узбекистане / З. Д. Кастельская. – Ташкент: Гос. изд. УзССР, 1937. – 65 с.

122. Коркунов Н. М. Русское государственное право. / Н. М. Коркунов; под ред. и с доп. М. Б. Горенберг. – 6-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – Т. 2: Часть особенная. – 749 с.
123. Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития / М. И. Куличенко. – М.: Мысль, 1972. – 563 с.
124. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: пер. с фр.: в 2 т. / А. де Кюстин; под ред. В. Мильчиной; комент. В. Мильчиной, А. Осповата. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – Т. 1. – 528 с.
125. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М., 1973. – Т. 30. – С. 17–58.
126. Ленин В. И. Речь об отношении к Временному правительству 4 (17) июня 1917 г. на Всероссийском Съезде советов рабочих и солдатских депутатов // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М., 1969. – Т. 32. – С. 274.
127. Литвинов П. П. Органы департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам) / П. П. Литвинов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. 2007. – 540 с.
128. Манжара Д. И. Революционное движение в средней Азии 1905–1920 г. / Д. И. Манжара. – Ташкент: Средазпартиздат, 1934. – 147 с.
129. Маркс К. Избранные произведения : в 2 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1949. – Т.1. – 636 с.
130. Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1955. – 587 с.
131. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки / Л. И. Мечников. – М.: Прогресс, 1995. – 464 с.
132. Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Аму–Дарьи / И. П. Минаев. – СПб.: Рус. геогр. об-во, 1879. – 270 с.

133. Муминов И. Из истории развития общественно–философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX в. / И. Муминов. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1957. – 214 с.

134. Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бесарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) / сост., ред. и автор вступит. ст. Ю. И. Семенов. – М.: Старый сад, 1997. – 413 с.

135. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. – М.: Славянский диалог, 1998. – 416 с.

136. Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и сост.: И. В. Герасимов [и др.]. – Казань : Центр Исслед. Национализма и Империи, 2004. – 656 с.

137. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. – 2-е изд., доп. и перераб. – Алма-Ата: Казахстан, 1984. – 759 с.

138. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. – Фрунзе: Кыргызстан, 1966. – 502 с.

139. Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. – Душанбе: Ирфон,, 1964. – 424 с.

140. Очерки истории Коммунистической партии Туркестана / [авт. В. К. Додонов, К. Е. Житов, А. Халмухамедов]. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1959. – Ч. 2 : Большевики Туркестана в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции и упрочения Советской власти. – 184 с.

141. Очерки истории Коммунистической партии Туркестана / [авторы А. И. Зевелев, Ш. Т. Ташлиев]. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1964. – Ч. 3: Коммунистическая партия Туркестана в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. – 167 с.

142. Очерки истории Коммунистической партии Туркестана / [В. Я. Непомнин, С. В. Тихонова]. – Ташкент, 1961.– Ч. 4: Коммунистическая партия Туркестана в период восстановления народного хозяйства (1921-1924). – 152 с.

143. Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана / ред. кол. Ш. Ташлиев [и др.]. – Ашхабад : Туркменистан, 1964. – 816 с.
144. Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. – Ташкент: Узбекистан, 1964. – 568 с.
145. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. – Ташкент: Фан, 1967. – 771 с.
146. Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.: лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимою 1923/24 г. / М. Н. Покровский. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – 200 с.
147. Раджабов З. Ш. Восстание 1916 года в Ходжентском уезде / З. Ш. Раджабов. – Душанбе, 1955. – 26 с.
148. Раджабов З. Ш. Из истории общественно–политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. / З. Ш. Раджабов. – Душанбе: Таджик. Гос. изд-во, 1957. – 459 с.
149. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / А. Рашид. – М.: Библион-Рус. кн., 2003. – 361 с.
150. Ремнев А. В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX– начала XX века: монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. – Омск: Издательский дом Наука, 2013. – 248 с.
151. Росляков А. А. Большевики Туркестана в борьбе за власть Советов / А. А. Росляков. – Ашхабад, 1961. – Т. 1. – 455 с.
152. Росляков А. А. Революционное движение и социал–демократические организации в Туркестане в дооктябрьский период (1900–март 1917 г.) / А. А. Росляков. – Ашхабад: Туркменгосиздат, 1957. – 267 с.
153. Рыскулов Т. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 год : в 2 ч. / Т. Рыскулов. – Кзыл-Орда: Гос. изд-во К.С.С.Р., 1927. – 124 с.
154. Северцов Н. А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня / Н. А. Северцов. – СПб.: Тип. К.В. Трубникова, 1873. – 475 с.

155. Стучка П. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях : (национальная и пролетарская революции) / П. Стучка. – М.: Прометей, 1926. – 98 с.
156. Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть Т. И. Султанов. – М.: АСТ, 2006. – 446 с.
157. Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии / М. А. Терентьев. – СПб.: Тип. Меркульева, 1875. – 354 с.
158. Турсунов Х. Т. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане / Х. Турсунов. – Ташкент: Узбекистан, 1971. – 367 с.
159. Турсунов Х. Т. Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, Бухары и Хорезма / Х. Т. Турсунов. – Ташкент, 1959. – 84 с.
160. Усенбаев Д. К. Общественно–экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства / Д. К. Усенбаев. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. СССР, 1961. – 165 с.
161. Усенбаев К. У. Прогрессивное значение присоединения Киргизии к России / К. У. Усенбаев. – Фрунзе, 1957. – 31 с.
162. Фридман Ц. Л. Иностраный капитал в дореволюционном Казахстане / Ц. Л. Фридман. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. – 144 с.
163. Цамерян И. П. Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития / И. П. Цамерян. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 334 с.
164. Фридман Ц. Л. Иностраный капитал в дореволюционном Казахстане / Ц. Л. Фридман. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. – 144 с.
165. Цамерян И. П. Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития / И. П. Цамерян. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 334 с.
166. Шоинбаев Т. Алиби Джангальдин / Т. Шоинбаев. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. – 88 с.
167. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50–х – начале 80–х гг. XIX века / М. М. Шумилов. – М.: Прометей, 1991. – 218 с.

168. Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924 / S. Becker. – London : RoutledgeCurzon, 2005. – 440 p.
169. Caroe O. Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism / O. Caroe. – London; New York, 1953. – 281 p.
170. Hopkirk P. Setting the East Ablaze: Lenin's Dream of an Empire in Asia / P. Hopkirk. – London: Oxford, 1986. – 252 p.
171. Hostler C. W. Turkism and the Soviets / C. W. Hostler. – London, 1957. – 244 p.
172. Ingram E. In Defence of British India: Great Britain in the Middle East, 1775–1842 / E. Ingram. – London, 1984. – 254 p.
173. Park A. Bolshevism in Turkestan / A. Park. – New York, 1957. – 388 p.
174. Spector Y. The Soviet Union and the muslimword, 1917–1958 / Y. Spector. – Seattle, 1959. – 328 p.
175. The Changing Map of Asia: a political geography / ed. W. Gordon East, O. H. K. Spate. – London: Methuen, New York : Dutton, 1958. – 434 p.
176. The Great Game: Britain and Russia in Central Asia. Documents / ed. M. Ewans. – London; New York: RoutledgeCurzon, 2004. – 170 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

177. Васильев Д. В. Становление и развитие системы управления Туркестанского края 1856–1866: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. В. Васильев. – М., 1999. – 286 с.
178. Данков А. Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI вв): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. / А. Г. Данков. – Томск, 2008. – 249 с.
179. Литвинов П. П. История деятельности царской власти по применению административной ссылки в Русском Туркестане в 1865–феврале 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / П. П. Литвинов. – Елец, 2004. – 22 с.
180. Соколов В. В. Туркестанский край в составе Российской империи, вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.: проблемы социально-экономического и

общественно–политического развития: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В. В. Соколов. – М., 2002. – 526 с.

181. Тухтаметов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: вторая половина XIX века: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Ф. Т. Тухтаметов. – М., 2003. – 374 с.

182. Шушкова М. Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. Е. Шушкова. – М., 2015. – 313 с.

183. Якубов Б. С. Шахрисабзское и Китабское бекства во второй половине XVIII–60-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Б. С. Якубов. – Ташкент, 1997. – 21 с.

Статьи

184. Алексеенко В. Н. Освещение вопроса вхождения Средней Азии и Казахстана в состав России на страницах журнала «Русский вестник» // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско–буржуазной и современной историографии советологов. – Алма-Ата, 1985. – С. 5–28.

185. Алимджанов Б. А. Русский Туркестан – неудачная попытка внедрения новых политических форм? / Б. А. Алимджанов, Ж. И. Жакпаров // Молодой ученый. – 2018. – № 20. – С. 358–360.

186. Бармин В. А. Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1918–1931 гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 4. – С. 113–118.

187. Басханов М. К. Костенко Лев Феофилович // Русские военные востоковеды до 1917 года : библиографический словарь. – М., 2005. – С. 127–128.

188. Батыров Ш. К вопросу о формировании и развитии социалистических нации в СССР // Коммунист Туркмении. – 1958. – № 3. – С. 29–30.

189. Бахлов И. В. Национальная периферия в Российской империи: специфика положения и организация системы управления / И. В. Бахлов, И. Г. Напалкова // Федерализм. – 2011. – № 1 (61). – С. 182.

190. Бахлов И. В. Система управления периферией в Российской империи: организационно-правовые формы и специфика // Управление в социальных и экономических системах. – 2007. – Вып. 1/2. – С. 27–39.

191. Беспорядки в Китае копируют события в Тибете 2008 г. [Электронный ресурс] // РИА Новости. Россия сегодня. – Электрон. дан. – М., 2018. – URL: <https://ria.ru/world/20090706/176461653.html> (дата обращения: 26.07.2018).

192. Боронин О. В. К вопросу о периодизации политики России в Средней Азии во второй половине 60-х первой половине 80-х гг. XIX в. [Электронный ресурс] // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 2005. – № 4. – С. 28–31. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-periodizatsii-politiki-rossii-v-sredney-azii-vo-vtoroy-polovine-60-h-pervoy-polovine-80-h-gg-xix-v> (дата обращения: 14.05.2018).

193. Брежнева С. Н. Бухарский эмират периода протектората России в трудах ученого-востоковеда Д. Н. Логофета [Электронный ресурс] // Вестн. Костром. гос. ун-та. – 2009. – №4. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buharskiy-emirat-perioda-protektorata-rossii-vtrudah-uchenogo-vostokoveda-d-n-logofeta> (дата обращения: 14.05.2018).

194. Брежнева С. Н. Русская общественность о наступлении Российской империи на Туркестан (вторая половина XIX века) // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. – 2012. – № 2. – С. 26–31.

195. Брежнева С. Н. Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. – 2016. – Вып. 37, № 1 (222). – С. 113–117.

196. Бурмистров Т. Ю. О советских социалистических нациях и роли КПСС в их формировании // Вестн. Ленингр. ун-та. – 1956. – № 2. – С. 3–24.

197. Вандам А. Е. Наше положение // Геополитика и геостратегия / А. Е. Вандам. – М., 2002. – С. 29–30.

198. Васильев Д. В. К истории образования Туркестанского генерал-губернаторства (1864–1867 гг.) [Электронный ресурс] // Воен.-ист. журн. – 2017. – № 11. – С. 75–81. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://history.milportal.ru/2017/10/k-istorii-obrazovaniya-turkestanskogo-general-gubernatorstva-1864-1867-gg> (дата обращения: 04.08.2018)/

199. Васильев Д. В. О политике царского правительства в Русском Туркестане: (к вопросу о «русификации») // Сб. рус. ист. об-ва. – М., 2002. – Т. 5 (153). – С. 58–70.

200. Васильев Д. В. Организация и функционирование главного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве (1865–1884) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1999. – № 3. – С. 48–62.

201. Васильев Д. В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. [Электронный ресурс] // Наукоеведение: Интернет-журн. – 2014. – №5 (24). – URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf> (дата обращения: 14.05.2018).

202. Васильева И. В. Русский Туркестан в литературных произведениях Н. Н. Каразина [Электронный ресурс] / И. В. Васильева, Д. В. Васильев // Наукоеведение: Интернет-журн. – 2014. – № 4 (23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-turkestan-v-literaturnyh-proizvedeniyah-n-n-karazina> (дата обращения: 14.05.2018).

203. Волков И. В. Миссионерство и государственно-религиозные отношения в Туркестане // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. – 2009. – № 4. – С. 203–206.

204. Волков И. В. Миссионерство и государственно-религиозные отношения в Туркестане // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. – 2009. – № 4. – С. 203–206.

205. Грачев Н. И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. – 2012. – № 2 (17). – С. 18–27.

206. Дамешек И. Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Изв. Иркутск. гос. ун-та. История. – 2012. – № 2 (3). – С. 54–58.

207. Дамешек Л. М. Генерал-губернаторский корпус Сибири: социальный портрет / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2014. – № 5 (31). – С. 4–10.

208. Джамгерчинов Б. К вопросу об общественно–экономическом строе киргизов накануне присоединения Киргизии к России (в середине XIX в.) // Первая научная сессия АН Киргиз. ССР. – Фрунзе, 1955. – С. 425–434.

209. Джандосова З. А. Десять Туркестанов: разные значения одного топонима // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. – Алматы, 2014. – С. 56–65.

210. Джурабаев Д. Х. К вопросу о формах собственности в Бухарском ханстве во второй половине XVIII в. // Вестн. Таджик. гос. ун-та права, бизнеса и политики. Сер. гуманитарных наук. – 2016. – № 1 (66). – С. 45–52.

211. Елецов Т. Е. О характере восстания 1916 г. в Казахстане // Вестн. АН Казахской ССР. – 1954. – № 6. – С. 33–43.

212. Желобцов Ф. Ф. События в Синьцзяне угроза международной безопасности в Центральной Азии // Вестн. Северо-Восточного федер. ун-та им. М.К. Амосова. – 2010. – Вып. 7, № 2. – С. 94–98.

213. Житов К. Е. О некоторых вопросах национального движения в Узбекистане // Правда Востока. – 1950. – № 258.

214. Зевелев А. И. Дискуссия о характере национальных движений в Средней Азии и Казахстане в колониальный период / А. И. Зевелев, Ш. Абдуллаев // Вопр. истории. – 1955. – № 9. – С. 173–178.

215. Зиновьев В. П. Г.Н. Потанин как друг азиатских народов // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2011. – № 2 (14). – С. 34–36.

216. Зиновьев В. П. Торговый обмен Сибири Центральной Азии в начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: Проблемы региональных связей. XVIII–XX вв.: сб. ст. и матер. / отв. ред. В. П. Зиновьев. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. – 2004. – С. 108–120.

217. Зотов О. В. Восточный Туркестан (Синьцзян): на весах истории и геополитики // Восток. – 2009. – № 2. – С. 129–130.

218. Козлов В. К., Цамерян И. П. Ленинский принцип решения национального вопроса / В. К. Козлов, И. П. Цамерян // Правда. – 1960. – 6 дек.

219. Корнеев В. В. Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е годы XIX в. – февраль 1917 г.) // Вопр. истории. – 2001. – № 7. – С. 56–70.

220. Крупенкин Е. Н. Опыт управления Сибирью в Туркестанском генерал-губернаторстве // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 407. – С. 93–97.

221. Крючкова К. С. О содержании понятия «Восточный Туркестан» и топонима Синьцзян // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2005. – № 4. – С. 98–100.

222. Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского [Электронный ресурс] // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». – Электрон. дан. – [Б. м.], 2000–2016. – URL: <http://www.vehi.net/leontev/soloviev.html> (дата обращения: 28.07.2018).

223. Литвинов В. П. Власть и паломничество мусульман в Русском Туркестане [Электронный ресурс] // Власть. – 2014. – № 6. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-palomnichestvo-musulman-v-russkom-turkeстане> (дата обращения: 14.05.2018).

224. Лысенко Ю. А. К вопросу о налоговой политике Российской империи в отношении казахского общества [Электронный ресурс] // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 2013. – № 4 (80). – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nalogovoy-politike-rossiyskoy-imperii-v-otnosheniikazahskogo-obshchestva> (дата обращения: 15.05.2018).

225. Лысенко Ю. А. Развитие исламского общественного движения в Казахстане в начале XX в. и позиция региональных органов власти [Электронный ресурс] // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 2013. – №4 (80). – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-islamskogo-obshchestvennogo-dvizheniya-v-kazahstane-v-nachale-hh-v-i-pozitsiya-regionalnyh-organov-vlasti> (дата обращения: 15.05.2018).

226. Лысенко Ю. А. Развитие исламского общественного движения в Казахстане в начале XX в. и позиция региональных органов власти // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 2013. – № 4 (80). – С. 189–193.

227. Лысенко Ю. А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) [Электронный ресурс] // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 2010. – №4–3. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tatarskiy-vopros-v-konfessionalnoy-politike-rossiyskoy-imperii-v-kazahstane-konets-xviii-nachalo-xx-v> (дата обращения: 15.05.2018).

228. Мамадалиев И. А. «Русский Туркестан» цена окраин для имперского бюджета / И. А. Мамадалиев, Н. С. Махмудова // Учен. зап. Худжанд. гос. ун-та им. академика Б. Гафурова. Сер. гуманитарно-общественных наук. – 2013. – № 4 (37). – С. 180–191.

229. Мамадалиев И. А. Экономический кризис как фактор социальной дестабилизации: Туркестан в конце XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Вестн. ТГУПБП. – 2013. – №2 (54). – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiiy-krizis-kak-faktor-sotsialnoy-destabilizatsii-turkestan-v-kontse-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения: 14.05.2018).

230. Миллер А. И. Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука: Современные империи: сб. науч. тр. / ред. и сост. А. И. Миллер. – М., 2004. – С. 4–11.

231. Миньяр-Белоручев К. В. Территориальная экспансия и развитие США в XIX веке // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2009. – № 41. – С. 123–132.

232. Муратова С. Р. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона. – Тюмень, 2007. – С. 32–46.

233. Наливкин В. П. Из казачьего и неказачьего прошлого // Изв. Омск. гос. историко-краевед. музея. – 1999. – № 7. – С. 310–328.

234. Особый район Китая – Синьцзян-Уйгурский... «газовый синдром» [Электронный ресурс] // Финансовый контроль: информ. агентство. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: <http://www.fcinfo.ru/themes/basic/map-print.asp?ЫIder=1506&pm=218981o/o> (дата обращения: 26.07.2018).

235. Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз // Изв. Рус. географ. об-ва. – 1881. – Т. XVII. – С. 21–58.

236. Публичное подписание Указа «О некоторых вопросах административно-территориального устройства Республики Казахстан» от 19 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента республики Казахстан. – Электрон. дан. – Астана, 2018. – URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/publichnoe-podpisanie-ukaza-o-nekotoryh-voprosah-administrativno-territorialnogo-ustroistva-respubliki-kazahstan (дата обращения: 05.03.2018).

237. Ремнев А. В. Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестн. Омск. ун-та. – 2004. – № 4. – С. 6–13.

238. Ремнев А. В. Самодержавное правительство XIX – начала XX столетия: править и управлять [Электронный ресурс] // Учен. зап. Казан. ун-та: Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 3, ч. 2, №3–2. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoderzhavnoe-pravitelstvo-xix-nachala-xx-stoletiya-pravit-i-upravlyat> (дата обращения: 15.05.2018).

239. Серый Я. Н. Восстание 1916 г. в Ферганской долине // Национально-освободительное восстание 1916 года в Узбекистане / И. Н. Додонов [и др.]. – Ташкент, 1947. – С. 64.

240. Слущкий Л. Россия возвращается в Центральную Азию // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 4. – С. 55–57.

241. Тимошевская А. Д. Создание Туркестанского генерал-губернаторства и формирование его полицейской системы во второй половине XIX – начале XX в. // Тр. Академии управления МВД России. – 2014. – № 4 (32). – С. 92–96.

242. Тянь Р. Г. От Центральной Азии к Большой Центральной Азии: цели и корректировки стратегии США в ЦА // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 3 (63). – С. 78.

243. Уйгурский вопрос – только ли проблема Китая? [Электронный ресурс] // Ореанда: информ. агенство. – Электрон. дан. – [Б. м., б. г.]. – URL: <http://www.oreanda.ru>

oreanda.ru/ru/news/20090709/common/popnews/artirie402384/ (дата обращения: 26.07.2018).

244. Усенбаев К. У. К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России // Тр. Ин-та истории АН Киргиз. ССР. – 1955. – Вып. 1. – С. 39–64.

245. Усенбаев К. У. О характере национальных движений в Южной Киргизии в 1873–76 гг. // Тр. Ин-та языка литературы и истории КирФАН СССР. – 1954. – Вып. 4. – С.45–70.

246. Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Вып. 13, № 3. – С. 73–87.

247. Шерстова Л. И. Евразийские константы в картине мира народов Северной Азии [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 422. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskie-konstanty-v-kartine-mira-narodov-severnoy-azii> (дата обращения: 15.05.2018).

248. Шерстова Л. И. Этническая консолидация или конструирование: проблема генезиса традиционных культур // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 402. – С. 176–180.

249. Шибутов М. О возрождении термина «Туркестан». Пора уйти от конкуренции географических и политических терминов [Электронный ресурс] // REGNUM: информ. агенство. – Электрон. дан. – [Б. м.], 199-2018. – URL: <https://regnum.ru/news/2429990.html>, (дата обращения: 26.07.2018).

250. Шихор И. «Шагая на двух ногах»: организации уйгурской диаспоры и перспективы независимости Восточного Туркестана // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 6 (54). – С. 136–145.

251. Шушкова М. Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый ист. вестн. – 2012. – №32. – С. 6–19.

252. Южаков С. Н. Вопросы гегемонии в конце XIX в. // Рус. мысль. – 1885. – № 4. – С. 36–54.

253. Яковлев А. И. Сравнительные заметки о преобразованиях в Туркестане и советской Средней Азии // Кентавр. – 1993. – № 2. – С.90–114.

254. Якубовская С. И. Ликвидация фактического неравенства наций на примере народов Средней Азии и Казахстана // Ист. зап. – 1954. – № 48. – С. 156–201.

255. Abbas N. Bolstering Security and Bolstering Democracy in South and Central Asia // UNISCI Discussion Papers. – 2006. – № 10. – P. 334.

256. Abbas N. Bolstering Security and Bolstering Democracy in South and Central Asia // UNISCI Discussion Papers. – 2006. – № 10. – P. 334.

257. Phillips A. National Identity between Tradition and Reflexive Modernisation: The Contradictions of Central Asia / A. Phillips, P. James // National Identities. – 2013. – № 3 (1). – P. 23–35.

258. Tisdall S. Vietnam's fury at China's expansionism can be traced to a troubled history // The Guardian. – 2004. – 15 may.

259. Torbakov I. The West, Russia and China in Central Asia: What Kind of Game is Being Played in the Region? // Journal of Central Asian and Caucasian Studies. – 2007. – Vol. 1, № 2. – P. 78–91.

260. Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi [Electronic resource] // Journal of Turkish World Studies. – 2014. – Bd. XIV, № 2. – S. 73-104. – The electronic version of the printing publication. – URL: http://www.tdid.ege.edu.tr/files/dergi_14_2/mehmet_akif_okur.pdf (access date: 06.02.2018).

Учебные работы

261. Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России. XVII–XX века: учеб. пособие / Т. Г. Архипова, М. Ф. Румянцева, А. С. Сенин. – М.: ИЦ РГГУ, 1999. – 231 с.

262. Зиновьев В. П. Страны СНГ и Балтии: учеб. пособие / В. П. Зиновьев. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – 296 с.

263. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – СПб.: Кн. магазин А.Ф. Цинзерлинга, 1892. – Т. 1: Пособие к лекциям. – 404 с.

264. Лазаревский Н. Ц. Лекции по русскому государственному праву / Н. Ц. Лазаревский. – СПб : тип. АО "Слово", 1910. – Т. 2 : Административное право. – 276 с.

265. Мировые интеграционные процессы и международные организации: учеб. пособие / Е. Ю. Лицарева [и др.]; ред. А. Г. Тимошенко, Е. Б. Цой, – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2006. – 256 с.

Справочные и энциклопедические издания

266. Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.) : словарь-справочник / сост. О. Ф. Козлов, В. Ф. Янковая. – М.: Наука, 1996. – Кн. 1: А–Г. – 325 с.; 1999. – Кн. 2: Д–К. – 438 с.; 2001. – Кн. 3: Л – П. – 441 с.; Кн. 4: Р–Я. – 470 с.

267. Ионов М. Е. // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого. – СПб., 1913. – Т. 5. – С. 141.

268. Меллер-Закомельский А. Н. // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого. – СПб., 1911–1915. – Т. 5. – С.195.

269. Пограничные укрепленные линии // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого. – СПб. 1915. – Т. 16. – С. 251.

270. Проект «Русский генералитет накануне Гражданской войны : (материалы к биографическому справочнику)» [Электронный ресурс] / сост. Н. Д. Егоров // ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2003–2011. – URL: <http://www.bfrz.ru/?mod=static&id=106> (дата обращения: 05.10.2017).

271. Романовский Дмитрий Ильич (1825–1881) – русский военачальник, генерал-лейтенант, (Романовский Дмитрий Ильич // Энцикл. словарь : в 86 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1904. – Т. 51. – С. 184.

272. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. – СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1896. – Т. 1: Аарон – Император Александр II. – 892 с.

273. Семиреченская область // Энцикл. словарь: в 86 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1900. – Т. 57. – С. 457–461.

274. Туркестан // Энцикл. словарь: в 86 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1901. – Т. 67. – С. 174.